

КАРЛОС КАСТАНЕДА

• Отдельная реальность •

СОФРИЯ

Карлос Кастанеда

Отдельная реальность

«София Медиа»

1971

Кастанеда К. С.

Отдельная реальность / К. С. Кастанеда — «София Медиа», 1971

ISBN 978-5-399-00602-4

Реальность индейских магов и их союзников так опасна для привычной системы восприятия, что Карлос Кастанеда, антрополог из Лос-Анджелеса, написав свою первую книгу, пытается сбежать от нее навсегда. Но Сила решает иначе: через два года он вернулся – и начался новый цикл обучения. «Отдельная реальность», как и первая книга, – описание опыта, которого он еще не понимает. Читатель, послушай добрый совет: для более точного восприятия учения Толтеков начни знакомство с ним с третьей книги, «Путешествие в Икстлан», и лишь потом вернись к первым двум, ибо было бы слишком грустно, с одной стороны, испугаться неточного описания Пути и отбросить его, с другой – не ознакомиться с теми важнейшими положениями Учения, которые попали именно в первые две книги.

ISBN 978-5-399-00602-4

© Кастанеда К. С., 1971

© София Медиа, 1971

Содержание

Введение	6
Часть I. Подготовка к видению	15
Глава 1	15
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	38
Глава 5	49
Глава 6	58
Часть II. Задача видения	67
Глава 7	67
Глава 8	77
Глава 9	81
Глава 10	87
Глава 11	93
Глава 12	102
Глава 13	110
Глава 14	121
Глава 15	132
Глава 16	137
Глава 17	147
Эпилог	155

Карлос Кастанеда

Отдельная реальность

Carlos Castaneda
A Separate Reality

© 1971 by Carlos Castaneda
© ООО Издательство «София», 2014

* * *

Введение

Десять лет назад мне посчастливилось познакомиться с индейцем племени яки из Северо-Западной Мексики. Я называл его дон Хуан. В испанском языке обращение «дон» выражает уважение. Мое знакомство с доном Хуаном произошло при обстоятельствах, в общем-то, случайных. Мы с моим приятелем Биллом сидели на автобусной станции пограничного городка в Аризоне. Мы молчали. Была вторая половина дня, и летняя жара казалась просто нестерпимой. Вдруг Билл наклонился и тронул меня за плечо.

– Смотри, вот человек, о котором я тебе говорил, – шепотом произнес он и многозначительно кивнул в сторону входа. Я проследил за его взглядом и увидел старика, только что вошедшего в помещение станции.

– Что ты мне о нем говорил? – спросил я.

– Это тот самый индеец, помнишь? Который разбирается в пейоте.

Я вспомнил. Однажды мы с Биллом целый день проехали на машине в поисках «эксцентричного» мексиканского индейца, который якобы жил где-то неподалеку. Тогда мы так и не нашли его, причем мне казалось, что местные индейцы, которых мы расспрашивали, намеренно указывали нам неверное направление. Билл рассказывал, что этот человек – «герберо», как в Мексике называют собирателей и продавцов лекарственных растений, и что он очень много знает о галлюциногенном кактусе пейоте. Дело в том, что я в то время занимался сбором информации о лекарственных растениях, используемых индейцами Юго-Запада США, а Билл выполнял роль моего гида, так как неплохо знал те места.

Билл поднялся, подошел к старику и поздоровался. Индеец был среднего роста. Его седые короткие волосы слегка прикрывали уши, как бы подчеркивая округлость головы. Множество глубоких резких морщин на очень смуглом лице говорили о преклонном возрасте. Однако тело индейца выглядело сильным и собранным. Некоторое время я наблюдал за ним. Меня изумила легкость его движений – она никак не вязалась с его возрастом.

Билл знаком подозвал меня.

– Он славный парень, однако понять я ничего не могу, – сказал мой приятель, когда я подошел. – Мне кажется, что его испанский сильно исковеркан и полон деревенского сленга.

Старик взглянул на Билла и улыбнулся. А Билл, который знал по-испански всего несколько слов, соорудил какую-то совершенно бредовую фразу. Он с надеждой посмотрел на меня, как бы спрашивая, имеет ли сказанное им хоть какой-то смысл, но я так и не понял, что он хотел сказать. Билл пожал плечами, смущенно улыбнулся и отошел. Старик посмотрел на меня и засмеялся. Я объяснил, что мой приятель иногда забывает, что не говорит по-испански.

– Кажется, он к тому же забыл нас познакомиться, – заметил я и представился.

– А я – Хуан Матус, к вашим услугам, – сказал старик.

Мы обменялись рукопожатиями и некоторое время молчали. Нарушив молчание первым, я стал рассказывать о своей работе. Я сказал, что меня интересует любая информация о растениях, в частности о пейоте, добавив, что уже довольно много знаю в этой области. Честно говоря, я был в этом полным невеждой, особенно в том, что касалось пейота. Но мне казалось, что если я прихвастну, то старик отнесется ко мне с большим уважением. Однако он молчал, терпеливо слушая чушь, которую я нес. Затем он медленно кивнул и посмотрел мне в глаза. Я запнулся на полуслове. Его глаза сияли собственным светом. На мгновение я почувствовал, что он видит меня насквозь. Мне стало не по себе, и я отвел взгляд.

– Лучше заходи как-нибудь ко мне домой, – сказал он наконец. – Возможно, там нам будет проще разговаривать.

Произошла некоторая заминка. Я не знал, что ответить, и чувствовал себя не в своей тарелке. Вскоре вернулся Билл. Он, видимо, почувствовал мое состояние, но не сказал ни

слова. Какое-то время все напряженно молчали. Затем старик поднялся – подошел его автобус. Он попрощался и вышел.

– Не слишком хорошо пошло? – спросил Билл.

– Нет.

– А ты спрашивал его насчет растений?

– Спрашивал. Но, похоже, сваял дурака.

– Я же тебя предупреждал, что он очень странный. Местные индейцы его знают, но никогда о нем не говорят. А это что-нибудь да значит.

– И все же он пригласил меня к себе домой.

– Он тебя надул. Конечно, ты можешь приехать к нему домой. А дальше что? Он никогда тебе ничего не скажет. И если ты начнешь его расспрашивать, он высмеет тебя как последнего идиота.

Билл убежденно сказал, что уже сталкивался с подобными людьми, которые поначалу производят впечатление очень знающих. На них не стоит тратить времени, потому что в конце концов оказывается, что ту же информацию можно получить от кого-то другого, кто не строит из себя недоступного. Лично у него, добавил Билл, нет ни времени, ни терпения разбираться в старческих причудах, и старик, скорее всего, просто пускает пыль в глаза, а на деле знает о травах не больше любого другого.

Билл говорил что-то еще, но я не слушал. Мои мысли все еще были заняты старым индейцем. Он знал, что я блефую. Я помнил его глаза. Они действительно сияли.

Я приехал к нему через пару месяцев, но уже не столько как студент-антрополог, интересующийся лекарственными растениями, сколько как человек, охваченный неизъяснимым любопытством. То, как он тогда взглянул на меня на автостанции, было беспрецедентным явлением в моей жизни, и желание знать, что крылось за этим взглядом, стало для меня чуть ли не навязчивой идеей. И чем больше я думал, тем более необычный смысл все это приобретало.

Мы с доном Хуаном подружились, и в течение года я приезжал к нему множество раз. Вел он себя очень уверенно и обладал превосходным чувством юмора. Но во всем, что он делал, чувствовался какой-то скрытый смысл, неизменно от меня ускользавший. В его присутствии меня охватывало ощущение странного удовольствия, и вместе с тем – не менее странного беспокойства. Он мог не делать ничего особенного, но, даже просто находясь рядом с ним, я неизбежно вовлекался в фундаментальную переоценку всех своих моделей поведения. Вследствие воспитания, я, как и любой другой, был склонен рассматривать человека как существо по сути своей слабое и подверженное ошибкам. В доне Хуане поражало то, что он ни в коей мере не производил такого впечатления. Более того, находясь в его обществе, я не мог не сравнивать его образ жизни со своим. И сравнение это всегда оказывалось отнюдь не в мою пользу. Пожалуй, более всего в тот период наших отношений меня поразило одно его заявление о нашем внутреннем принципиальном отличии. Однажды я ехал к дону Хуану, чувствуя себя глубоко несчастным. Вся моя жизнь тогда складывалась как-то не так, и на меня постоянно давил груз целого ряда внутренних психологических конфликтов и неувязок. Подъезжая к его дому, я чувствовал подавленность и раздражение.

Мы беседовали о моем интересе к знанию, но, как обычно, подходили к вопросу с разных сторон. Я имел в виду академическое знание, основанное на передаче чужого опыта, а он – прямое знание мира.

– Ты что-нибудь знаешь об окружающем тебя мире? – спросил он.

– Я знаю всякого рода вещи...

– Нет, я имею в виду другое. Ты когда-нибудь ощущаешь мир вокруг себя?

– Насколько могу.

– Этого недостаточно. Необходимо чувствовать все, иначе мир теряет смысл.

Я привел классический довод – не обязательно пробовать суп, если хочешь узнать его рецепт, и вовсе уж ни к чему совать пальцы в розетку, чтобы познакомиться с электричеством.

– В твоём исполнении это звучит довольно глупо, – сказал дон Хуан. – Насколько я понимаю, ты намерен цепляться за свои доводы, хотя они ничего тебе не дают. Ты хочешь остаться прежним даже ценой своего благополучия.

– Я не понимаю, о чем ты.

– Я хочу сказать, что в тебе нет целостности. В тебе нет покоя.

Его слова вызвали у меня раздражение. Я почувствовал себя оскорбленным. В конце концов, кто он такой, чтобы судить о моих поступках или о моей личности?

– Ты переполнен проблемами, – сказал он. – Почему?

– Я всего лишь человек, дон Хуан, – сказал я.

Я придал этой фразе интонацию, с которой ее произносил мой отец. Он говорил так в тех случаях, когда хотел сказать, что слаб и беспомощен. Поэтому в его словах, как и в моих сейчас, всегда звучали отчаяние и безысходность.

Дон Хуан посмотрел на меня так же, как тогда на автостанции.

– Ты слишком много думаешь о своей персоне, – сказал он и улыбнулся. – А из-за этого возникает та странная усталость, которая заставляет тебя закрываться от окружающего мира и цепляться за свои аргументы. Поэтому, кроме проблем, у тебя не останется ничего. Я тоже всего лишь человек, но когда я это говорю, то имею в виду совсем не то, что ты.

– Тогда что же?

– Я разделался со своими проблемами. Очень плохо, что жизнь коротка и я не успею прикоснуться ко всему, что мне нравится. Но и это не проблема; это просто сожаление.

В 1961 году, спустя год после нашей первой встречи, дон Хуан сказал мне, что обладает тайными знаниями о лекарственных травах. Он назвал себя «брухо». С испанского это слово переводится как «маг», «знахарь», «целитель». С этого момента наши отношения изменились. Я стал его учеником, и в течение последующих четырех лет он пытался обучать меня тайнам магии. Этот процесс я описал в своей предыдущей книге, «Учения дона Хуана: путь знания индейцев яки».

Говорили мы по-испански. Дон Хуан в совершенстве владел этим языком, что позволило ему очень подробно изложить мне свою систему описания мира. Я назвал эту сложную и четко систематизированную ветвь знания магией, а его самого – магом, потому что именно такими категориями пользовался он сам в неофициальном разговоре. Однако в более серьезных и глубоких беседах он говорил о магии как о «знании» и о маге как о «человеке знания».

В процессе обучения дон Хуан использовал три достаточно известных психотропных растения: пейот (*Lophophora williamsi*), дурман обыкновенный (*Datura innoxia*) и один из видов грибов, принадлежащих к виду *Psylocebe*. Комбинируя эти средства в определенной последовательности, дон Хуан вводил меня, своего ученика, в специфические состояния искаженного восприятия, или измененного сознания. Я назвал их «состояниями необычной реальности». «Реальности» – потому что, согласно описанию мира, на котором была основана практическая система дона Хуана, все, что воспринималось в этих состояниях, было не галлюцинациями, а конкретными, хотя и необычными, аспектами повседневной реальности. Дон Хуан рассматривал события, происходившие в необычной реальности, не как *якобы реальные*, но как *вполне реальные*.

Классифицировать растения, которые применялись в процессе обучения как галлюциногены, а вызываемые ими состояния – как необычную реальность, является, конечно, моей собственной инициативой. Дон Хуан говорил об этих растениях как о транспортных средствах, предназначенных для «доставки» человека к некоторым безличным «силам». Состояния, которые возникали вследствие приема растений, дон Хуан интерпретировал как «встречи» с

«силами». Такие встречи были необходимы магу для того, чтобы научиться этими «силами» управлять.

Силу, заключенную в пейоте, дон Хуан называл «Мескалито». *Мескалито* является добровольным учителем и защитником людей. Он учит, как «правильно жить». Пейот обычно принимается на собраниях магов, называемых «митоты», участники которых собираются специально для того, чтобы получить урок «правильной жизни».

Дурман и грибы дон Хуан считал силами несколько иного рода. Он называл их «союзниками» и утверждал, что ими можно управлять. Фактически, взаимодействие с *союзниками* было главным источником могущества мага. Из этих двух сил дон Хуан предпочитал грибы. Он говорил, что сила грибов – его персональный союзник, и называл ее «дым» или «дымок».

Процедура подготовки грибов к употреблению была достаточно сложной. Дон Хуан складывал собранные грибы в небольшой кувшин, который особым образом запечатывал и оставлял на год. За это время грибы в кувшине высыхали и рассыпались в пыль. Дон Хуан смешивал ее с порошком из пяти других растений и в итоге получал смесь для курительной трубки. Чтобы стать *человеком знания*, необходимо было «встречаться с союзником» неоднократно – с ним следовало хорошо «познакомиться». Поэтому курить галлюциногенную смесь требовалось как можно чаще. Грибная пыль в процессе курения не сгорала. Ее нужно было втягивать вместе с дымом от пяти других растений, составлявших смесь, и проглатывать. Мощное воздействие, которое грибы оказывали на восприятие человека, дон Хуан объяснял довольно своеобразно. Он говорил, что «*союзник* устраняет тело».

Обучение по методу дон Хуана требовало огромных усилий со стороны ученика. Фактически, необходимая степень участия и вовлеченности была столь велика и связана с таким напряжением, что в конце 1965 года мне пришлось отказаться от ученичества. Лишь теперь, по прошествии пяти лет я могу сформулировать причину – к тому моменту учение дон Хуана представляло собой серьезную угрозу моей «картине мира». Я начал терять уверенность, которая свойственна каждому из нас: реальность повседневной жизни перестала казаться мне чем-то незыблемым, само собой разумеющимся и гарантированным.

К моменту ухода я был убежден, что мое решение окончательно: я больше не хотел встречаться с доном Хуаном. Однако в апреле 1968 я получил сигнальный экземпляр своей первой книги и почему-то решил, что должен показать ее дону Хуану. Я приехал к нему, и наша связь «учитель-ученик» загадочным образом возобновилась. Так начался второй цикл моего ученичества, разительно отличавшийся от первого. Мой страх был теперь уже не таким острым, как прежде. Да и дон Хуан вел себя гораздо мягче. Он много смеялся сам и смешил меня, как бы специально стараясь уменьшить серьезность процесса обучения. Он шутил даже в наиболее критические моменты второго цикла, и это помогло мне пройти через исключительно жесткие ситуации, которые при менее благоприятном исходе вполне могли бы вылиться в серьезные психические расстройства. Такой подход диктовался жизненной необходимостью находиться в легком и спокойном расположении духа, иначе я не смог бы выдержать напор и чужеродность нового знания.

– Ты испугался и удрал потому, что чувствовал себя чертовски важным, – так дон Хуан объяснил мой уход. – Чувство собственной важности делает человека безнадежным: тяжелым, неуклюжим и пустым. Человек знания должен быть легким и текучим.

Во втором цикле дон Хуан сосредоточил основные усилия на том, чтобы научить меня «видеть». В его системе знания существовало семантическое различие между понятиями «видеть» и «смотреть». Тогда как второе обозначало обычный для всех нас способ восприятия, под первым понимался некий сложный процесс, позволявший человеку знания непосредственно воспринимать глубинную сущность явлений.

Чтобы привести свои полевые записи в удобочитаемый вид, я сократил диалоги и убрал все второстепенное. Надеюсь, что это не отразилось на степени соответствия моего изложе-

ния истинной сути учения дона Хуана. Моя редакция была направлена на то, чтобы, сохраняя естественность живой беседы и максимально отражая внутреннее психологическое содержание событий, средствами репортажа донести до читателя весь драматизм и напряженность процесса обучения. Каждая глава посвящена одному «уроку» дона Хуана. Как правило, он всегда заканчивал свои уроки на оборванной ноте; таким образом, драматический тон окончания каждой главы – отнюдь не мое литературное изобретение; это было свойственно манере дона Хуана вести обучение, – мнемонический прием, помогавший мне удержать ощущение драматичности и важности уроков.

Однако многое в этой книге останется неясным, если я предварительно не остановлюсь на некоторых важных моментах. Я имею в виду набор ключевых концепций. Их выбор, равно как и расстановка акцентов, определяются моим интересом к социальным наукам. Вполне возможно, что человек с иными целевыми установками в качестве ключевых выделил бы понятия, совершенно отличные от выбранных мною.

Во втором цикле дон Хуан приложил значительные усилия, чтобы убедить меня в невозможности научиться *видеть* без курения смеси. Поэтому мне приходилось делать это довольно часто.

– Только дым может дать тебе необходимую скорость, чтобы уловить отблеск того текущего мира, – говорил дон Хуан.

С помощью психотропной смеси он вводил меня в определенные состояния необычной реальности. Основной их характеристикой было то, что я мог бы назвать «несоответствием», так как воспринимаемое мной в этих состояниях не поддавалось никакой адекватной интерпретации в рамках нашего привычного описания мира. Другими словами, именно это несоответствие повлекло за собой разрушение целостности моего мировоззрения.

Дон Хуан использовал свойство «несоответствия» состояний необычной реальности для ознакомления меня с новыми «смысловыми блоками» или отдельными элементами той системы знания, которой он меня обучал. Я назвал их так, потому что это были базовые комплексы чувственных данных и их интерпретаций, на основе которых строились более сложные понятийные структуры. В качестве примера смыслового блока можно взять интерпретацию физиологического действия психотропной смеси. Она вызывает онемение и потерю двигательного контроля; в системе дона Хуана это объяснялось как действие дыма, – вернее, содержащейся в нем силы – *союзника*, – направленное на «устранение тела практикующего».

Смысловые блоки особым образом объединялись в группы, которые я назвал «чувственными интерпретациями». Очевидно, что в магии существует бесконечное количество вариантов чувственных интерпретаций, которым должен обучаться маг. Ему необходимо уметь на основе магических смысловых блоков адекватно интерпретировать все воспринимаемое. В своей повседневной жизни мы также сталкиваемся с бесконечным количеством чувственных интерпретаций, свойственных нашему описанию мира.

Простой пример: понятие «комната», используемое ежедневно и многократно. В силу многолетней практики нам не нужно каждый раз специально интерпретировать структуру, понимаемую под словом «комната». Мы привыкли воспринимать ее как нечто цельное и само собой разумеющееся. Но так или иначе комната остается чувственной интерпретацией, так как, упоминая о ней, мы каждый раз в каком-то виде осознаем все элементы, которые в сумме дают то, что называется в нашем понимании комнатой. Таким образом, чувственная интерпретация – это процесс, посредством которого практикующий осознает смысловые блоки, необходимые, чтобы выносить суждения, делать выводы и предсказания во всех ситуациях, связанных с его деятельностью.

Под практикующим я понимаю всякого, кто обладает адекватным знанием всех или почти всех смысловых блоков, входящих в его систему чувственной интерпретации. Дон Хуан был практикующим, то есть магом, знающим все шаги своей магической практики.

Как практикующий, он стремился сделать доступной для меня свою систему чувственных интерпретаций. В данном случае это было равносильно введению меня в новую социальную среду с присущими ей новыми способами интерпретации данных. Именно эти способы мне и предстояло освоить.

Я был здесь «чужим», то есть не умел составлять разумные и адекватные интерпретации из магических смысловых блоков.

Чтобы сделать свою систему понятной, дон Хуан как практикующий должен был сначала разрушить во мне определенную уверенность. Речь идет о свойственной подавляющему большинству людей уверенности в том, что наше основанное на «здравом смысле» описание мира окончательно и однозначно. Используя психотропные растения и точно рассчитанные для меня контакты с чуждой системой, он добился своего – я убедился, что мое описание мира не может быть окончательным, поскольку является лишь одной из множества возможных интерпретаций.

В течение тысячелетий то смутное и неопределенное явление, которое мы называем магией, было для американских индейцев серьезной и достоверной практикой, сравнимой по значению с нашей наукой. Вне всякого сомнения, нам понять ее сложно именно потому, что она основана на чуждых смысловых блоках.

Однажды дон Хуан сказал мне, что человеку знания свойственна предрасположенность. Я попросил объяснить.

– Я предрасположен к *видению*, – сказал он.

– Что ты имеешь в виду?

– Мне нравится *видеть*, – пояснил он, – потому что *видение* позволяет *человеку знания* знать.

– И что же ты видишь?

– Всё.

– Но я тоже все вижу, а ведь я – не человек знания.

– Нет, ты не *видишь*.

– Мне кажется, что вижу.

– А я утверждаю, что нет.

– Что заставляет тебя так говорить?

– Ты только смотришь на поверхность вещей.

– То есть ты хочешь сказать, что человек знания видит насквозь все, на что он смотрит?

– Нет. Я не это имел в виду. Я говорю о том, что каждому человеку знания свойственна его собственная предрасположенность. Я – *вижу* и *знаю*, другие делают что-нибудь свое.

– Например?

– Возьмем, например, Сакатеку. Он – *человек знания*, и он предрасположен к танцу. Он *танцует* и *знает*.

– Насколько я понял, предрасположенность относится к чему-то, что человек знания делает, чтобы знать?

– Верно.

– Но как танец может помочь Сакатеке знать?

– Можно сказать, что Сакатека танцует со всем, что его окружает. И со всем, что у него есть.

– Он танцует так же, как я? Я хочу сказать – как вообще танцуют?

– Скажем так: он танцует так, как я *вижу*, а не так, как мог бы танцевать ты.

– Он *видит* так же, как ты?

– Да, но он еще и танцует.

– И как танцует Сакатека?

– Трудно объяснить... Своего рода танец, особые движения, которые он выполняет, когда хочет знать. Невозможно говорить о танце или о *видении*, не зная путей и способов действия человека знания. Это все, что я могу сказать тебе сейчас.

– Ты *видел* его, когда он танцует?

– Да. Но тот, кто просто смотрит на него, когда он это делает, не в состоянии *видеть*, что это – его способ *знать*.

Я знал Сакатеку, по крайней мере, мне было известно, кто это. Мы встречались, и однажды я даже покупал ему пиво. Он был очень вежлив и сказал, что я могу остановиться в его доме, если захочу. Я давно уже хотел к нему заехать, но дону Хуану ничего об этом не говорил.

Днем 14 мая 1962 года я подъехал к дому Сакатеки. Найти его было несложно, потому что Сакатека мне все подробно объяснил. Дом стоял на углу и был окружен забором. Я подергал запертые ворота и обошел вокруг, пытаясь заглянуть внутрь дома. Похоже было, что там никого нет.

– Дон Элиас! – громко крикнул я.

Испуганные куры с диким кудахтаньем разбежались по двору. К забору подошла небольшая собака. Я подумал, что сейчас поднимется лай. Но собачка молча уселась на землю и стала меня разглядывать. Я позвал еще раз, и куры опять всполошились.

На порог вышла пожилая женщина. Я попросил ее позвать дону Элиаса.

– Его нет дома, – сказала она.

– А где его можно найти?

– Он в поле.

– Где именно?

– Не знаю. Зайдите попозже, ближе к вечеру. Он будет дома около пяти.

– А вы – жена дона Элиаса?

– Да, я его жена, – ответила она и улыбнулась.

Я попытался было расспросить ее о Сакатеке, но она извинилась и сказала, что неважно говорит по-испански. Тогда я сел в машину и уехал.

Около шести я вернулся, подъехал к двери, вылез из машины и окликнул Сакатеку. На этот раз из дома вышел он сам. Я включил магнитофон, висевший у меня через плечо. В коричневом кожаном футляре он был похож на кинокамеру. Сакатека, кажется, узнал меня.

– А, это ты, – сказал он, улыбаясь. – Как там Хуан?

– Нормально. А как ваше здоровье, дон Элиас?

Сакатека промолчал. Мне показалось, что он нервничает. Внешне все было как будто в порядке, но я чувствовал, что с ним что-то происходит.

– У тебя поручение от Хуана?

– Нет, я сам приехал.

– Но чего же ради?

В его вопросе сквозило искреннее удивление.

– Ну, просто хотел с вами поговорить... – сказал я, стараясь говорить как можно естественнее. – Дон Хуан рассказывал мне о вас удивительные вещи, я заинтересовался и хотел бы задать несколько вопросов.

Сакатека стоял передо мной. Худое жилистое тело, рубашка и штаны цвета хаки. Глаза полузакрыты. Он выглядел то ли сонным, то ли пьяным. Рот был слегка приоткрыт, нижняя губа отвисла. Я заметил, что он глубоко дышит и едва не похрапывает. Мне пришло в голову, что Сакатека выжил из ума. Однако мысль эта казалась совершенно неуместной, так как выйдя из дома минуту назад, он был не только очень бодр, но и вполне осознавал мое присутствие.

– О чем ты хочешь говорить? – спросил он наконец.

Голос его был усталым, казалось, он с трудом выдавливал из себя слова. Мне стало не по себе, словно усталость эта была заразной и передалась мне.

– Ни о чем особенном. Просто приехал побеседовать с вами по-дружески, вы же меня сами приглашали.

– Да, но это – другое.

– Почему же другое?

– Разве ты не говорил с Хуаном?

– Говорил.

– Тогда чего ты хочешь от меня?

– Я думал... Ну, я хотел задать вам несколько вопросов...

– Задай Хуану. Разве он тебя не учит?

– Нет, он учит, но все равно мне хотелось бы спросить вас о том, чему он меня учит, и узнать еще и ваше мнение. Тогда бы я лучше знал, как мне быть.

– Зачем это тебе? Ты не веришь Хуану?

– Верю.

– Тогда почему не спрашиваешь о том, что тебя интересует, у него?

– Я так и делаю, и он отвечает. Но если бы вы тоже рассказали мне о том, чему он меня учит, может быть, мне было бы понятнее.

– Хуан может рассказать тебе все. И никто, кроме него, сделать этого не может. Неужели ты не понимаешь?

– Понимаю. Но мне хотелось бы поговорить и с такими людьми, как вы. В конце концов, не каждый же день встречаешься с *человеком знания*.

– Хуан – *человек знания*.

– Я знаю это.

– Тогда зачем тебе говорить со мной?

– Я же сказал – приехал просто так, по-дружески, что ли...

– Ты приехал не за этим. Сегодня в тебе есть что-то другое.

Я еще раз попытался объяснить, но смог только что-то невнятно пробормотать. Сакатека молчал. Казалось, он внимательно слушает. Глаза его снова были полузакрыты, но я чувствовал, что он пристально на меня смотрит. Он едва заметно кивнул, затем веки его приподнялись, и я увидел глаза. Взгляд их был направлен куда-то вдаль. Он как бы машинально постукивал по земле носком правой ноги позади левой пятки, слегка согнув ноги в коленях и расслабленно опустив руки вдоль туловища. Медленно подняв правую руку, он повернул раскрытую ладонь к земле. Выпрямив пальцы, он вытянул руку в моем направлении. Рука пару раз качнулась, а затем поднялась на уровень моего лица. На мгновение Сакатека застыл в этой позе, а затем что-то произнес. Слова он произносил очень четко, но я ничего не понял. Через секунду Сакатека расслабленно уронил руку вдоль туловища и застыл в странной позе: вес тела он перенес на носок левой ступни, а правую поставил за левой крест-накрест, мягко и ритмично постукивая ее носком по земле.

Меня охватило какое-то странное чувство, своего рода особое беспокойство. Мысли начали как бы распадаться на части. В голову лезла какая-то бессмыслица, обрывки чего-то никак не связанного с происходящим.

Чувствуя, что со мной творится что-то неладное, я попытался вернуть мысли к реальности, но, несмотря на напряженную борьбу, – безуспешно. Ощущение было такое, как если бы какая-то сила не позволяла мне сосредоточиться и мешала связно мыслить.

Сакатека упорно молчал, и я не знал, что делать дальше. Совершенно автоматически я повернулся и ушел.

Позднее я почувствовал, что непременно должен рассказать об этой истории дону Хуану. Он смеялся от души.

- Что это было? Что происходило на самом деле? – спросил я.
- Сакатека танцевал, – ответил дон Хуан. – Он *увидел* тебя и потом *танцевал*.
- Что он делал? Я ощущал холод и дрожь.
- Ты ему явно не понравился, и он остановил тебя, бросив в тебя слово.
- Как он мог это сделать? – недоверчиво спросил я.
- Очень просто. Он остановил тебя своей *волей*.

Объяснение меня не удовлетворило, потому что показалось бессмысленным. Я попытался расспрашивать еще, но он так и не сказал ничего вразумительного.

Очевидно, все случившееся, как и любое другое явление, происходящее в рамках чужой системы чувственной интерпретации, можно объяснить или понять, только используя смысловые блоки этой системы. Поэтому читать эту книгу следует как репортаж, поскольку именно таковым она и является. Я не владел системой, которую описывал, и потому претензия на что-то большее была бы несостоятельной и вводила бы читателя в заблуждение. В этом смысле я старался придерживаться феноменологического метода, относясь к магии сугубо как к явлению, с которым мне довелось столкнуться. Я воспринимал нечто и описывал то, что воспринимал, воздерживаясь от каких бы то ни было суждений.

Часть I. Подготовка к видению

Глава 1

2 апреля 1968

Какое-то мгновение дон Хуан смотрел на меня. Казалось, он совсем не удивился моему появлению, хотя со времени нашей последней встречи прошло уже более двух лет. Он положил руку мне на плечо, улыбнулся и сказал, что я изменился – стал толще и мягче.

Я привез ему экземпляр своей книги. Без предисловий я вынул ее из футляра и вручил ему.

– Это книга о тебе, дон Хуан, – сказал я.

Он пробежал большим пальцем по страницам, как пролистывают игральные карты, вскрывая новую колоду. Ему понравился зеленый цвет переплета и формат книги. Он погладил ее, повертел в руках и вернул мне. Я ощутил прилив гордости.

– Я хочу, чтобы ты оставил ее себе, – сказал я.

Дон Хуан молча засмеялся и покрутил головой.

– Лучше не надо, – сказал он и с широкой улыбкой добавил: – Ты же знаешь, на что в Мексике идет бумага.

Я засмеялся. Его ирония показалась мне забавной.

Мы сидели на скамейке в парке небольшого городка в Центральной Мексике. Я не мог заранее сообщить дону Хуану о своем приезде, но был уверен, что встречу его. Так и случилось.

Когда я приехал сюда, дон Хуан был в горах, но ждать его мне пришлось недолго. Я встретил его на рынке, где он стоял возле прилавка одного из своих друзей.

Дон Хуан нисколько не удивился и как бы между прочим сказал, что я появился как раз вовремя, чтобы отвезти его обратно в Сонору. Мы пошли в парк и сели на скамейку в ожидании его друга – мексиканского индейца-масатека, у которого он гостил.

Мы прождали около трех часов, разговаривая о всяких мелочах. В конце дня, как раз перед приходом его друга, я рассказал о случае, очевидцем которого я был несколько дней назад.

По дороге сюда на окраине одного города у меня сломалась машина, и мне пришлось задержаться на три дня, пока ее ремонтировали. Напротив автомастерской был мотель, но окраины всегда действуют на меня угнетающе, и я снял номер в современном восьмизэтажном отеле в центре.

Посыльный сказал, что в отеле есть ресторан. Спустившись туда, я увидел, что часть столиков вынесена на свежий воздух под красивые кирпичные арки современной архитектуры на углу улицы. Было довольно прохладно, и некоторые столики стояли свободными. Однако я предпочел остаться в душном помещении, так как сквозь раскрытую входную дверь заметил мальчишек – чистильщиков обуви. Они сидели на бордюре перед рестораном, и я был уверен, что стоит мне выйти и занять один из наружных столиков, как они тут же начнут приставать ко мне со своими щетками.

Я сидел у окна и прекрасно видел мальчишек. Подошли двое молодых людей и сели за один из столиков. Мальчишки тут же окружили их, предлагая почистить обувь. Те отказались, и, к моему удивлению, мальчишки не стали настаивать и молча уселись обратно на бордюр. Немного погодя встали и ушли трое одетых в деловые костюмы мужчин. Мальчишки подбежали к их столику и стали жадно доедать объедки. Несколько секунд – и тарелки были чистыми. То же повторилось с объедками на остальных столиках.

Я заметил, что дети были весьма аккуратны. Если они проливали воду, то промокали ее своими фланельками для чистки обуви. Я также отметил тотальность поглощения ими обедков, – они съедали все вчистую, даже кубики льда, оставшиеся в стаканах, ломтики лимона из чая и кожуру от фруктов.

За время, пока я жил в отеле, я обнаружил, что между детьми и хозяином ресторана существует нечто вроде соглашения. Детям было позволено околачиваться у заведения, подрабатывать чисткой обуви посетителей, а также доедать остатки пищи на столиках, но при условии, что они никому не будут мешать, никого не рассердят и ничего не разобьют. Всего их было одиннадцать, в возрасте от пяти до двенадцати лет. Однако самый старший держался немного особняком от остальных. А те, в свою очередь, всячески третировали его и распевали дразнилку про то, что он слишком стар для их компании и что у него в известном месте уже растут волосы.

В течение трех дней я наблюдал, как они, словно стервятники, набрасываются на самые непривлекательные обедки, и в конце концов искренне расстроился. Покидал я город с тяжелым чувством горечи по поводу того, что у этих детей нет никакой надежды – их мир уже изуродован ежедневной борьбой за кусок хлеба.

– Ты их жалеешь? – удивленно воскликнул дон Хуан.

– Разумеется.

– Почему?

– Потому что мне небезразлична судьба моих ближних. Эти мальчишки – совсем еще дети, а их мир так уродлив и мелок.

– Постой, постой! С чего это ты взял, что их мир уродлив и мелок? – спросил дон Хуан, передразнивая меня. – Или ты считаешь, что твой – лучше?

Я ответил, что именно так и считаю. Он поинтересовался, на основании чего. Тогда я сказал, что по сравнению с миром этих детей мой – бесконечно разнообразнее и богаче событиями и возможностями для личного удовлетворения и совершенствования. Смех дон Хуана был искренним и дружелюбным. Он сказал, что я неосторожен в суждениях, так как ничего не знаю и не могу знать о богатстве и возможностях мира этих детей.

Я решил, что дон Хуан просто упрямится. Я действительно думал, что он встал на противоположную точку зрения только затем, чтобы меня позлить, и совершенно искренне считал, что у этих детей нет ни малейших шансов на интеллектуальное развитие.

Еще некоторое время я отстаивал свою точку зрения, а затем дон Хуан резко спросил:

– Разве не ты говорил мне как-то, что стать *человеком знания* – высшее из всех достижений, доступных человеческому существу?

Я действительно говорил это, и повторил вновь, что стать *человеком знания* – высочайшее интеллектуальное достижение.

– Ты полагаешь, что твой очень богатый мир способен тебе в этом хоть чем-нибудь помочь? – спросил дон Хуан с некоторым сарказмом.

Я не ответил, и тогда он сформулировал тот же вопрос другими словами – прием, которым я всегда пользовался сам, когда думал, что он не понимает.

– Иначе говоря, – продолжал он, – помогут ли тебе твоя свобода и твои возможности стать *человеком знания*?

– Нет! – вынужден был признать я.

– Тогда с какой стати ты жалеешь этих ребят? – спросил он серьезно. – Любой из них может стать *человеком знания*. Все известные мне *люди знания* были такими же детьми и так же поедали обедки и вылизывали тарелки.

Я почувствовал себя неудобно. Моя жалость к этим детям была обусловлена вовсе не тем, что им нечего есть, а тем, что, по моему мнению, они были обречены своим миром на умственную неполноценность. И тут дон Хуан заявляет, что каждому из них доступно то, что

я считаю высочайшим из всех возможных человеческих достижений, – любой из них может стать *человеком знания*. Дон Хуан поддел меня очень точно.

– Видимо, ты прав, – произнес я. – Но как быть с искренним желанием помочь ближним?

– Каким же, интересно, образом можно им помочь?

– Облегчая их ношу. Самое малое, что мы можем сделать для них, – это попытаться их изменить. Разве ты сам занимаешься не этим?

– Ничего подобного. Я понятия не имею, зачем и что можно изменять в моих ближних.

– Как насчет меня, дон Хуан? Разве ты учишь меня не для того, чтобы я смог измениться?

– Нет. Я не пытаюсь изменить тебя. Возможно, что когда-нибудь ты станешь *человеком знания*, – этого заранее нельзя узнать, – но это никак не изменит тебя. Может быть, однажды ты научишься *видеть*, и тогда, *увидев* людей на другом плане, ты поймешь, что в них невозможно ничего изменить.

– Что это за другой план восприятия людей, дон Хуан?

– Люди выглядят иначе, когда их *видишь*. Дымок поможет тебе *увидеть* их как световые волокна.

– Световые волокна?

– Да. Похоже на белую паутину. Очень тонкие. Они тянутся от головы к пупку, и человек похож на яйцо из текучих волокон; руки и ноги подобны светящимся протуберанцам, вырывающимся в разные стороны.

– И так выглядит каждый?

– Каждый. Кроме того, любой человек постоянно находится в контакте со всем остальным миром. Правда, связь эта осуществляется не через руки, а с помощью пучка длинных волокон, исходящих из середины живота. Этими волокнами человек соединен со всем миром, благодаря им он сохраняет равновесие, они придают ему устойчивость. Ты сам это когда-нибудь *увидишь*. Человек – это светящееся яйцо, будь он нищий или король. А что можно изменить в светящемся яйце? Что?

Глава 2

С этого приезда к дону Хуану для меня начался новый цикл обучения. Без труда вернувшись к своему прежнему ощущению удовольствия от его чувства юмора и драматизма, я оценил его терпеливость в отношении меня и понял, что непременно должен приезжать почаще. Не видеть дону Хуана было поистине огромной потерей для меня; кроме того, я хотел поговорить с ним об одной вещи, которая представляла для меня определенный интерес.

Закончив книгу о его учении, я стал просматривать те полевые записи, которые в нее не вошли. Их было немало, так как раньше меня интересовали в основном состояния необычной реальности. Перебирая записи, я пришел к выводу, что маг, мастерски владеющий своей практикой, за счет одних только «манипуляций социальными ключами» способен сформировать у своего ученика в высшей степени необычный и специализированный диапазон восприятия. В основе многих рассуждений относительно природы этих манипуляций лежало предположение о том, что для создания требуемого диапазона восприятия необходим лидер.

В качестве примера я рассмотрел пейотное собрание магов. Я был согласен с тем, что в ходе этого собрания маги приходят к некоторому общему для всех заключению о природе реальности, не прибегая при этом к явному обмену знаками или словами. Из этого следовал вывод – чтобы прийти к такому соглашению, участники должны были пользоваться каким-то очень мудреным кодом.

Я построил сложную систему объяснений такого кода и процедуры его использования. Отправляясь к дону Хуану, я намеревался узнать его мнение по этому вопросу и спросить совета относительно моей дальнейшей работы.

21 мая 1968

По пути ничего особенного не случилось. В пустыне было очень жарко, поэтому дорога оказалась довольно утомительной. Но к вечеру жара спала, и когда я подъехал к дому дону Хуана, дул прохладный ветерок. Я не очень устал, поэтому мы сидели в его комнате и разговаривали. Я чувствовал себя очень хорошо и непринужденно, и мы просидели допоздна. Это был не тот разговор, который стоило бы записывать. В общем-то я и не пытался говорить о чем-то значительном. Речь шла о погоде, его внуке, индейцах яки, мексиканском правительстве, перспективах на урожай. Я сказал дону Хуану, что мне нравится то острое ощущение, которое возникает от беседы в темноте. Он ответил, что это вполне соответствует моей болтливой натуре и что мне нравится разговаривать в темноте, потому что ни на что другое в подобной ситуации я попросту не способен. Я возразил, что мне нравится нечто большее, чем сам разговор, и сказал, что мне доставляет удовольствие чувство убаюкивающего тепла окружающей темноты. Он спросил, что я делаю дома, когда становится темно. Я ответил, что включаю свет или выхожу побродить по освещенным улицам до тех пор, пока не придет время ложиться спать.

– О-о-о... – протянул он с недоверием. – А я-то думал, что ты уже научился использовать темноту.

– А для чего ее можно использовать?

Он ответил, что темнота (он сказал «темнота дня») – это лучшее время для того, чтобы *видеть*. «Видеть» он выделил особенной интонацией. Я попытался выяснить, что он имеет в виду, однако он сказал, что уже слишком поздно, чтобы начинать разбираться с этим вопросом.

22 мая 1968

Едва проснувшись утром, я прямо сказал дону Хуану, что разобрал систему, которая объясняет происходящее во время митоты – пейотного собрания магов. Я взял подготовлен-

ные дома заметки и зачитал ему свою версию. Я старался как можно доходчивей объяснить разработанную мной схему, а он терпеливо слушал.

Чтобы все участники настроились на некоторое заданное соглашение, их нужно определенным образом подготовить, рассуждал я, а для этого необходим скрытый лидер – ведущий. Участники митоты собираются для того, чтобы встретиться с *Мескалито* и получить урок «правильной жизни». При этом они, не обмениваясь ни единым словом и ни единым жестом, приходят к общему заключению относительно присутствия *Мескалито* и содержания его конкретного урока. Во всяком случае, на тех митотах, в которых я участвовал, дело обстояло именно так, *Мескалито* являлся каждому и давал урок. На своем личном опыте я убедился, что индивидуальное восприятие формы визита *Мескалито* и его урока было поразительно одинаковым для всех, хотя содержание урока от человека к человеку менялось. Я не мог объяснить высокую степень совпадения ничем иным, кроме наличия какой-то тонкой и очень сложной системы настройки.

На чтение и объяснение всей схемы у меня ушло часа два. В конце я попросил дона Хуана объяснить, какова в действительности система настройки.

Когда я замолчал, гримаса на его лице была весьма неодобрительной. Я подумал, что мое объяснение показалось ему вызывающим. Казалось, он о чем-то напряженно размышляет. Выдержав паузу, я спросил, что же он все-таки думает по поводу моих соображений.

Тут его гримасу сменила улыбка, перешедшая в гомерический хохот. Я тоже попытался было смеяться, а потом нервно спросил, что же в этом смешного.

– Ты спятил! – воскликнул он. – С какой стати кто-то будет заниматься чьей-то там настройкой в такой важный момент, как митота? Или ты думаешь, что все, связанное с *Мескалито*, – сплошное надувательство?

Какое-то мгновение мне казалось, что он уходит от прямого ответа на вопрос – сказанное им ответом не являлось.

– С какой стати кому-то заниматься настройкой? – упрямо продолжал дон Хуан. – Ведь ты же там был. Ты должен знать, что никто не объяснял тебе, что следует чувствовать или делать. Никто, кроме самого *Мескалито*.

Я настаивал на том, что такое объяснение невозможно, и вновь попросил его рассказать, каким образом достигается соглашение.

– Теперь я понял, зачем ты приехал, – с таинственным видом произнес дон Хуан. – Но вряд ли я смогу тебе чем-то помочь, потому что никакой системы настройки не существует.

– Но тогда почему все эти люди приходят к единому соглашению относительно присутствия *Мескалито*?

– Да потому, что они *видят!* – драматическим тоном сказал дон Хуан, а потом, как бы между прочим, добавил: – А почему бы тебе еще разок не побывать на митоте и не *увидеть* все самому?

Я понял, что это – ловушка, и, ни слова не говоря, спрятал все свои бумаги. Он не настаивал.

Спустя какое-то время дон Хуан попросил меня съездить с ним к одному из его друзей. Мы поехали и провели там несколько часов. В разговоре Джон – так звали хозяина дома – спросил, что вышло из моего интереса к пейоту. Джон был тем самым человеком, у которого восемь лет назад мы брали пейотные батончики для моего первого опыта. Я не знал, что ответить. Дон Хуан пришел мне на помощь и сказал, что со мной все в порядке.

На обратном пути я почувствовал, что должен как-то объясниться по поводу вопроса, заданного Джоном. Среди прочего я сказал, что пейот меня более не интересует, так как связанная с ним практика требует особой отваги, а ее у меня нет, и что когда я говорил, что больше пробовать не намерен, то имел в виду именно то, что говорил. Дон Хуан молча улыбался, а я продолжал болтать, пока мы не приехали.

Мы уселись на чистой площадке перед домом. Был теплый ясный день. Довольно сильный вечерний ветерок обвевал нас приятной прохладой.

– Что заставляет тебя так яростно сопротивляться? – неожиданно спросил дон Хуан. – Сколько лет уже ты твердишь, что не намерен больше учиться?

– Три года.

– Почему ты всегда говоришь об этом с такой страстью?

– У меня такое чувство, что я предаю тебя, дон Хуан. Наверное, потому я так часто все это повторяю.

– Ты меня не предаешь.

– Я тебя подвел. Я бежал. Я чувствую, что потерпел поражение.

– Ты делаешь все, что можешь, и никакого поражения ты не потерпел. То, чему я должен тебя научить, дается с огромным трудом. Мне, например, было еще тяжелее, чем тебе.

– Но ты не бросил, дон Хуан. Со мной все иначе. Я сдался. А приехал к тебе не потому, что собрался учиться. Просто я хотел кое-что спросить в связи с моей работой.

Дон Хуан секунду смотрел на меня, а затем отвел взгляд.

– Ты снова должен позволить дыму вести себя, – сказал он с нажимом.

– Нет, дон Хуан, я больше не могу. Похоже, я выдохся.

– Ты еще и не начал.

– Я очень боюсь.

– Ну и бойся на здоровье. Это не ново. Ты думай не о страхе. Думай о чудесах *видения*.

– Честное слово, я хотел бы думать об этих чудесах, да не могу... Когда я вспоминаю о твоём дымке, то чувствую, что на меня наваливается какая-то тьма. Так, словно на всей земле нет больше ни единого человека, никого, с кем можно перекинуться словом. Твой дымок показал мне безысходность одиночества.

– Это неправда. Возьми меня, к примеру. Дымок – мой союзник, а я не ощущаю одиночества.

– Но ты другой. Ты победил страх.

Дон Хуан мягко похлопал меня по плечу.

– Ты не боишься, – сказал он. В его голосе слышалось странное обвинение.

– Но разве я лгу насчет страха, дон Хуан?

– Лжешь ты или нет – меня это не интересует, – произнес он сурово. – Меня волнует другое. Ты не хочешь учиться вовсе не потому, что боишься. Причина в другом.

Мне страшно хотелось узнать, в чем же дело. Я пытался выудить из него ответ, но он только молча покачал головой, как бы не в силах поверить, что я не знаю этого сам.

Я сказал ему, что всему виной, должно быть, моя инерция. Он поинтересовался значением слова «инерция». Я взял в машине словарь и прочитал: «Тенденция материального объекта, не подверженного воздействию внешних сил, к сохранению состояния покоя, если оно находится в покое, либо движения в неизменном направлении, если оно движется».

– Не подверженного воздействию внешних сил, – повторил он. – Лучше, пожалуй, и не скажешь... Только дырявый горшок может пытаться стать *человеком знания* по своей воле. Трезвомыслящего нужно затягивать на путь хитростью. Я уже говорил тебе об этом.

– Но я уверен, что найдется масса людей, которые с радостью захотят учиться, – сказал я.

– Да, но эти не в счет. Обычно они уже с трещиной. Как пересохшая бутылка из тыквы, которая с виду в порядке, но начинает течь, как только в нее наливают воду и появляется давление. Когда-то я втянул тебя в учение хитростью, и то же самое в свое время сделал со мною мой бенефактор. Если бы не мой трюк, ты бы никогда не сумел столь многому научиться. Пожалуй, пора повторить этот прием.

Говоря о хитрости, он напомнил мне об одном из самых критических моментов моего ученичества. С тех пор прошло уже несколько лет, но я помнил все так, словно это было только

вчера. Дон Хуан мастерски втянул меня в совершенно жуткое прямое противостояние с одной женщиной, имевшей репутацию колдуньи, что привело к глубокой враждебности с ее стороны. Дон Хуан использовал мой страх перед этой женщиной как мотивировку. Он говорил, что мне ничего не остается, как только продолжать обучение, иначе я не смогу устоять против ее магического нападения. Результат его «хитрости» был достаточно убедительным – я искренне поверил, что если хочу остаться в живых, то должен срочно учиться магии, причем как можно эффективнее, и что другого выхода у меня нет.

– Если ты намерен снова пугать меня этой дамой, то ноги моей здесь больше не будет, – сказал я.

Дон Хуан развеселился.

– Не волнуйся, – успокоил он меня. – Трюки со страхом в твоём случае уже не проходят. Ты больше не боишься. Но что касается хитрости вообще, то тебя можно подловить, где бы ты ни был, и для этого тебе вовсе не требуется сюда приезжать.

Он заложил руки за голову и задремал. Я взялся за свои записи и работал часа два – пока он не проснулся. К тому времени уже почти совсем стемнело. Заметив, что я пишу, он сел, выпрямился и с улыбкой спросил, выписался ли я из своей проблемы.

23 мая 1968

Мы говорили об Оахаке. Я рассказал дону Хуану, как однажды попал в этот город в базарный день, когда толпы индейцев со всей округи стекаются на рынок торговать продуктами и разными мелочами. Особенно меня заинтересовал продавец лекарственных растений. У него был деревянный лоток, а на лотке – баночки с высушенными и размолотыми травами. Одну баночку он держал в руке и, стоя посреди улицы, громко распевал речитативом довольно занятную песенку:

Составы против мух, блох, клещей и комаров
Средство для свиней, коз, коней и для коров
И для людей лекарства – не нужно докторов
Корь, свинка и подагра с ревматизмом не страшны
Лекарства для желудка, сердца, печени, спины
Подходите, леди и джентльмены,
Есть лекарства от любых болезней
Составы против мух, блох, клещей и комаров...

Я слушал довольно долго. Его реклама состояла из длинного перечня болезней, от которых, как он утверждал, у него имеются лекарства. Для того чтобы песенка была ритмичной, он выдерживал небольшую паузу после каждого четырех названий.

Дон Хуан сказал, что в молодости тоже торговал лекарственными травами на Оахакском рынке. Он еще не забыл свою рекламную песенку и, пропев ее мне, добавил, что часто пел дуэтом со своим другом Висенте.

Я сказал, что познакомился с Висенте во время одной из поездок в Мексику. Дон Хуан, казалось, был искренне удивлен и попросил меня рассказать об этом подробнее.

В этот раз я ехал через Дуранго и вспомнил, что в этом городе живет один из друзей дона Хуана, с которым он советовал мне когда-нибудь познакомиться. Я разыскал этого человека, и мы немного поговорили. На прощанье он дал мне мешочек с несколькими растениями и подробно объяснил, как нужно посадить одно из них.

По пути в Агуас Калентес я остановился, вышел из машины и внимательно осмотрелся, желая убедиться в том, что поблизости никого нет. Минут десять я наблюдал с вершины невысокого холма, с которого дорога просматривалась на несколько километров в обоих направле-

ниях. Местность была абсолютно пустынной. Я еще несколько минут постоял, чтобы сориентироваться и вспомнить инструкции дона Висенте. Потом взял одно из растений, зашел в кактусы к востоку от дороги и посадил его, в точности следуя всем указаниям. Для полива растения я прихватил из машины бутылку минеральной воды. Я попытался сбить пробку железкой, которой копал ямку для растения, но неудачно – бутылка разбилась и отлетевший осколок зацепил верхнюю губу. Пошла кровь.

Я вернулся к машине за второй бутылкой. Когда я вынимал ее из багажника, рядом оставался почтовый фургон «фольксваген», и водитель спросил, что случилось. Я ответил, что все нормально, и он уехал. Я пошел к растению, полил его и направился обратно к машине. Когда до дороги оставалось метров тридцать, неожиданно послышались голоса. Я быстро спустился к шоссе и увидел трех мексиканцев – двух мужчин и одну женщину. Один из мужчин сидел на переднем бампере моей машины. На вид – лет сорока, среднего роста, с черными курчавыми волосами. На нем были старые потертые джинсы и выгоревшая, когда-то розовая рубашка, за спиной болтался какой-то сверток. Ботинки с незавязанными шнурками были ему, похоже, велики и казались очень неудобными. Он обливался потом.

Другой мужчина стоял шагах в десяти от машины. Он выглядел хрупким и ростом был ниже первого. Прямые волосы были зачесаны назад. На вид ему было лет пятьдесят. Одет он был немного лучше: темно-синий пиджак, светло-голубые джинсы, черные туфли. В руках у него был сверток поменьше. Он ничуть не вспотел и казался отрешенным и незаинтересованным.

Женщине было за сорок. Толстая и очень смуглая, в черной юбке, белом свитере и остроносых туфлях. Свертка у нее не было, зато был транзистор. Она выглядела очень усталой, лицо покрывали большие капли пота.

Когда я подошел, женщина и мужчина помоложе попросили меня подвезти их. Я показал на полностью загруженное заднее сиденье и сказал, что в машине нет места. Тогда мужчина сказал, что если я поеду не слишком быстро, то их вполне устроит задний бампер. Кроме того, они могли бы устроиться на капоте. Я сказал, что это несерьезно. Однако по их тону чувствовалось, что для них это очень важно. Мне стало неловко, и я дал им денег на автобус.

Мужчина помоложе взял деньги и поблагодарил, однако второй неприязненно отвернулся.

– Я хочу, чтобы он нас подвез, – сказал он, – деньги меня не интересуют.

Потом он обратился ко мне:

– У тебя есть вода или что-нибудь поесть?

Но у меня не было продуктов, не осталось больше и воды, и предложить им на самом деле было нечего. Они еще немного постояли, глядя на меня, потом повернулись и пошли по дороге.

Я сел в машину и попытался запустить двигатель. Но он не работал – была страшная жара, и я, должно быть, перекачал бензин. Услышав жужжание стартера, мужчина помоложе остановился, а потом вернулся к машине и встал сзади, готовый ее подтолкнуть. Я почувствовал себя страшно неуютно и даже вздохнул с неподдельным отчаянием. Наконец двигатель заработал, и я укатил прочь. После того как я закончил свой рассказ, дон Хуан долго молчал.

– Почему ты не говорил мне об этом раньше? – спросил он, не глядя на меня.

Пожав плечами, я ответил, что никогда не считал этот случай чем-то важным.

– Это чертовски важно, – сказал он. – Висенте – первоклассный маг. Он дал тебе что-то посадить потому, что у него были на то основания. И если ты встретил трех человек, которые выскочили из ниоткуда сразу после того, как ты посадил растение, то этому тоже была своя причина. И только такой непроходимый тупица, как ты, мог не обратить на это внимания и считать, что ничего особенного не произошло.

Он велел как можно подробнее рассказать обо всем, что происходило в тот день, когда я был у Висенте.

Я начал рассказывать, как, проезжая через город, оказался возле рынка. Мне пришла в голову мысль поискать дона Висенте. Я остановился, вылез из машины и пошел через рынок туда, где торговали лекарственными травами. В ряду было три прилавка, но за ними сидели толстые матроны. Я дошел до конца прохода и за поворотом обнаружил еще один прилавок. За ним сидел хрупкий седой человек. Когда я его увидел, он как раз продавал какой-то женщине клетку для птиц.

Я подождал, пока он освободится, а затем поинтересовался, не знает ли он Висенте Медрано. Он смотрел на меня, не отвечая.

– Что вам нужно от Висенте Медрано? – спросил он наконец.

Я сказал, что пришел навестить его от лица моего друга, и назвал ему имя дона Хуана. Старик секунду смотрел на меня, а затем сказал, что он и есть Висенте Медрано и что он к моим услугам. Потом предложил мне сесть. Казалось, он был очень доволен, вел он себя свободно и дружелюбно. Я рассказал ему о своей дружбе с доном Хуаном. Чувствовалось, что между нами сразу же возникла взаимная симпатия. Дон Висенте сказал, что знаком с доном Хуаном с тех пор, как им обоим было по двадцать лет. Он исключительно хорошо отзывался о доне Хуане, а в самом конце разговора произнес с дрожью в голосе:

– Хуан – истинный *человек знания*. Сам я очень мало занимался силой растений. Меня всегда больше интересовали их лечебные свойства. Я даже собирал книги по ботанике, которые продал лишь недавно.

Он немного помолчал, потирая подбородок и как бы подбирая подходящее слово.

– Можно сказать, что я – *человек лирического знания*, – сказал он. – Другое дело Хуан – мой индейский брат...

Дон Висенте помолчал еще с минуту. Застывшим взглядом он уставился в землю слева от меня. Потом повернулся ко мне и сказал почти шепотом:

– О, как высоко парит мой индейский брат!

Дон Висенте поднялся. Разговор, казалось, был окончен. Если бы кто-то другой заявил нечто подобное насчет «парящего индейского брата», я счел бы это штампом, сентиментальной дешевкой. Однако дон Висенте сказал это искренне и с таким ясным взглядом, что я был прямо-таки заморожен образом индейского брата, который парит так высоко... Я был уверен, что он говорит совершенно серьезно.

– «Лирическое знание». Боже мой! – воскликнул дон Хуан, когда я рассказал ему все. – Висенте – *брухо*. Зачем тебе нужно было идти к нему?

Я напомнил, что он сам советовал мне побывать у дона Висенте.

– Какая чушь! – очень выразительно сказал он. – Я тебе говорил, что когда-нибудь, после того, как ты научишься *видеть*, тебе полезно будет познакомиться с моим другом Висенте. Вот что я говорил. А ты пропустил это мимо ушей.

Я пытался возразить, говоря, что дон Висенте не сделал мне ничего дурного и что я был просто очарован его манерами и добротой.

Дон Хуан покрутил головой и полушутливым тоном выразил свое крайнее изумление по поводу того, что он назвал «хранящим меня везением». Он сказал, что мой «поход» к дону Висенте выглядит примерно так же, как если бы я забрался в клетку со львами, вооружившись хворостинкой. Дон Хуан казался возбужденным, хотя я не видел никаких причин для беспокойства. Дон Висенте – прекрасный человек. Он выглядел таким хрупким, даже почти эфемерным, наверное из-за странно прозрачных глаз. Я спросил дона Хуана, каким образом такой замечательный человек мог быть опасным.

– Ты чертов дурак, – сказал он, жестко взглянув на меня. – Конечно, сам он не сделает тебе ничего плохого. Но знание – это сила. И если человек встал на путь знания, то он больше не отвечает за то, что может случиться с теми, кто вступает с ним в контакт. Отправляться к Висенте тебе следовало только после того, как ты будешь знать достаточно, чтобы обезопасить

себя. Обезопасить не от него, а от той силы, которая его окружает и которая, кстати, не принадлежит ни ему, ни кому-либо другому. Узнав, что ты – мой друг, и решив, что ты знаешь достаточно, чтобы защитить себя, он сделал тебе *подарок силы*. Ты явно ему понравился, и он сделал тебе великий дар, на который ты наплевал. Какая жалость!

24 мая 1968

Весь день я надоедал дону Хуану, упрашивая рассказать о подарке дона Висенте. Я доказывал, что он должен учитывать разницу между нами – ведь то, что для него очевидно, мне может быть совершенно непонятным. В конце концов он уступил.

– Сколько растений он тебе дал?

Я сказал, что четыре, хотя в действительности точно не помнил. Тогда дон Хуан попросил меня как можно подробнее рассказать, что происходило после того, как я ушел от дона Висенте, – вплоть до момента, когда я остановился на шоссе. Но я почти ничего не помнил.

– Количество растений и порядок событий имеют огромное значение, – сказал он. – Откуда мне знать, что это был за порядок, если ты сам ничего не помнишь?

Я безуспешно пытался восстановить последовательность событий.

– Если бы ты вспомнил детали, я мог бы, по крайней мере, сказать тебе, каким образом ты упустил *подарок*.

Дон Хуан был заметно взволнован и настойчиво пытался заставить меня вспомнить, но на этом месте в моей памяти был провал.

– Как ты думаешь, что именно я сделал неправильно, дон Хуан? – спросил я, просто чтобы не молчать.

– Всё.

– Но ведь я буквально следовал инструкциям дона Висенте!

– Ну и что? Неужели тебе не ясно, что это было бессмысленно?

– Почему?

– Потому что инструкции были даны тому, кто умеет *видеть*, а не идиоту, который только благодаря везению выпутался из этой истории живым. Ты отправился к Висенте неподготовленным. Он подарил тебе нечто, потому что ты ему понравился. Но этот подарок вполне мог стоить тебе жизни.

– Но зачем же тогда он дал мне что-то столь серьезное? Если он маг, то должен был понять, что я ничего не знаю.

– Нет, он не мог этого *увидеть*. Ты выглядишь знающим, хотя в действительности знаешь очень мало.

– Я мог бы поклясться, что ничего из себя не строил, по крайней мере сознательно.

– Я не это имею в виду, – сказал он. – Если бы ты что-то из себя строил, Висенте *увидел* бы это. Когда я *вижу* тебя, то для меня ты выглядишь так, словно знаешь очень многое, хотя сам я уверен, что это не так.

– О каком знании ты говоришь, дон Хуан? Что именно я будто бы знаю?

– Секреты силы, конечно, знание *брюхо*. Поэтому когда Висенте *увидел* тебя, он сделал тебе подарок, а ты поступил с этим подарком, как собака поступает с едой, когда у нее набито брюхо. Наевшись вдоволь, она мочится на пищу, чтобы ее не съели другие собаки. И теперь мы никогда не узнаем, что же это было на самом деле. Ты многое потерял. Какая жалость!

Он помолчал немного, пожал плечами и усмехнулся.

– Жаловаться бесполезно, – сказал он. – Но от этого трудно отучиться. *Подарки силы* встречаются в жизни крайне редко, они уникальны и драгоценны. Мне, например, никогда не делали таких подарков. Я знаю лишь очень немногих людей, которые получили нечто подобное. Стыдно разбрасываться столь уникальными вещами.

– Я тебя понял, дон Хуан, – сказал я. – Что я могу сделать, чтобы спасти *подарок*?

Он засмеялся и несколько раз повторил «спасти подарок».

– Звучит здорово, – сказал он. – Мне нравится. Но все же спасти твой подарок ничто не в силах.

25 мая 1968

Сегодня дон Хуан показывал мне, как собираются ловушки для мелкой дичи. Почти все утро мы срезали и очищали ветки. У меня в голове вертелось множество вопросов. Я пытался заговорить с ним во время работы, но он отшутился, сказав, что из нас двоих лишь мне одному под силу одновременно работать и руками, и языком. Наконец мы присели отдохнуть, и я тут же выпалил вопрос:

– Дон Хуан, на что похоже *видение*?

– Чтобы это узнать, необходимо самому научиться *видеть*. Я не могу объяснить тебе.

– Это что – секрет, который ты мне пока не можешь раскрыть?

– Нет. Просто это нельзя описать словами.

– Почему?

– Ты не поймешь.

– А ты попробуй. Вдруг пойму?

– Нет, ты должен сделать это самостоятельно. Научившись *видеть*, ты будешь воспринимать мир по-другому.

– Так, значит, ты, дон Хуан, больше не воспринимаешь мир обычным способом?

– Я воспринимаю обоими способами. Если мне нужно *смотреть* на мир, я вижу его как обычный человек, как ты, например. Когда мне нужно *видеть*, я изменяю способ восприятия и вижу иначе.

– Вещи выглядят одинаковыми каждый раз, когда их *видишь*?

– Изменяются не вещи, а способ, которым ты их воспринимаешь.

– Ты не понял. Возьмем, к примеру, дерево. Оно изменяется или остается одним и тем же каждый раз, когда ты его *видишь*?

– Изменяется и в то же время остается таким же.

– Но если одно и то же дерево выглядит иначе всякий раз, когда ты его *видишь*, то не означает ли это, что все твоё *видение* – сплошная иллюзия?

Улыбнувшись, он некоторое время молчал, как бы собираясь с мыслями. Наконец он сказал:

– Когда ты на что-нибудь смотришь, ты не *видишь*. Ты просто констатируешь наличие чего-то определенного. Поскольку тебя не интересует *видение*, вещи, на которые ты смотришь, каждый раз выглядят для тебя более или менее одинаковыми. Но когда ты *видишь*, вещи никогда не бывают одними и теми же, и в то же время это те же самые вещи. Например, я говорил тебе, что человек выглядит как яйцо. Каждый раз, когда я *вижу* одного и того же человека, я *вижу* яйцо. Но это не то же самое яйцо.

– Да, но если вещи никогда не бывают одними и теми же, то они неузнаваемы. Какой тогда смысл учиться *видению*?

– Чтобы различать. *Видение* – это восприятие истинной сущности. Когда *видишь*, воспринимаешь то, что есть в действительности.

– Значит ли это, что я не воспринимаю то, что есть в действительности?

– Не воспринимаешь. Твои глаза приучены только смотреть. Вот, к примеру, те трое мексиканцев, которых ты встретил на дороге. Ты запомнил их очень хорошо, даже описал мне их одежду, но это лишний раз подтверждает, что ты их не *видел*. Если бы ты мог *видеть*, ты бы сразу понял, что это – не люди.

– Что значит не люди? А кто же тогда?

– Не люди и все.

– Но этого не может быть. Это были такие же люди, как мы с тобой.

– Нет. И я в этом абсолютно уверен.

– Что, призраки, духи или, может, души умерших?

Он ответил, что не знает, кто такие призраки, духи и души.

Я взял в машине Вэбстеровский словарь современного английского языка и перевел ему то, что там по этому поводу говорилось: «Призрак – предполагаемый бестелесный дух умершего человека. Считается, что П. является живым людям в виде бледного полупрозрачного видения».

И насчет духов:

«Дух – сверхъестественное существо... под духами обычно понимаются призраки или подобного рода существа, обитающие в определенной местности и обладающие определенным (добрым или злым) характером».

Дон Хуан сказал, что тех троих можно было бы, пожалуй, назвать духами, хотя прочитанное мной определение не совсем им подходит.

– Может, это что-то вроде *хранителей*? – спросил я.

– Нет, они ничего не хранят.

– Тогда наблюдателей? Ну, которые наблюдают за нами и нас контролируют.

– Это просто силы, ни плохие, ни хорошие, просто силы, которые *брухо* стремится заставить работать на себя.

– Это *союзники*, дон Хуан?

– Да, это – *союзники* человеческого знания.

Впервые за восемь лет нашего знакомства дон Хуан вплотную подошел к тому, чтобы дать определение *союзника*. Я просил его об этом десятки раз. Обычно он игнорировал мой вопрос, говоря, что мне и без того отлично известно, что такое *союзники*, и что глупо спрашивать о том, что и так знаешь. Прямое заявление о природе *союзников* было чем-то новым, и я решил не упускать случая как следует разобраться в этом вопросе.

– Ты говорил, что *союзники* содержатся в растениях – в дурмане и в грибах, – сказал я.

– Ничего подобного я не говорил, – убежденно возразил он. – Ты всегда переиначиваешь мои слова на свой лад.

– Постой, но в своей книге я именно так и написал.

– Ты можешь писать все, что хочешь, только не надо мне рассказывать, что якобы я такое говорил.

Я напомнил ему: когда-то он рассказывал мне о дурмане как о *союзнике* своего бенефактора и говорил, что его собственный *союзник* – это дымок, а несколько позже уточнил, что в каждом растении содержится *союзник*.

– Нет. Это неверно, – хмуро заявил он. – Дымок – действительно мой *союзник*, но это не означает, что *союзник* содержится в курительной смеси или трубке. Просто все это вместе позволяет мне до него добраться, а почему я называю его дымком – мое личное дело.

Дон Хуан сказал, что те трое, которых я встретил на шоссе, были *союзниками* донна Висенте.

Тогда я напомнил ему его слова о том, что в отличие от *Мескалито*, увидеть которого достаточно легко, увидеть *союзника* невозможно.

После этого мы долго спорили. Дон Хуан утверждал, что, говоря о невозможности видеть *союзников*, он имел в виду их способность принимать любую форму. Когда я возразил, что о *Мескалито* он говорил то же самое, он прервал дискуссию, заявив, что «видение», о котором говорит он, – это не обычное «смотрение» и что путаница возникает из-за моего стремления все выразить словами.

Через несколько часов дон Хуан сам вернулся к теме *союзников*, хотя я молчал, чувствуя, что мои вопросы его раздражают. Он как раз показывал мне, как собирать ловушку для кро-

ликов. Я держал длинную палку, согнув ее как можно больше, а он связывал ее концы прочной бечевкой. Палка была довольно тонкой, но, чтобы удержать ее в согнутом положении, все равно требовались значительные усилия. Когда он наконец закончил, у меня дрожали руки, шея затекла и мышцы свело от напряжения.

Мы сели передохнуть, и дон Хуан сказал, что пришел к выводу, что мне ничего не удастся понять, если я как следует об этом не поговорю. Поэтому он не возражает против того, чтобы я задавал вопросы, и попытается рассказать мне о *союзниках* все, что сможет.

– *Союзник* не содержится в дыме. Дым доставляет тебя к *союзнику*, а когда ты становишься с ним одним целым, тебе уже больше не нужно использовать дым. С этого момента ты можешь управлять своим *союзником* при помощи воли и заставлять его делать все, что тебе потребуется. *Союзники* не бывают ни плохими, ни хорошими, это просто силы, которыми маги пользуются по своему усмотрению. Дымок нравится мне за верность и честность и еще за то, что не требует от меня слишком многого.

– Какими ты воспринимаешь *союзников*, дон Хуан? Для меня они выглядят обыкновенными людьми, по крайней мере так я их воспринял. Как бы они выглядели для тебя?

– Как обыкновенные люди.

– Но как же их тогда отличить от обыкновенных людей?

– Люди, когда их *видишь*, имеют форму светящихся яиц. *Союзники* в образе человека всегда имеют форму человеческого тела. Именно это я имел в виду, когда говорил, что *союзника* невозможно *увидеть*. *Союзников* невозможно *увидеть* потому, что они всегда принимают чью-то форму – собак, койотов, птиц, даже перекасти-поля. Разница в том, что, когда их *видишь*, они сохраняют форму того, чем прикидываются. Понимаешь? Каждое существо и каждый предмет имеет свойственную ему специфическую форму, когда его *видишь*. Человек, например, – форму светящегося яйца, другие существа – какие-то свои формы. Только *союзники*, – и когда их воспринимаешь в обычном режиме, и когда их *видишь*, – сохраняют одну и ту же форму, которую копируют. Эта форма достаточно совершенна, чтобы обмануть глаз. Я имею в виду глаза человека. Собаку или, скажем, ворону не проведешь.

– Получается, что они нас попросту дурачат. Но зачем?

– Я думаю, мы сами себя одурачиваем. *Союзник* всего лишь принимает форму чего-то, что есть в окружающем нас мире, а мы, в свою очередь, принимаем его за то, чем он не является. Разве он виноват в том, что мы не умеем *видеть*, а способны только смотреть на поверхность вещей?

– Мне непонятно их назначение, дон Хуан. Что *союзники* делают в мире?

– А что люди делают в мире? Я, например, не знаю. Мы существуем и все. *Союзники* – тоже существуют. Вполне возможно, что они были здесь и до нас.

– А что значит «до нас», дон Хуан?

– Люди не всегда были здесь.

– Где это здесь – в этой стране или в этом мире?

Завязалась длинная дискуссия по этому поводу. Дон Хуан сказал, что для него существует только один мир – та земля, по которой он ходит. Я спросил, откуда он знает, что мы не всегда присутствовали в этом мире.

– Очень просто, – сказал он. – Люди знают о мире слишком мало. Койоты знают намного больше. Видимость вещей никогда не вводит их в заблуждение.

– Хорошо, а как же тогда людям удается их ловить и убивать? – спросил я. – Если их не вводит в заблуждение видимость, почему они так легко умирают?

Дон Хуан молча смотрел на меня до тех пор, пока я не почувствовал смущение.

– Мы можем поймать, отравить или пристрелить койота, – сказал он. – Как бы мы ни убили его, он будет легкой добычей, потому что не знаком с нашими хитростями. Но если койот останется жив, можешь быть уверен, что он так просто уже не попадется. Хороший охотник

это знает и никогда не ставит ловушки дважды на одном месте. Если койот погиб в капкане, то другие койоты *видят* его смерть, которая всегда бродит поблизости, и обходят капкан, а возможно и эту местность, десятой дорогой. Люди не *видят* смерти своих собратьев, которая остается там, где они умерли. Человек может что-то смутно чувствовать, однако не *видит*.

– Койоты *видят союзников*?

– Конечно.

– А как они выглядят для койотов?

– Чтобы это знать, мне нужно было бы побыть койотом. Но я могу сказать, как выглядят *союзники* для ворон – нечто вроде колпака, широкое и круглое внизу и острое вверху. Некоторые светятся, но в большинстве случаев они очень тусклые и выглядят тяжелыми. Как мокрая тряпка. Неприятное зрелище.

– А какими их *видишь* ты, дон Хуан?

– Я же говорил – они сохраняют форму того, чем прикидываются. А принимать они могут любые формы каких угодно размеров – от булыжника до горы.

– Они говорят, смеются, издают какие-то звуки?

– Среди людей они ведут себя как люди, среди животных – как животные. Животные обычно их боятся. Однако если они привыкают к *союзнику*, то реагируют довольно спокойно. Люди поступают примерно так же. Ведь среди нас – масса *союзников*, но мы можем только смотреть и потому просто не замечаем их.

– Ты хочешь сказать, что некоторые из людей, которых я вижу на улице, не являются людьми? – в замешательстве спросил я.

– Некоторые не являются, – выразительно ответил он.

Его заявление показалось мне полнейшим абсурдом, и в то же время я не мог допустить, что он сделал его только ради эффекта. Я сказал, что это похоже на научно-фантастические истории о пришельцах с других планет. Он заявил, что его мало волнует, на что это похоже, но в уличной толпе иногда попадаются *союзники* в человеческом облике.

– Почему ты считаешь, что все в толпе обязательно должны быть людьми? – спросил он очень серьезным тоном.

Я не мог объяснить это ничем иным, кроме привычки, основанной на вере.

Он сказал, что ему очень нравится разглядывать толпу и *видеть* ее как скопление яйцеобразных существ. Но иногда среди множества светящихся яиц нет-нет да и промелькнет фигура в форме человеческого тела.

– Весьма занятно, во всяком случае для меня, – со смехом сказал он. – Мне нравится сидеть в парках или на автостанциях и наблюдать. Иногда сразу же замечаешь *союзника*, иногда нет, и повсюду только настоящие люди. Однажды я даже видел двух *союзников* сразу. Они сидели рядышком в автобусе. Но это был единственный такой случай.

– Этот случай имел для тебя какое-то особое значение? – спросил я.

– Конечно. Все, что они делают, имеет значение. Из их действий маг иногда может извлечь силу. Даже если у *брухо* нет «своего» *союзника*, он может управлять силой, если умеет *видеть*. Для этого он должен следить за действиями *союзников*. Задолго до того, как я обзавелся своим, мой бенефактор научил меня извлекать силу из действий других *союзников*. Я разглядывал толпы людей, и каждый раз, когда *видел союзника*, тот меня чему-нибудь учил. Ты встретился сразу с тремя. Какой великолепный урок ты упустил!

Он замолчал и не говорил больше ничего до тех пор, пока мы не закончили собирать ловушку. Потом он повернулся ко мне и неожиданно, как бы вспомнив, сказал, что если встретишь двух *союзников* вместе, то они обязательно относятся к одному типу и имитируют существ одного пола. В его случае оба были мужчинами. Я встретил двух мужчин и женщину, так что мой случай был вообще из ряда вон выходящим.

Я спросил, могут ли они копировать людей, и если могут, то какого пола; могут ли они принимать формы людей разных рас или, скажем, семьи из трех человек – мамы, папы и ребенка. И наконец, я спросил, не видел ли он *союзника* за рулем автобуса.

Дон Хуан молча слушал мою болтовню, но в ответ на последний вопрос весело рассмеялся. Он сказал, что я неточно формулирую вопросы. Надо было спросить, не *видел* ли он когда-нибудь *союзника* за рулем транспортного средства.

– Разве мотоциклы тебя не интересуют? – ехидно прищурившись спросил он.

Его насмешка была добродушной, и я засмеялся вместе с ним.

Затем он объяснил, что *союзники* не в состоянии ни на что воздействовать и ничем управлять непосредственно, однако могут действовать косвенно, влияя на людей. Соприкасаться с *союзниками* опасно, потому что они способны вывести на поверхность все худшее в человеке. Путь ученичества так долог и тернист, потому что прежде, чем входить в контакт с этими силами, человек должен исключить из своей жизни все лишнее, все, что не является жизненно необходимым, иначе ему не выдержать столкновения с ними. Дон Хуан сказал, что *союзник* при первой встрече заставил его бенефактора сильно обжечься, причем шрамы остались такие, словно тот побывал в лапах у горного льва. Самого дона Хуана *союзник* загнал в тлеющий костер, и он обжег себе колено и спину возле лопатки. Но после того, как он стал одним целым с *союзником*, шрамы постепенно исчезли.

Глава 3

Мы с доном Хуаном отправились на митоту 10 июня 1968 года. Ехать нужно было довольно далеко.

Я ждал этой возможности не первый месяц, но уверенности в том, что я хочу ехать, у меня не было. Я опасался, что на пейотном собрании мне придется принимать пейот, а это никак не входило в мои планы, о чем я не раз говорил дону Хуану. Поначалу он только посмеивался, но в конце концов твердо заявил, что ни о каких страхах слышать больше не желает.

Я считал, что митота была идеальным случаем для проверки составленной мною схемы. Я так полностью и не отбросил идею о наличии на подобных мероприятиях скрытого лидера, функцией которого было приведение участников к некоторому общему соглашению. Мне казалось, что дон Хуан раскритиковал ее из каких-то своих соображений, считая более целесообразным объяснять все с точки зрения *видения*. Поэтому я думал, что мои попытки найти объяснение с собственной позиции просто не соответствовали его намерениям, что он ждал от меня чего-то другого. Отсюда и критика, которой он подверг мой рационализм. Для него это было достаточно характерно – он всегда отбрасывал то, что не укладывалось в его систему.

Лишь перед самым отъездом дон Хуан сказал, что берет меня на митоту в качестве наблюдателя, так что принимать пейот мне не потребуется. Я успокоился и даже ощутил некоторый подъем. Я был почти уверен, что на этот раз мне удастся раскрыть процедуру, при помощи которой участники митоты приходят к соглашению.

Мы выехали вечером, когда солнце уже клонилось к горизонту. Я чувствовал его лучи сбоку на затылке и жалел, что на заднем стекле моей машины нет жалюзи.

Машина взобралась на вершину высокого холма. Дорога черной лентой стелилась по земле, волнами расплываясь посреди безлюдной огромной холмистой равнины, залитой золотом предзакатного солнца. Какое-то мгновение я смотрел, как она тянется строго на юг и возле самого горизонта скрывается за цепью невысоких гор. Потом мы начали спускаться.

Дон Хуан смотрел вперед и молчал. Мы ехали уже довольно долго, не произнося ни слова. В машине было очень жарко. Я опустил все стекла, но это не спасало, так как день был исключительно знойным. Меня это раздражало, и я высказался по поводу жары.

Дон Хуан нахмурился и насмешливо взглянул на меня.

– Во всей Мексике в это время жарко, – сказал он. – Тут уж ничего не поделаешь.

Я не смотрел на него, но знал, что он меня разглядывает. Набирая скорость, машина катилась вниз по склону. Краем глаза я заметил мелькнувший знак «vado» – «выбоина». Когда показалась сама выбоина, скорость была слишком большой и, хотя я успел немного притормозить, нас основательно потрянуло. Я заметно сбавил скорость – в этих краях домашний скот свободно разгуливает и пасется у дороги, и скелет сбитой машиной коровы или лошади – явление довольно частое. Один раз даже пришлось остановиться, чтобы пропустить нескольких лошадей, переходивших шоссе. Мое раздражение все нарастало. Я сказал дону Хуану, что всему виной проклятая жара. С детства я обостренно реагировал на духоту – в жаркие дни мне буквально нечем было дышать.

– Но ведь ты уже не маленький, – сказал он.

– Но жара остается жарой, и мне по-прежнему душно.

– Знаешь, когда я был ребенком, меня постоянно душил голод, – произнес он мягко. – Я не знал ничего, кроме постоянного жуткого чувства голода. Когда мне удавалось поесть, я набивал брюхо так, что не мог дышать. Но это было тогда. Теперь я уже не способен ни задыхаться от голода, ни обжираться, как головастик.

Мне нечего было сказать. Спорить было бесполезно, потому что еще немного – и мне пришлось бы отстаивать совершенно нелепую точку зрения. Да и жара была не настолько страш-

ной. На самом деле меня больше беспокоила перспектива тысячу километров без отдыха просидеть за рулем. Мысль о предстоящей усталости действовала на нервы.

– Давай остановимся и что-нибудь съедим, – сказал я. – Тем временем солнце зайдет, и будет уже не так жарко.

Дон Хуан с улыбкой посмотрел на меня и сказал, что на расстоянии нескольких сотен миль нет ни одного приличного городка, а я, насколько он понял, предпочитаю не питаться в придорожных забегаловках.

– Тебя что, уже не пугает дизентерия? – спросил он.

Я знал, что он издевается, хотя его тон и выражение лица не выдавали ничего, кроме искреннего любопытства.

– На тебя поглядеть, – сказал он, – так дизентерия просто рыщет вокруг, подкарауливая, когда же наконец ты выйдешь из машины. Вот тут-то она и совершит свой коварный прыжок. Да, нечего сказать, плохи твои дела – если и улизнешь от жары, то непременно попадешь в лапы дизентерии.

Дон Хуан сказал это таким серьезным тоном, что я не выдержал и засмеялся. После этого мы долго ехали молча. К стоянке трейлеров Лос-Виридос мы подъехали уже в темноте. Мы остановились у двери кафе, и дон Хуан крикнул из машины:

– Эй, что у вас там сегодня на ужин?

– Свинина, – откликнулся женский голос.

– Надеюсь, что свинья попала под машину сегодня, иначе тебе несдобровать, – смеясь, сказал дон Хуан.

Мы вылезли из машины. Дорога в этом месте была зажата между двумя цепями низких скалистых гор, напоминавших застывшую лаву, выброшенную каким-то гигантским вулканом. Черные зубчатые пики угрожающе вздымались в темноте и на фоне неба были похожи на стену стеклянных осколков.

За ужином я сказал дону Хуану, что понял, почему это место называется Лос-Виридос – «Стекла». Совершенно очевидно, что оно обязано этим названием остроконечным скалам, похожим на осколки стекла.

Дон Хуан убежденно сказал, что место назвали Лос-Виридос потому, что здесь когда-то перевернулся грузовик со стеклом, осколки которого много лет валялись потом вдоль дороги.

– Что, серьезно? – спросил я, чувствуя, что он шутит.

– Почему бы тебе не спросить кого-нибудь из местных? – сказал дон Хуан.

Я спросил человека, который сидел за соседним столиком. Он извиняющимся тоном сказал, что не знает. Я прошел на кухню и спросил у женщин, которые там работали. Никто из них не знал. «Стекла» и все. Просто так называется.

– Думаю, что я прав, – сказал дон Хуан. – Мексиканцы не одарены способностью замечать вещи вокруг себя. «Стеклянные» горы – это не для них. Зато вполне в их стиле оставить гору битого стекла валяться у дороги и не убирать его в течение нескольких лет.

Мы оба рассмеялись, потому что все это было действительно забавно.

После еды дон Хуан спросил меня, как я себя чувствую. Я сказал, что нормально, хотя на самом деле мне было немного не по себе. Дон Хуан пристально посмотрел на меня. Я понял, что он что-то заметил.

– Собираясь в Мексику, тебе следовало распрощаться со всеми своими страхами, к которым ты так равнодушен, – очень жестко сказал он. – Твое решение должно было уничтожить их. Ты приехал, потому что хотел приехать. Так поступают на пути воина. Я много раз тебе говорил: быть воином – это самый эффективный способ жить. Воин сомневается и размышляет до того, как принимает решение. Но когда оно принято, он действует, не отвлекаясь на сомнения, опасения и колебания. Впереди – еще миллионы решений, каждое из которых ждет своего часа. Это – путь воина.

– Да я, мне кажется, так и делаю, дон Хуан, во всяком случае, время от времени. Все-таки трудно следить за собой непрерывно.

– Когда воина начинают одолевать сомнения и страхи, он думает о своей смерти.

– Это еще труднее, дон Хуан. Для большинства людей смерть – это что-то неясное и далекое. Мы никогда всерьез не думаем о ней.

– Почему?

– А зачем?

– Зачем? Потому что идея смерти – единственное, что способно закалить наш дух.

Когда мы покидали Лос-Виридос, было уже настолько темно, что зубчатые силуэты гор полностью растворились в небе. Больше часа мы ехали молча. Я устал. Говорить не хотелось, да и разговаривать было в общем-то не о чем.

За все это время только несколько машин проехало по пустынной дороге нам навстречу. Казалось, что на юг по этому ночному шоссе, кроме нас, не ехал никто. Это было странно, и время от времени я поглядывал на зеркало заднего обзора, надеясь увидеть в нем хоть бы одну машину. Однако трасса позади нас была совершенно пустынной.

Спустя некоторое время я оставил это занятие и вернулся к размышлениям о перспективах нашей поездки. Вдруг я заметил, что свет моих фар стал каким-то слишком ярким на фоне окружающей тьмы. Я взглянул в зеркало и увидел яркое сияние. Затем, словно из-под земли, вырвались два снопа света. Это были фары машины на вершине холма позади нас. Некоторое время они были видны, а затем исчезли в темноте, будто их выключили. Через секунду они появились на другом бугре и снова исчезли. Так они то появлялись, то исчезали, а я следил за ними почти неотрывно, и это продолжалось довольно долго.

В какой-то миг мне стало ясно, что та машина позади догоняет нас. Огни стали больше и ярче. Я до упора выжал педаль газа. Мне почему-то было не по себе. Дон Хуан, казалось, заметил мою озабоченность, а может, его внимание привлекло то, что я увеличил скорость. Он взглянул на меня, потом повернулся и посмотрел на фары позади нас.

Он спросил, все ли со мной в порядке. Я ответил, что на протяжении нескольких часов позади не было ни одной машины, а потом я неожиданно заметил свет фар машины, которая, похоже, все время нас догоняет.

Дон Хуан кивнул и спросил:

– А ты уверен, что нас догоняет машина?

– Разумеется.

Дон Хуан сказал, что по моему тону и моему озабоченному виду он понял, что я чувствую – нас догоняет не просто машина. Я настаивал на том, что ничего такого не чувствую, а догоняет нас просто машина или трейлер.

– Ну что это еще может быть? – нервно спросил я.

Его намеки вывели меня из себя.

Он повернулся и посмотрел прямо на меня, потом медленно кивнул, как бы взвешивая то, что собирался сказать.

– Это огни на голове смерти, – сказал он мягко. – Она надевает их наподобие шляпы, прежде чем пуститься в галоп. То, что ты видишь позади, – это огни на голове смерти, которые она зажгла, бросившись в погоню за нами. Смерть неуклонно преследует нас, и с каждой секундой она все ближе и ближе.

У меня по спине побежал озноб. Какое-то время я не смотрел назад, а когда снова взглянул в зеркало, огней нигде не было.

Я сказал дону Хуану, что машина, должно быть, остановилась или свернула в сторону. Он не глянул назад, а лишь потянулся и зевнул.

– Нет. Смерть никогда не останавливается. Просто иногда она гасит огни. Но это ничего не меняет...

13 июня мы добрались до Северо-Восточной Мексики. Две очень похожие друг на друга старые индианки, видимо сестры, и четыре девушки стояли у двери небольшого дома. За домом виднелась какая-то хибара и разрушенный коровник, от которого осталась только одна стена и часть крыши. Женщины явно нас поджидали. Наверное, они заметили хвост пыли, тянувшийся за моей машиной. К дому от шоссе вела грунтовая дорога, на которую мы съехали за несколько миль от него. Дом стоял в глубокой долине, и от двери шоссе казалось длинным рубцом, прорезавшим склон зеленого холма.

Дон Хуан вышел из машины и немного поговорил с женщинами. Они указали ему на деревянные табуретки, стоявшие у двери. Дон Хуан позвал меня, и мы сели. Одна из старух осталась с нами, все остальные вошли в дом. Две девушки остались стоять в дверях, с любопытством изучая меня. Я помахал им, они захихикали и убежали в дом. Через несколько минут из дома вышли два молодых человека и поздоровались с доном Хуаном. Со мной они не говорили и даже не взглянули в мою сторону. Они немного посоветовались о чем-то с доном Хуаном, потом он поднялся, и все мы, включая женщин, отправились к другому дому, до которого было примерно полмили. Там было еще несколько человек. Дон Хуан вошел внутрь, велел мне оставаться на улице. Я заглянул в дом и увидел сидящего на табуретке старика-индейца, примерно такого же возраста, как дон Хуан.

Было не очень темно. Перед домом стоял старый грузовик, вокруг него расположилась группа молодых индейцев – мужчины и женщины. Я обратился к ним по-испански, но они явно не намерены были со мной общаться. Женщины хихикали после каждого моего слова, а мужчины вежливо улыбались и отводили глаза. Они делали вид, что не понимают меня, но я был уверен, что испанский они знают, – я слышал, как они говорили между собой на этом языке.

Через некоторое время дон Хуан и второй старик вышли из дома, подошли к грузовику и сели в кабину рядом с водителем. Это послужило сигналом, по которому все остальные забрались на платформу, заменяющую грузовику кузов. Платформа была без ограждения, и когда грузовик тронулся, все вцепились в длинную веревку, привязанную к каким-то крючкам на раме.

Грузовик медленно тащился по грунтовой дороге. В одном месте, где она слишком круто поднималась по склону холма, все спрыгнули и пошли за грузовиком. Два парня снова запрыгнули на платформу и сели с краю, не держась за веревку. Женщины смеялись и подзадоривали их. Дон Хуан и старик, которого все называли Сильвио, шли рядом и не обращали на молодежь никакого внимания. Когда дорога снова вышла на ровное место, все забрались обратно.

Мы ехали около часа. Поверхность платформы была очень твердой, поэтому я поднялся и всю дорогу ехал стоя, держась за крышу кабины. Наконец машина остановилась возле группы строений. Там были еще какие-то люди, но уже совсем стемнело, и в тусклом желтоватом свете керосиновой лампы, висевшей над дверью одного из домов, я видел только трех-четыре человека.

Все слезли с платформы и разошлись по дому, но мне дон Хуан снова велел оставаться снаружи. Я стоял, облокотившись о крыло грузовика. Через пару минут подошли три молодых человека. С одним из них я был знаком – мы встречались, когда я был на митоте в прошлый раз. Он поздоровался со мной, пожав мои запястья, и прошептал по-испански:

– Ты молодец.

Мы тихо стояли возле грузовика. Было тепло. Мягко шелестел ночной ветер. Мой знакомый спросил, нет ли у меня сигарет. Я вытащил пачку, и все закурили. Присветив сигаретой, я посмотрел на часы: девять.

Вскоре из дома вышло несколько человек, и молодые люди, стоявшие рядом со мной у грузовика, ушли. Подошел дон Хуан и сказал, что объяснил собравшимся цель моего приезда и

что его объяснение всех устроило. Меня пригласили участвовать в митоте в качестве хранителя воды. Дон Хуан сказал, что отправляться нужно прямо сейчас.

Группа из десяти женщин и одиннадцати мужчин вышла из дома. Впереди шел крепкий мужчина лет сорока пяти. Его называли «Мочо» – прозвище, которое переводится как «резаный». Он двигался быстрым уверенным шагом. У него была керосиновая лампа, которой он время от времени помахивал из стороны в сторону. Сначала я думал, что эти движения получаются у него случайно, однако через некоторое время понял, что так он указывает идущим сзади на препятствия и трудные участки дороги. Мы шли больше часа. Женщины болтали и время от времени негромко смеялись. Дон Хуан и второй старик шли где-то впереди, а я плелся в самом хвосте, уставившись в землю и каждый раз тщетно пытаюсь разглядеть, куда лучше поставить ногу.

Прошло уже четыре года с тех пор, как мы с доном Хуаном ночью ходили в горах, я потерял форму и все время спотыкался. Из-под ног у меня летели камни, колени не гнулись, а когда я наступал на бугорок, то казалось, что дорога прыгает на меня, а если под ногу попадалась выбоина, то чувство было таким, словно дорога предательски ныряет в какую-то пропасть. Я производил шума больше, чем любой из остальных, и поневоле сделался шутком. Каждый раз, когда я спотыкался, кто-то говорил «ух», и все смеялись. Когда в очередной раз я пнул камень и он угодил в пятку шедшей впереди женщине, она, ко всеобщему удовольствию, громко сказала:

– Дайте бедняжке свечку!

Но и это было еще не все. Окончательно я опозорился немного погодя, когда, споткнувшись, начал падать и инстинктивно ухватился за кого-то впереди. Я повис на нем всем своим весом, и он тоже чуть не упал, издевательски заорав при этом не своим голосом. Все хохотали так, что пришлось остановиться.

Ведущий взмахнул фонариком вверх-вниз. Это означало, что мы пришли. Неподалеку справа маячил темный силуэт какого-то дома. Все разбрелись по сторонам. Я поискал дон Хуана. В темноте это было не так-то просто. Я шумно слонялся из стороны в сторону, пока не наткнулся на него. Он сидел на камне.

Дон Хуан еще раз напомнил мне, что моей задачей будет подавать воду участникам митоты. Несколько лет назад он учил меня, как это делается. Я все прекрасно помнил до мельчайших подробностей, но он настоял на том, чтобы я освежил процедуру в памяти, и еще раз показал мне, как и что я должен делать.

Потом мы направились за дом, где собрались все мужчины. Там уже горел костер. Метрах в пяти от огня на чистой ровной площадке была сделана подстилка из соломенных циновок. Мочо – наш проводник – первым сел на подстилку. Я обратил внимание на то, что верхушка левого уха у него отсутствует. Видимо, этому он был обязан своим прозвищем. Дон Сильвио сел справа от него, дон Хуан – слева. Мочо сидел лицом к огню. Подошел молодой человек и поставил перед ним плоскую корзинку с пейотными батончиками, а сам сел между ним и доном Сильвио. Другой молодой человек принес еще две плоские корзинки и поставил их рядом с первой, а сам сел между Мочо и доном Хуаном. Еще два молодых человека сели между доном Сильвио и доном Хуаном, замкнув круг из семи человек. Все женщины оставались в доме. Два парня должны были всю ночь поддерживать огонь, а мальчик-подросток и я – следили за водой, которую нужно было дать участникам после окончания ритуала, который должен был длиться всю ночь. Мы с мальчиком сели возле камня. Огонь и сосуд с водой находились напротив друг друга на равном расстоянии от круга участников.

Мочо – ведущий – пропел свою пейотную песню, глаза его были закрыты, тело покачивалось. Песня была очень длинной. Языка я не понимал. Затем все по очереди пропели свои пейотные песни. Я не заметил, чтобы они следовали какому-то заранее установленному порядку. Было совершенно очевидно, что каждый поет тогда, когда чувствует, что пришла его очередь.

Затем Мочо взял корзинку, вынул два пейотных батончика и поставил ее на место. Дон Сильвио, а за ним и дон Хуан сделали то же самое. Потом по два батончика взяли четверо молодых людей. У меня сложилось впечатление, что они вчетвером составляли как бы отдельную группу. Пейотные батончики они тоже брали по очереди, против часовой стрелки.

Съев батончики, все еще раз пропели свои пейотные песни и снова съели по два батончика. В общей сложности вся процедура повторилась четыре раза. Потом они пустили по кругу две другие корзинки, в которых были сушеные фрукты и мясо.

Весь этот цикл повторился в течение ночи еще несколько раз, но никакой системы в действиях каждого из них я не обнаружил. Они не разговаривали, более того, каждый был как бы наедине с собой. Я не заметил, чтобы хоть один из них обращал внимание на то, что делают остальные.

Перед рассветом они встали, и мы с мальчиком дали им воды. Потом я пошел прогуляться и осмотреть местность. Дом оказался низкой саманной хижинкой с крышей из хвороста. Пейзаж был довольно угнетающим – суровая равнина, поросшая кустами и кактусами. Деревьев не было вообще. Мне совершенно не хотелось бродить по округе.

Утром женщины ушли. Мужчины молча слонялись возле дома. Примерно в полдень все снова заняли свои места, и по кругу пошла корзинка с сушеным мясом, разрезанным на кусочки такого же размера, как батончики пейота. Некоторые из мужчин пели свои пейотные песни. Примерно через час все встали и опять разбрелись в разные стороны.

Уходя, женщины оставили горшок каши для тех, кто следит за огнем и водой. Я немного поел и улегся спать.

Когда стемнело, мужчины, отвечавшие за огонь, разожгли костер, и начался новый цикл приема пейотных батончиков. В общих чертах в эту ночь все происходило в том же порядке, что и в предыдущую, и закончилось на рассвете.

В течение всей ночи я внимательно наблюдал за происходящим и тщательно записывал каждое движение каждого из семи участников в надежде наткнуться хоть на что-то, указывающее на существование вербальной или невербальной системы обмена информацией, но не заметил даже намека на подобное.

Вечером следующего дня все началось сначала. К утру я был уверен, что моя попытка обнаружить какие-то ключи окончилась полнейшим провалом. Никакого скрытого лидера, никакого обмена информацией, никакой системы соглашения. Весь день я провел в одиночестве, разбирая свои записи.

Когда вечером все собрались на четвертый цикл принятия пейота, я вдруг понял, что эта ночь – последняя. Никто мне об этом не говорил, но каким-то образом я знал, что на следующий день все разъедутся. Я занял свое место возле воды. Остальные тоже расположились в прежнем порядке.

Поведение семерых участников, сидевших кружком на подстилке, было в точности таким же, как и раньше. Как и в предыдущие ночи, я был полностью поглощен наблюдением за их действиями. Мне хотелось записать каждое движение, каждый звук, каждый жест.

В какой-то момент я услышал гудение, похожее на обыкновенный звон в ушах, и поначалу не обратил на него внимания. Он усилился, все же не выходя за пределы обычных телесных ощущений. Я помню, что внимание как бы разделилось между людьми, за которыми я наблюдал, и звуком, который слышал. Это был переломный момент. Лица людей вдруг стали ярче, как будто включили свет. В то же время это не было похоже ни на электрический свет, ни на свет керосиновой лампы или вспыхнувшего костра. То, что я видел, скорее напоминало люминесценцию, розовое свечение, очень размытое, но тем не менее заметное с того места, где я сидел. Звон в ушах, казалось, усиливался. Я взглянул на паренька, который был рядом со мной, но тот спал. К тому времени розовое свечение стало еще заметней. Я посмотрел на дона

Хуана. Он сидел с закрытыми глазами, Мочо и дон Сильвио – тоже. Глаза молодых людей мне не были видны, потому что двое из них наклонились вперед, а двое сидели ко мне спиной.

Я еще глубже ушел в наблюдение, все еще не осознавая, что действительно слышу звон и вижу розовое свечение вокруг людей. Через минуту, однако, до меня дошло, что явления эти очень устойчивы. На мгновение я пришел в сильное замешательство, а потом вдруг возникла мысль, не имевшая ничего общего ни с происходящим, ни с целью моего приезда сюда. Я вспомнил слова, услышанные мною в детстве от матери. Воспоминание немного отвлекло меня, так как было совершенно неуместным, я попытался отбросить его и вновь сосредоточиться на наблюдении, но безуспешно. Мысль-воспоминание упорно возвращалась, становясь все более ярко выраженной. Она требовала от меня все большего внимания, и я вдруг ясно услышал голос матери, она звала меня. Послышалось шлепанье ее тапочек и смех. Я оглянулся, думая, что это какой-то мираж или галлюцинация и что сейчас я перенесусь во времени и пространстве и увижу мать. Но увидел только мальчика, мирно спящего рядом. Это встряхнуло меня и на какое-то мгновение отрезвило.

Я взглянул на мужчин. Они неподвижно сидели в прежних позах. Однако свечения уже не было. Отсутствовал и звон в ушах. Я облегченно вздохнул, решив, что галлюцинация с голосом моей матери закончилась. Ее голос был таким ясным и живым, что я чуть было не попался на него. Я мельком заметил, что дон Хуан смотрит на меня, но это не имело значения.

Я находился под гипнозом воспоминания о голосе зовущей меня матери и отчаянно пытался думать о чем-то другом. И вдруг снова раздался ее голос. Казалось, она стоит у меня за спиной. Она звала меня по имени. Я резко обернулся, но увидел только темный силуэт хижины и смутные пятна кустарника.

Звук моего имени полностью вывел меня из равновесия. Я невольно застонал. Мне стало очень холодно и одиноко. Я заплакал. Внезапно так захотелось, чтобы рядом был хоть кто-нибудь, кому я небезразличен. Я повернул голову, чтобы взглянуть на дона Хуана. Он смотрел на меня. Я не желал его видеть и закрыл глаза. Тогда мне явилась мать. Я не думал о ней, как обычно, – я отчетливо ее видел. Она стояла рядом. Я задрожал. Меня захлестнула волна отчаяния, захотелось убежать, исчезнуть. Видение матери болезненно не вязалось с тем, что я искал здесь, на этом пейотном собрании. Несоответствие было кошмарным, и не было никакой возможности сознательно от этого избавиться. Наверное, если бы мне действительно хотелось рассеять видение, то я бы открыл глаза, но я почему-то продолжал внимательно его разглядывать, причем с особой тщательностью и скрупулезностью. Меня охватило необъяснимое чувство. Оно было очень странным и действительно охватило меня, словно какая-то внешняя сила. Я вдруг почувствовал на себе ужасающую тяжесть материнской любви. Звуком своего имени я был вырван из реальности, воспоминание о матери захлестнуло меня грустью и болью, но, разглядывая ее, я вдруг понял, что никогда ее не любил. Никогда. Осознание этого меня потрясло. На меня вдруг обрушилась лавина мыслей и образов. Тем временем видение матери исчезло – оно больше не имело значения. И меня совершенно не интересовало, чем занимаются эти индейцы, – я попросту забыл о митоте, погрузившись в поток необычных мыслей. Необычных потому, что это были, в общем-то, даже не мысли, а нечто большее – некие завершенные и целостные, эмоционально определенные и бесспорные в своей очевидности откровения относительно истинной природы моих взаимоотношений с матерью.

Неожиданно поток прервался. Мысли утратили текучесть и потеряли свойство целостного переживания. Я начал думать о чем-то другом, бессвязно и неопределенно, что-то о других членах семьи, но уже без видений. Открыв глаза, я посмотрел на дона Хуана. Он стоял. Остальные – тоже. Они направились к воде. Я подвинулся и толкнул паренька, который все еще спал.

Как только мы сели в машину, я рассказал дону Хуану о своих поразительных видениях. Удовлетворенно засмеявшись, он сказал, что эти видения – знак, такой же важный, как и моя

первая встреча с *Мескалито*. Я вспомнил, как дон Хуан объяснял происходящее со мной, когда я впервые принимал пейот. Тогда он посчитал это указанием на необходимость обучения меня своему знанию.

Дон Хуан сказал, что в последнюю ночь митоты *Мескалито* указал на меня, причем настолько явно и с такой силой, что все вынуждены были повернуться в мою сторону. Поэтому они и смотрели на меня, когда я открыл глаза.

Я спросил его о своих нынешних видениях, но он сказал, что все это ерунда по сравнению со знаком.

Дон Хуан продолжал говорить о свете *Мескалито*, снизошедшем на меня, и о том, как это видели остальные.

– Это было что-то! – восхищенно произнес он. – Невозможно желать лучшего указания.

Наши мысли явно текли в разных направлениях. Его занимали явления, которые он считал знаком, меня – интерпретация деталей моих видений.

– Да не волнуют меня твои знаки! – сказал я. – Мне важно знать, что случилось со мной.

Дона Хуана, казалось, огорчили мои слова. Нахмурившись, он некоторое время сидел молча и неподвижно. Потом он сказал, что единственно важной была благосклонность ко мне *Мескалито*, который накрыл меня светом своей силы и преподнес мне урок, хотя я ничего для этого не сделал, а всего лишь находился рядом.

Глава 4

4 сентября 1968 года я вновь отправился в Сонору. По просьбе дона Хуана я остановился в Эрмосильо и купил ему агавовой самогонки – разновидности текилы, которую в Мексике называют «баканора». Просьба показалась мне странной, потому что дон Хуан не пил, тем не менее я купил четыре бутылки и сунул их в ящик к другим вещам, которые вез для него.

– Четыре бутылки! – со смехом сказал дон Хуан, заглянув в ящик. – Я же просил одну. Ты решил, наверное, что это – для меня. Но я имел в виду Лусио. Отдай ему ее сам, ладно? Не говори, что от меня.

Лусио был внуком дона Хуана. Я познакомился с ним года два назад. Тогда ему было двадцать восемь. Он был высокого роста, где-то метр девяносто, и всегда не по средствам хорошо одет, чем выделялся среди окружающих. Большинство индейцев яки носят штаны цвета хаки или джинсы, соломенные шляпы и самодельные сандалии – «гуарачос». Лусио же обычно носил дорогой кожаный пиджак с черепаховыми пуговицами, шляпу «стетсон» и ковбойские сапожки, разукрашенные монограммами и ручной вышивкой.

Лусио был очень доволен подарком. Он сразу же унес бутылки в дом, видимо собираясь их спрятать. Дон Хуан по этому поводу сказал, что не стоит прятать спиртное и пить потом в одиночку. На это Лусио ответил, что вовсе не собирается этого делать, а просто положил бутылки в надежное место – пусть полежат, пока он не пригласит друзей и не выпьет вместе с ними.

Вечером того же дня я снова приехал к дому Лусио. Было темно, и я едва разглядел под деревом два смутных силуэта. Это были Лусио и один из его приятелей. Они поджидали меня и проводили в дом, присвечивая карманным фонариком.

Дом Лусио был неуклюжим саманным строением с двумя комнатами и земляным полом. Плоскую, как у всех домов индейцев яки, соломенную крышу поддерживали две довольно тонкие на вид балки из мескитового дерева. Дом был около семи метров длиной. Вдоль всего фасада тянулась «рамада» – типичное для домов яки сооружение, что-то типа навеса с крышей из неплотно уложенных прутьев и сухих веток. Рамаду никогда не кроют соломой, чтобы крыша не препятствовала свободному доступу воздуха. В то же время кровля из прутьев дает достаточно тени.

На пороге я тихонько включил магнитофон, который лежал в портфеле. Лусио представил меня приятелям. Всего в доме было восемь человек, включая дона Хуана. Они сидели кто на чем вдоль стен передней комнаты, под потолком которой к балке была прицеплена бензиновая лампа, заливавшая все ярким резким светом. Дон Хуан сидел на ящике. Я устроился прямо напротив него на краю скамейки из длинной балки, приколоченной гвоздями к двум вкопанным в пол чурбанам.

Шляпа дона Хуана лежала на полу рядом с ящиком. Свет бензиновой лампы придавал его седым волосам жемчужно-белый оттенок и делал лицо темнее и старше, резко очерчивая и без того глубокие морщины на лбу и шее.

Я посмотрел на остальных. В зеленовато-белом свете лампы все они казались старыми и усталыми.

Лусио по-испански объяснил собравшимся, что пригласил их распить бутылку баканоры, которую я привез ему из Эрмосильо. Он сходил в другую комнату, принес бутылку, откупорил ее и протянул мне вместе с маленькой жестяной кружкой. Я налил полглотка, выпил и передал бутылку и кружку дальше. Баканора оказалась более ароматной и густой, чем обычная текила, но и более крепкой. Я закашлялся. Каждый налил себе и выпил, кроме дона Хуана. Он просто взял бутылку и поставил ее перед Лусио, который оказался крайним.

Все оживленно заговорили по поводу богатого букета именно этой баканоры и сошлись на том, что напиток, несомненно, был изготовлен в высокогорье Чиуауа.

Бутылка обошла круг по второму разу. Все причмокивали губами, расхваливая ее содержимое. Завязалась оживленная дискуссия относительно заметного различия между текилой из Гвадалахары и баканорой с высокогорья Чиуауа.

Дон Хуан опять не пил, я выпил очень мало, буквально несколько капель, остальные наливали по полной кружке. Бутылка обошла третий круг и опустела.

– Принеси остальные, Лусио, – сказал дон Хуан.

Лусио замер в нерешительности, а дон Хуан с простодушным видом похвастался, что я привез для Лусио не одну, а целых четыре бутылки баканоры.

Бениньо, молодой человек примерно одних лет с Лусио, взглянув на портфель, который я как бы невзначай поставил позади себя, спросил, не продавец ли я баканоры. Дон Хуан ответил, что нет, что я приехал в Сонору на самом деле для того, чтобы повидаться с ним.

– Карлос изучает *Мескалито*, и я учу его, – сказал дон Хуан.

Все посмотрели на меня и вежливо улыбнулись. Бахеа, дровосек, – маленький худой человек с резкими чертами лица – пристально взглянул на меня и сказал, что лавочник утверждает, будто я – шпион американской компании, которая собирается открыть в Сонорской пустыне на землях яки какие-то рудники. Все дружно возмутились по поводу такого подозрения в мой адрес. Кроме того, они недолюбливали лавочника, который был мексиканцем – «йори», как говорят индейцы.

Лусио сходил в другую комнату и принес еще одну бутылку. Открыв ее, он налил себе до краев, выпил, а потом передал бутылку дальше. Разговор вертелся вокруг вероятности того, что американцы откроют в Соноре свои рудники. Рассуждали, чем это чревато для индейцев яки. Бутылка вернулась к Лусио. Он приподнял ее и посмотрел на свет, много ли осталось.

– Успокой его, – прошептал мне дон Хуан. – Скажи, что в следующий раз привезешь больше.

Я наклонился к Лусио и шепотом заверил, что в следующий мой приезд он получит никак не меньше полдюжины бутылок.

В конце концов наступил момент, когда все темы были исчерпаны.

Тогда, обращаясь ко мне, дон Хуан громко сказал:

– Почему бы тебе не рассказать о своих встречах с *Мескалито*? По-моему, это будет намного интереснее, чем нудная болтовня про американцев и рудники в Соноре.

– *Мескалито* – это что, пейот? Да, дед? – с любопытством спросил Лусио.

– Некоторые называют его так, – сухо ответил дон Хуан. – Я предпочитаю говорить «*Мескалито*».

– Эта дьявольская штука сводит с ума, – сказал Хенаро, высокий угловатый человек средних лет.

– Я думаю, глупо утверждать, что *Мескалито* сводит с ума, – мягко произнес дон Хуан. – Если бы это было так, вряд ли бы Карлос был сейчас здесь. Скорее всего, он сидел бы где-нибудь в смиренной рубашке, ведь ему доводилось встречаться с *Мескалито*. И вообще, Карлос – молодец.

Бахеа улыбнулся и скромно заметил:

– Кто знает?

Все засмеялись.

– Ну хорошо, тогда возьмем меня, – сказал дон Хуан. – Я знаком с *Мескалито* почти всю жизнь, и ни разу он не причинил мне вреда.

Никто не смеялся, но было видно, что они не принимают это всерьез.

– С другой стороны, – продолжал дон Хуан, – он действительно сводит людей с ума, тут вы правы, но только тех, которые приходят к нему, не ведая, что творят.

Эскере, старик, по виду примерно ровесник дона Хуана, покачал головой и негромко хмыкнул.

– Что ты имеешь в виду под этим «не ведают, что творят», Хуан? – спросил он. – В прошлый раз я слышал от тебя то же самое.

– Люди в самом деле дуреют, когда нажгутся этого пейотного зелья, – снова вмешался Хенаро. – Однажды я видел, как индейцы-хиколо жрали его. Как будто с ними белая горячка приключилась. Они харкали, рыгали и ссали где попало. Если есть эту дрянь, то можно заработать эпилепсию. Это мне как-то говорил сеньор Салас, инженер. А ведь эпилепсия – на всю жизнь, сам знаешь.

– Да, это значит – быть хуже скотины, – грустно добавил Бахеа.

– В случае с теми хиколо ты видел только то, что хотел видеть, Хенаро, – сказал дон Хуан. – Ты же не спросил у них самих, что это такое – встреча с *Мескалито*. Насколько я знаю, он еще никого не сделал эпилептиком. Что касается твоего инженера, так ведь он – «йори». Я не думаю, чтобы ему что-то было известно о *Мескалито*. Или, может, ты и вправду думаешь, что все те тысячи людей, которые с ним знакомы, – психи?

– Ну, если не психи, то где-то около того. Надо быть психом, чтобы заниматься такими вещами.

– Хорошо, но если бы все эти люди были психами, кто бы за них работал? Как бы они умудрялись прожить? – спросил дон Хуан.

– Макарио, ну, тот, который «оттуда» – из Штатов, говорит, что каждый, кто хоть раз принимал эту штуку, отмечен на всю жизнь, – сказал Эскере.

– Макарио врет, – отрезал дон Хуан. – Я уверен: он понятия обо всем этом не имеет.

– Вообще-то Макарио – изрядное трепло, этого у него не отнимешь... – сказал Бениньо.

– Макарио – это кто? – поинтересовался я.

– Один индеец-яки. Живет здесь, – сказал Лусио. – Он говорит, что родом из Аризоны и что во время войны был в Европе. Большой любитель потрепаться.

– Хвастается, что был полковником, – вставил Бениньо.

Все засмеялись. Некоторое время обсуждали невероятные рассказы Макарио. Но дон Хуан вернул разговор к теме *Мескалито*:

– Если всем известно, что Макарио – трепло, то с какой стати вы верите его болтовне о *Мескалито*?

– Это пейот, что ли, да, дед? – спросил Лусио с таким видом, будто бы с отчаянными усилиями продирался сквозь терминологические дебри.

– Вот черт! Да, – грубо и резко ответил дон Хуан.

Лусио непроизвольно выпрямился, и на мгновение я ощутил, что все они не на шутку испугались. Но дон Хуан широко улыбнулся и продолжал мягко и спокойно:

– Неужели непонятно, что Макарио сам не знает, что плетет? Ведь это же очевидно – чтобы говорить о *Мескалито*, нужно знать.

– Снова ты за свое, – сказал Эскере. – Ты, между прочим, еще похлеще Макарио. У него хоть что на уме – то и на языке, неважно, знает он это или нет. А от тебя годами я только и слышу – нужно знать, нужно знать... Что знать, скажи на милость?

– Дон Хуан говорит, что в пейоте есть дух, – сказал Бениньо.

– Я видел пейот – он растет в поле, – но ни духов, ни чего-нибудь похожего не встречал никогда, – сказал Бахеа.

– Пожалуй, *Мескалито* и правда похож на духа, – объяснил дон Хуан. – Тем не менее ясности в этом вопросе не бывает, пока не узнаешь его сам. Эскере жалуется, что я годами твержу одно и то же. Он прав. Но разве моя вина в том, что вы не хотите понять? Бахеа говорит, что тот, кто принимает зелье, становится похожим на скотину. Мне так не кажется. Но зато я думаю, что те, кто считает себя выше животных, на самом деле – хуже них. Вот мой внук. Он

же вкалывает без отдыха. Я бы даже сказал, что он живет лишь затем, чтобы пахать, как мул. Из того, на что не способны животные, он занимается только одним – пьянствует.

Все рассмеялись. Звонче всех хохотал Виктор – совсем еще молодой парень, почти юноша.

Элихио, молодой фермер, до сих пор не проронил ни слова. Он сидел на полу справа от меня, прислонившись спиной к мешкам с удобрениями, сложенными в доме, чтобы их не намочил дождь. Элихио дружил с Лусио с детства. Ростом он был чуть пониже своего друга, но отличался атлетическим телосложением и выглядел очень сильным. Казалось, он заинтересовался тем, о чем говорил дон Хуан. Бахеа пытался что-то сказать, но Элихио опередил его.

– Каким образом пейот может все это изменить? – спросил он. – Мне кажется, человек рождается для того, чтобы всю жизнь работать. Мул – тоже.

– *Мескалито* изменяет все, – сказал дон Хуан, – хотя бы мы и продолжали работать, как все, как мулы. Я сказал, что в *Мескалито* есть дух, потому что изменения в человеке производит нечто, действительно похожее на дух. Дух, который можно увидеть, до которого можно дотронуться, дух изменяющий нас, иногда не считаясь при этом с нашими желаниями.

– Конечно, для начала пейот делает тебя психом, – сказал Хенаро. – А после этого ты, разумеется, начинаешь воображать, что изменился. Верно?

– Каким образом он может нас изменить? – настаивал Элихио.

– Он учит нас правильному образу жизни, – ответил дон Хуан. – Он помогает тому, кто с ним знаком, и защищает его. Ваша жизнь – это не жизнь вовсе. Ни один из вас понятия не имеет о радости сознательного действия. У вас нет *защитника*.

– Что ты хочешь этим сказать? – обиженно воскликнул Хенаро. – Есть у нас защитники. Господь наш Иисус Христос, святая Дева Мария, маленькая Дева Гваделупская... Разве это не защитники?

– Ого, целый букет, – усмехнулся дон Хуан. – Ну и как, научили они тебя жить лучше?

– Это потому что люди их не слушаются, – возразил Хенаро. – Люди обращают внимание только на дьявола.

– Если бы они действительно были защитниками, то заставили бы себя слушаться, – сказал дон Хуан. – Когда *Мескалито* становится твоим *защитником*, его слушаешься как миленький и деться никуда не можешь. Ты видишь его, и не в твоих силах не следовать его указаниям. Он заставляет относиться к нему с уважением. Не так, как вы привыкли обращаться со своими защитниками.

– Ты о чем это, Хуан? – спросил Эскере.

– О чем? Да о том, как вы с ними обращаетесь. Один пикирует на скрипке, танцор напяливает маску и разные побрякушки, а остальные напиваются до бесчувствия. Бениньо, ну-ка расскажи? Ты же был танцором.

– Я бросил через три года, – сказал Бениньо. – Это слишком тяжелая работа.

– Спроси вон у Лусио, – ехидно вставил Эскере. – Он бросил через неделю.

Все, кроме дон Хуана, засмеялись. Лусио натянуто улыбнулся и отхлебнул два больших глотка баканоры. Замечание явно пришлось ему не по вкусу.

– Это не тяжелая работа, а идиотизм, – сказал дон Хуан. – Ты бы спросил у Валенсио, танцора, нравится ли ему танцевать? Нет. Я не раз видел, как он это делает, и всегда он повторяет одни и те же скверно исполненные движения. Он не гордится своим искусством. Разве что когда надо потрепаться... Он не любит свое дело, поэтому из года в год нудно повторяет одно и то же. Все, что было в его танце бездарного, с годами только закрепилось. А теперь он считает, что так и должно быть.

– Просто его так научили, – сказал Элихио. – Я тоже когда-то был танцором в Ториме. Танцевать приходится так, как тебя учат.

– В конце концов, Валенсио – далеко не лучший, – сказал Эскере. – Есть и другие. Вот Сакатека...

– Сакатека – человек знания, он вам не чета – совсем другой класс, – резко сказал дон Хуан. – Он танцует потому, что такова склонность его натуры. Я имел в виду не это. Вы танцоры – и не можете наслаждаться танцем. Если кто-то будет танцевать красиво, вы, возможно, получите удовольствие. Правда, для этого нужно довольно много знать о танце. Я сомневаюсь, чтобы кто-то из вас знал достаточно. Поэтому все вы – просто пьяницы. Взгляните хотя бы на моего внука!

– Перестань, дед, – запротестовал Лусио.

– Не ленив и не глуп, – продолжал дон Хуан, – но чем он занимается, кроме пьянства?

– Покупает кожаные пиджаки, – сказал Хенаро, и все расхохотались.

Лусио глотнул еще баканоры.

– Ну и как пейот может все это изменить? – настаивал Элихио.

– Если бы Лусио начал искать *защитника*, – сказал дон Хуан, – вся бы его жизнь изменилась. Я не знаю, как именно, но в том, что она стала бы другой, не сомневаюсь ни минуты.

– Он что, бросил бы пить, да? – не отставал Элихио.

– Да, наверное. Чтобы жизнь удовлетворяла его, ему понадобилось бы что-то кроме текилы. Это что-то, чем бы оно ни было, даст ему *защитник*.

– Но тогда пейот должен быть очень вкусным, – сказал Элихио.

– Я этого не говорил, – возразил дон Хуан.

– Черт возьми, тогда я не понимаю. Как можно получать от него удовольствие, если он противный? – недоумевал Элихио.

– Он позволяет более полно наслаждаться жизнью, – объяснил дон Хуан.

– Какое может быть наслаждение, если вкус у него дерьмовый? – не унимался Элихио. – Бред какой-то.

– Ничего подобного, все правильно, – убежденно вставил Хенаро. – Ты становишься психом и автоматически наслаждаешься жизнью. Неважно, чем ты при этом занимаешься.

Все опять засмеялись.

– Все правильно, – невозмутимо продолжал дон Хуан. – Вы прикиньте, как мало мы знаем и как много могли бы увидеть. Пьянство – вот что делает людей психами. Оно затуманивает мозги, путая все на свете. *Мескалито*, наоборот, все обостряет. Человек начинает видеть ясно и четко. Очень ясно и очень четко.

Лусио и Бениньо насмешливо переглянулись. Все это они слышали уже не раз. Хенаро и Эскере вдруг заговорили одновременно. Виктор ржал, заглушая всех остальных. Единственным заинтересованным казался Элихио.

– Как пейот все это делает? – спросил он.

– Прежде всего, человек должен хотеть познакомиться с *Мескалито*. Я даже склоняюсь к мысли, что это – едва ли не самое главное. Затем нужно, чтобы этого человека представили *Мескалито*. Ну а потом должно быть еще много встреч, прежде чем он сможет с уверенностью утверждать, что знает *Мескалито*.

– А потом? – спросил Элихио.

– Потом он лезет на крышу, а задница остается на земле, – вставил Хенаро.

Все взревели от хохота.

– То, что происходит потом, полностью зависит от человека, – не теряя самообладания, продолжал дон Хуан. – С *Мескалито* следует обращаться без страха, тогда постепенно он научит, как изменить жизнь в лучшую сторону.

Пауза была довольно долгой. Все порядком устали, бутылка опустела. Лусио, явно превозмогая себя, принес и откупорил еще одну.

– Что, пейот и Карлоса тоже защищает? – спросил Элихио как бы в шутку.

– Откуда мне знать? – сказал дон Хуан. – Спроси его самого, он принимал его трижды. Все с интересом повернулись ко мне, а Элихио спросил:

– Что, правда?

– Да.

Создалось впечатление, что дон Хуан добился своего. То ли они в самом деле заинтересовались, то ли были слишком вежливы, чтобы рассмеяться мне в лицо.

– Ну и как, во рту пекло? – спросил Лусио.

– Очень! И вкус у него отвратительный.

– Зачем же тогда ты его ел? – изумился Бениньо.

Путано и сложно я начал объяснять, что для западного человека познания дона Хуана в пейоте – чуть ли не самая изумительная вещь на свете. Еще я говорил, что все, сказанное доном Хуаном, – истинная правда и каждый может легко проверить это на себе.

Я заметил, что они слегка усмеваются, как бы пытаюсь скрыть легкое презрение, и разозлился, осознавая всю неуклюжесть своих потуг и неспособность убедительно изложить то, что было у меня на уме. Я сделал еще попытку, но вдохновения больше не было, и получилось только пережевывание того, что уже сказал дон Хуан.

Он пришел мне на помощь, ободряюще спросив:

– Правда ведь, что ты не искал *защитника*, когда впервые пришел к *Мескалито*?

Я сказал, что не знал тогда об этом качестве *Мескалито* и что мною двигало только любопытство и страстное желание с ним познакомиться.

Дон Хуан сказал, что *Мескалито* очень хорошо со мной обошелся, потому что мое намерение было безупречным.

– Но все равно ты блевал и ссал где попало, да? – гнул свою линию Хенаро.

Я сказал, что пейот обладает и таким действием и что я тоже испытал его на себе. Все сдержанно засмеялись. Я почувствовал, что их презрение ко мне не только не уменьшилось, но даже несколько возросло. Все, кроме Элихио, потеряли к этой теме всякий интерес; он же внимательно меня разглядывал.

– Что ты видел? – спросил он.

Дон Хуан потребовал, чтобы я вспомнил все или хотя бы почти все подробности моих опытов с пейотом. Я полностью описал формы и последовательность переживаний. Когда я закончил, Лусио заявил:

– Ну если в пейоте сидит такой дьявол, то я рад, что не имел с ним дела.

– Ага, я же говорил, – засмеялся Хенаро, обращаясь к Бахеа, – эта штука точно делает людей психами.

– Но сейчас-то Карлос в своем уме. Как насчет этого? – возразил дон Хуан.

– А откуда нам знать? – парировал Хенаро.

Все, включая дона Хуана, засмеялись.

– Страшно было? – спросил у меня Бениньо.

– Конечно.

– Зачем же ты тогда ввязался в это дело? – поинтересовался Элихио.

– Так ведь он сказал – хотел знать, – ответил за меня Лусио. – Похоже, Карлос намерен сделаться таким, как мой дед. И тот, и другой твердят, что хотят знать, но какого черта они хотят знать – не имеет понятия никто.

– Объяснить это знание невозможно, – сказал дон Хуан, обращаясь к Элихио. – Оно индивидуально. Общее – только в том, что *Мескалито* раскрывает свои тайны каждому лично, один на один. Тому, кто настроен подобно Хенаро, я бы не советовал с ним знакомиться. Однако вполне возможно, что, несмотря на его настрой, *Мескалито* мог бы ему здорово помочь. Но узнать об этом не дано никому, кроме самого Хенаро. Это и есть то знание, о котором я говорил.

Дон Хуан поднялся.

– Пора по домам, – сказал он. – Лусио напился, а Виктор уже спит.

Через два дня, 6 сентября, Лусио, Бениньо и Элихио зашли в дом, где я остановился. Мы собирались сходить в чапараль поохотиться. Какое-то время они сидели молча, а я дописывал что-то в своем блокноте. Потом Бениньо вежливо засмеялся, как бы предупреждая, что сейчас сообщит нечто очень важное.

После предварительного интригующего молчания он снова хихикнул и сказал:

– Вот тут Лусио говорит, что не прочь попробовать пейот...

– Что, серьезно?

– Да, – отозвался Лусио, – я не возражаю.

Бениньо сдавленно хихикнул.

– Лусио говорит, что будет жрать пейот, если ты купишь ему мотоцикл.

Лусио и Бениньо переглянулись и оглушительно захохотали.

– Сколько в Штатах стоит мотоцикл? – спросил Лусио.

– Думаю, долларов за сто можно найти, – ответил я.

– Там ведь это не очень много, да? Ты вполне мог бы ему привезти, правда? – спросил Бениньо.

– Ладно, только сначала спросим у твоего деда, – сказал я, обращаясь к Лусио.

– Э, нет, – протянул он. – Деду – ни слова, он все испортит. Он – дьявол. Да к тому же стар и малость не в себе, поэтому не сообщает, что делает.

– Когда-то он был настоящим магом, – добавил Бениньо. – Это правда... Мои старики говорят, что он был самым сильным из всех магов. Но потом пристрастился к пейоту и превратился в тряпку. Теперь он уже слишком стар.

– Только и знает, что несет всякие дурацкие байки о пейоте, – присоединился Лусио.

– Только это все – брехня, – сказал Бениньо. – Мы как-то раз попробовали. Лусио спер у него целый мешочек. Вечером по дороге в город мы эту гадость зажевали. Дерьмо редкостное. Чуть не разодрал мне всю пасть на куски. Сукин сын! Как будто черта жуешь... Прямо с рогами.

– А вы его глотали? – спросил я.

– Выплюнули, – сказал Лусио, – и весь чертов мешок выкинули.

Им обоим этот случай казался очень смешным. Элихио тем временем молчал. Он сидел с отсутствующим видом и даже не смеялся.

– А ты не хочешь попробовать, Элихио? – спросил я.

– Нет. Только не я. Даже за мотоцикл.

Лусио и Бениньо снова дико захохотали – их развеселил ответ Элихио.

– Но, по правде говоря, – продолжал он, – дон Хуан меня порядком озадачил.

– Дед уже слишком стар, чтобы что-то знать, – убежденно заявил Лусио.

– Да, слишком стар, – словно эхо отозвался Бениньо.

Я подумал, что их мнение о доне Хуане было инфантильным и необоснованным, и счел своим долгом вступиться. Я сказал, что дон Хуан, как и прежде, остается великим магом, может быть величайшим из всех. В нем есть что-то необыкновенное, и я это чувствую. Я предложил им вспомнить, что ему уже далеко за семьдесят, но он энергичнее и сильнее всех нас вместе взятых, и сказал, что они сами могут в этом убедиться, проследив за ним.

– За дедом невозможно следить, – гордо объявил Лусио. – Ведь он *брухо*.

Я напомнил, как только что они заявили, что он слишком стар и выжил из ума. Я сказал, что если человек не в себе, то ему не под силу контролировать ситуацию. А собранность и четкость действий дона Хуана меня каждый раз поражают.

– Никто не способен шпионить за *брухо*, даже если тот стар, – авторитетно заявил Бениньо. – Хотя, когда он спит, на него все же можно напасть. Так поступили с Сэвикасом. Все устали от его черной магии и потому убили.

Я попросил рассказать об этом подробнее, но они сказали, что это случилось давно, когда их еще не было на свете или когда они были совсем маленькими. Элихио добавил, что многие до сих пор считают, что Сэвикас был просто дураком, потому что настоящему магу никто ничего сделать не в силах. Я попытался вытянуть из них еще что-нибудь о магах и магии, но эта тема была им не интересна. Вдобавок, им не терпелось отправиться пострелять из моего ружья двадцать второго калибра.

Мы молча продирались сквозь густой чапараль. Спустя некоторое время Элихио, шедший первым, обернулся и сказал мне:

– Может, и правда, это мы – психи? И дон Хуан прав? Посмотри, как мы живем...

Лусио и Бениньо это не понравилось. Я стал на сторону Элихио, заявив, что тоже чувствую ущербность своего образа жизни. Бениньо заметил, что мне жаловаться – грех: у меня есть деньги и машина. Я возразил, что у каждого из них есть хотя бы клочок земли, а у меня – нет. Они в один голос заявили, что земля принадлежит не им, а федеральному банку. Я сказал, что и машина – не моя, я только арендую ее у Калифорнийского банка, так что живу ничуть не лучше их, просто иначе. К тому времени мы уже забрались в самую чащобу.

Ни олени, ни дикие свиньи нам в этот раз так и не попались. Зато мы подстрелили трех кроликов. На обратном пути зашли к Лусио, и он объявил, что его жена собирается сделать из них жаркое. Бениньо отправился в лавку за бутылкой текилы и лимонадом. Вернулся он вместе с доном Хуаном.

– Где это ты встретил деда? Он что, зашел в лавку за пивом? – со смехом спросил Лусио.

– Поскольку я не приглашен на вашу сходку, – сказал дон Хуан, – я только на минутку – узнать, собирается ли Карлос в Эрмосильо.

Я сказал, что планирую выехать завтра. Пока мы говорили, Бениньо раздал бутылки с лимонадом. Элихио отдал свою бутылку дону Хуану. У индейцев яки считается верхом невежества отказываться от того, что тебе дают. Даже из самых благородных побуждений. Поэтому дон Хуан спокойно взял бутылку. Я отдал свою Элихио, и он тоже не мог отказаться. Бениньо, в свою очередь, отдал мне свою. Но Лусио, который заранее прикинул всю схему хороших манер индейцев яки, свой лимонад к этому моменту уже прикончил. Он повернулся к Бениньо, на лице которого застыло выражение сознания выполненного долга, и со смехом сказал:

– Тебя надули на бутылку!

Дон Хуан заявил, что вообще-то никогда не пьет лимонад, и сунул свою бутылку в руки Бениньо. Все уселись в тени рамады и замолчали.

Чувствовалось, что Элихио нервничает. Он теребил поля своей шляпы, а потом обратился к дону Хуану:

– Я думал о том, что ты рассказывал тогда вечером. Но как же все-таки может пейот изменить нашу жизнь? За счет чего?

Дон Хуан не ответил. Какое-то мгновение он пристально смотрел на Элихио, а потом запел на языке яки. Это была даже не песня, а короткий речитатив. Все долго молчали. Я попросил дону Хуана перевести мне слова песни.

– Это – только для яки, – ответил он тоном, исключавшим всякую возможность дальнейших расспросов.

Мне стало досадно – он пел о чем-то очень важном, я чувствовал это, но поделать ничего не мог.

– Элихио – индеец. Как у всякого индейца, у него нет ничего. Ни у кого из нас нет ничего. Все, что ты видишь вокруг, принадлежит «йори». У яки есть только их гнев и то, что бесплатно дает им земля.

Какое-то время все молчали, а потом дон Хуан встал и, попрощавшись, ушел. Мы смотрели ему вслед, пока он не свернул за угол. Всем было явно не по себе. Лусио растерянно объ-

яснил, что дед ушел, потому что терпеть не может жаркое из кроликов. Элихио был погружен в какие-то свои мысли. Бениньо повернулся ко мне и громко сказал:

– Я думаю, Бог еще покарает и тебя, и дона Хуана за все ваши фокусы.

Лусио засмеялся. Бениньо – тоже.

– Ты паясничаешь, Бениньо, – угрюмо произнес Элихио, – несешь бред, который ни черта не стоит.

15 сентября 1968

Была суббота, девять вечера. Дон Хуан сидел напротив Элихио посреди рамады дома Лусио. Между ними лежал мешок с пейотом. Дон Хуан раскачивался и пел. Лусио, Бениньо и я сидели метрах в трех позади Элихио, спинами прислонившись к стене.

Сначала было совсем темно, так как до этого мы ждали дона Хуана в доме, освещенном керосиновой лампой. Потом он появился, велел нам выйти на рамаду и показал каждому, где разместиться. Спустя некоторое время глаза привыкли к темноте, и я смог как следует всех рассмотреть. Элихио был охвачен диким ужасом. Тело его тряслось, он стучал зубами и никак не мог взять себя в руки. Голова подергивалась, спина то и дело спазматически выпрямлялась.

Дон Хуан заговорил с ним. Он сказал, что бояться нечего, нужно довериться *защитнику* и ни о чем другом не думать. Спокойным, даже слегка небрежным движением он вытащил из мешка один батончик, протянул его Элихио и велел медленно жевать. Элихио по-щенячьи заскулил и выпрямился. Его дыхание участилось, грудная клетка заходила ходуном, как кузнечный мех. Он снял шляпу, вытер лоб и закрыл лицо ладонями. Мне показалось, что он плачет. Наступила длинная напряженная пауза, а потом он в какой-то степени овладел собой. Выпрямившись и продолжая держать одну руку возле лица, он протянул вторую за батончиком, взял его, положил в рот и начал медленно жевать.

Я почувствовал огромное облегчение. До этого момента я как-то не отдавал себе отчета, что боюсь, пожалуй, не меньше Элихио. Во рту появилась характерная сухость, вроде той, которую дает пейот. Я почувствовал напряжение. Дыхание участилось. По мере того как ритм его возрастал, я начал непроизвольно постанывать.

Дон Хуан стал напевать громче. Потом он дал Элихио еще один батончик, а когда тот его прожевал, протянул ему какой-то сушеный плод и велел жевать так же медленно, как пейот.

Несколько раз Элихио вставал и ходил в кусты. Один раз – попросил воды. Дон Хуан сказал, чтобы он не пил, а только прополоскал рот.

Элихио сжевал еще два батончика, а потом дон Хуан дал ему сушеного мяса.

К тому времени я уже почти заболел от нетерпения.

Вдруг Элихио опрокинулся вперед, ударившись о землю лбом. Он перекатился на левый бок и судорожно дернулся. Я посмотрел на часы. Двадцать минут двенадцатого. Больше часа Элихио катался по земле, дергался и стонал.

Дон Хуан неподвижно сидел напротив. Его пейотные песни перешли в неясное бормотание. Бениньо, сидевший справа от меня, без особого внимания следил за происходящим. Лусио склонился набок и храпел.

Элихио лежал на правом боку, свернувшись калачиком и зажав руки между ног. Неожиданно мощным рывком он перевернулся на спину и застыл со слегка согнутыми ногами. Левая рука начала очень свободно и грациозно двигаться вверх-вниз. Затем такие же движения стала совершать правая, и наконец обе руки вошли в единый ритм, поочередно мягко, медленно и плавно взлетая и опускаясь так, словно Элихио играл на невидимой арфе. Постепенно движения ускорились. Предплечья заметно вибрировали, поднимаясь и опускаясь наподобие поршней. При этом кисти совершали плавные круговые движения в лучезапястных суставах, а пальцы сгибались и разгибались. Это было прекрасное, гармоничное и даже какое-то гипно-

тизирующее зрелище. Никогда до этого мне не приходилось сталкиваться со столь идеальным ритмом и несравненным мышечным контролем.

Затем Элихио медленно поднялся, как бы цепляясь за некую обволакивающую его трясущееся тело силу. Он покачнулся, а потом рывком встал и выпрямился. Руки, туловище и ноги вздрагивали, как будто через них проходили импульсы электрического тока. Казалось, что им движет какая-то сила, неподвластная воле Элихио.

Бормотание дона Хуана стало очень громким. Лусио и Бениньо проснулись и какое-то время равнодушно за всем этим наблюдали. Потом они снова заснули.

Элихио, казалось, поднимается все выше и выше. Он явно куда-то взбирался. Он перебирал руками, как бы цепляясь за что-то, для меня невидимое, останавливался, чтобы перевести дух, и вновь пускался в путь.

Я хотел рассмотреть его глаза и попытался придвинуться поближе, но свирепый взгляд дона Хуана вернул меня на место.

Вдруг Элихио прыгнул. Это был решающий, грандиозный прыжок. Элихио достиг цели. Он всхлипывал, пытаясь отдышаться. Казалось, что он повис, вцепившись в какой-то выступ. Но что-то отталкивало его, и оно было сильнее. Элихио боролся изо всех сил и отчаянно цеплялся, но в конце концов хватка его ослабла, и он начал падать. Тело вытянулось назад, от головы до кончиков пальцев ног по нему пробежала волна, движение было конвульсивным, но очень координированным и красивым. Оно повторилось раз сто, прежде чем Элихио мешком рухнул навзничь.

Спустя некоторое время он вытянул руки перед собой, как бы от чего-то заслоняясь. Он лежал на животе, выпрямив ноги и приподняв их сантиметров на пятнадцать над полом. Поза была такой, словно он скользил или летел вперед с немыслимой скоростью. Голова до предела откинулась назад, сцепленными в замок руками он прикрывал глаза. Я почувствовал, как вокруг него свистит ветер, ахнул и невольно вскрикнул. Лусио и Бениньо проснулись и с любопытством посмотрели на Элихио.

– Если ты пообещаешь, что привезешь мотоцикл, я буду жевать эту штуку прямо сейчас, – громко заявил Лусио.

Я посмотрел на дона Хуана. Тот отрицательно покачал головой.

– Сукин сын! – буркнул Лусио и опять уснул.

Элихио встал и, сделав пару шагов по направлению ко мне, остановился. Он счастливо улыбался. Потом он начал насвистывать какую-то мелодию. Простую, всего лишь с парой повторяющихся переходов. Чистого звука не получалось, но гармония была. Спустя некоторое время свист стал отчетливей, а потом ясно вырисовалась и сама мелодия. Похоже было, что Элихио невнятно бормотал слова песни. Он повторял их несколько часов. Песня была очень простая, монотонная, с бесконечными повторениями, но в то же время странно красивая.

Пока Элихио пел, он словно на что-то внимательно смотрел. Когда он оказался рядом со мной, я разглядел в полумраке его глаза – застывшие, как бы остекленевшие. Он улыбался, смеивался, садился, снова вставал и начинал бродить вокруг со стонами и тяжкими вздохами.

Вдруг что-то толкнуло его в спину. Сила горизонтального толчка была такой огромной, что он колесом изогнулся назад. В какой-то момент его тело образовало почти замкнутое кольцо – он стоял на носках и касался руками земли. Потом мягко упал на спину и вытянулся во весь рост в странном оцепенении.

С минуту он стонал, что-то бормоча, а потом захрапел. Дон Хуан укрыл его пустыми мешками. Было уже утро – без двадцати шесть.

Лусио и Бениньо спали, сидя у стены и склонившись головами друг к другу. Мы с доном Хуаном долго молчали. Он выглядел очень уставшим. Я нарушил молчание и спросил об Эли-

хио. Он ответил, что свидание Элихио с *Мескалито* было исключительно удачным; *Мескалито* при первой же встрече научил его песне, а это – редчайший случай.

Я спросил, почему он не разрешил Лусио попробовать за мотоцикл. Он сказал, что *Мескалито* мог убить Лусио, если бы тот осмелился приблизиться к нему с таким мотивом. Дон Хуан признался, что очень тщательно все подготовил, рассчитывая убедить своего внука. Решающее значение он придавал моей дружбе с Лусио. Дон Хуан сказал, что очень любит Лусио и беспокоится о его судьбе. Когда-то они жили вместе, и у него с внуком были очень теплые отношения. Но в семь лет Лусио смертельно заболел, и сын дона Хуана, ревностный католик, пообещал святой Деве Гваделупской отдать мальчика в школу обрядовых танцев, если тот поправится. Лусио не умер, и его заставили выполнить обет отца. Проучившись всего неделю, мальчик решил нарушить клятву. Он думал, что в результате должен умереть, всячески изводил себя и целыми днями ждал смерти. Все смеялись над ним, и случай этот не забылся.

Дон Хуан долго молчал, погружившись в свои мысли.

– Я рассчитывал на Лусио, – сказал он, – а вместо него нашел Элихио. Я знал, что это бесполезно, но если кого-то любишь, ты должен действовать настойчиво, с верой в то, что человека можно изменить. В детстве Лусио обладал мужеством, но с годами растерял его.

– А если его заколдовать?

– Заколдовать? Зачем?

– Чтобы вернуть ему мужество.

– Нет. Человека нельзя сделать мужественным. Можно сделать безвредным, больным, немым. Но никакая магия и никакие ухищрения не в силах превратить человека в воина. Чтобы стать воином, нужно быть кристально чистым. Как Элихио. Вот человек мужества.

Элихио мирно похрапывал под мешками. Уже совсем рассвело. В пронзительной голубизне неба не было ни облачка.

– Многое бы я отдал, чтобы узнать, где был Элихио, – сказал я. – Ты не возражаешь, если я расспрошу его о ночном путешествии?

– Ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах ты не должен этого делать.

– Но почему? Я же рассказываю тебе обо всех своих переживаниях.

– Это – совсем другое. Ты не склонен держать все при себе. Элихио – индеец. Это путешествие – единственное, что у него есть. Жаль, конечно, что не Лусио...

– И что, ничего нельзя сделать, дон Хуан?

– Ничего. Невозможно вставить в медузу кости. Я поступал глупо.

Появилось солнце, розово-оранжевым светом резанув по утомленным глазам.

– Тысячу раз ты говорил мне, дон Хуан, что маг не может делать глупостей. Вот уж не думал, что ты на это способен.

Дон Хуан пронзительно взглянул на меня, встал и посмотрел на Элихио, потом перевел взгляд на Лусио и с улыбкой сказал:

– Можно проявлять настойчивость только для того, чтобы проявить ее должным образом. И действовать с полной отдачей, заведомо зная, что твои действия бесполезны. Это – контролируемая глупость.

Глава 5

3 октября 1968 года я приехал к дону Хуану с одной-единственной целью – как можно подробнее расспросить его о посвящении Элихио. Чтобы ничего не упустить, я заранее составил список вопросов, постаравшись сформулировать их как можно тщательнее.

Начал я так:

– Дон Хуан, в ту ночь я *видел*?

– Почти.

– А ты *видел*, что я *вижу* движения Элихио?

– Да. Я *видел*, что *Мескалито* позволил тебе *увидеть* часть урока, предназначенного Элихио. Иначе ты просто смотрел бы на человека, который сидит или лежит без движения. Ведь на последней митоте ты не заметил, что кто-то из участников делал что-то особенное, правда?

Это было действительно так. Я сказал дону Хуану, что с уверенностью могу констатировать только одно – некоторые отлучались в кусты чаще остальных.

– Ты почти *видел* весь урок Элихио, – продолжал он. – Подумай об этом. Понимаешь, насколько благосклонен к тебе *Мескалито*? Я не знаю ни единого человека, с кем бы он так возился. Ни единого. А ты не обращаешь на его великодушие никакого внимания, более того – просто грубо отворачиваешься. Как так можно? За что ты его игнорируешь, демонстрируя ему свой зад?

Я почувствовал, что дон Хуан опять загоняет меня в угол. Мне все время казалось, что я бросил учиться, чтобы спастись. Не зная, что ответить, и пытаюсь изменить направление разговора, я пропустил все промежуточные вопросы и задал главный:

– Ты не мог бы подробнее остановиться на своей контролируемой глупости?

– Что именно тебя интересует?

– Расскажи, пожалуйста, что это вообще такое – контролируемая глупость.

Дон Хуан громко рассмеялся и звучно хлопнул себя по ляжке сложенной лодочкой ладонью.

– Вот это и есть контролируемая глупость, – со смехом воскликнул он и хлопнул еще раз.

– Не понял...

– Я рад, что через несколько лет ты наконец созрел и удосужился задать этот вопрос. В то же время, если б ты никогда этого не сделал, мне было бы все равно. Тем не менее я выбрал радость, как будто меня в самом деле волнует, спросишь ты или нет. Словно для меня это важнее всего на свете. Понимаешь? *Это* и есть контролируемая глупость.

Мы оба расхохотались. Я обнимал его за плечи. Объяснение показалось мне замечательным, хотя я так ничего и не понял.

Как обычно, мы сидели на площадке возле дома. Солнце поднялось уже довольно высоко. На подстилке перед доном Хуаном лежала кучка каких-то семян, из которых он выбирал мусор. Я хотел помочь, но он не позволил, сказав, что эти семена – подарок для его друга, живущего в Центральной Мексике, и что я не обладаю силой, чтобы к ним прикасаться.

– По отношению к кому ты практикуешь контролируемую глупость, дон Хуан? – спросил я после продолжительной паузы.

Он усмехнулся.

– По отношению ко всем.

– Хорошо, тогда давай иначе. Как ты выбираешь, когда следует практиковать контролируемую глупость, а когда нет?

– Я практикую ее все время.

Тогда я спросил, значит ли это, что он никогда не действует искренне и что все его поступки – лишь актерская игра.

– Мои поступки всегда искренни, – ответил дон Хуан. – И все же они – не более чем актерская игра.

– Но тогда все, что ты делаешь, должно быть контролируемой глупостью, – изумился я.

– Так и есть, – подтвердил он.

– Но этого не может быть! – возразил я. – Не могут все твои действия быть контролируемой глупостью.

– А почему бы и нет? – с загадочным видом спросил он.

– Это означало бы, что в действительности тебе ни до чего и ни до кого нет дела. Вот я, например. Уж не хочешь ли ты сказать, что тебе безразлично, стану я *человеком знания* или нет, жив я или умер и что вообще со мной происходит?

– Совершенно верно. Меня это абсолютно не интересует. И ты, и Лусио, и любой другой в моей жизни – не более чем объекты для практики контролируемой глупости.

На меня нахлынуло какое-то особое ощущение пустоты. Было ясно, что у дон Хуана действительно нет никаких причин заботиться обо мне. С другой стороны, я почти не сомневался, что его интересую я *лично*. Иначе он не уделял бы мне столько внимания. А может быть, он сказал так потому, что я действую ему на нервы? В конце концов, у него были на то основания: я же отказался у него учиться.

– Я подозреваю, что мы говорим о разных вещах, – сказал я. – Не следовало брать меня в качестве примера. Я хотел сказать – должно быть в мире хоть что-то, к чему ты небезразличен, что не было бы объектом для контролируемой глупости. Не представляю, как можно жить, когда ничто не имеет значения.

– Это было бы верно, если бы речь шла о *тебе*, – сказал он. – Происходящее в мире людей имеет значение для *тебя*. Но ты спрашивал обо *мне*, о *моей* контролируемой глупости. Я и ответил, что все мои действия по отношению к самому себе и к остальным людям – не более чем контролируемая глупость, поскольку нет ничего, что имело бы для меня значение.

– Хорошо, но если для тебя больше ничто не имеет значения, то как же ты живешь, дон Хуан? Ведь это не жизнь.

Он засмеялся и какое-то время молчал, как бы прикидывая, стоит ли отвечать. Потом встал и направился за дом. Я поспешил за ним.

– Постой, но ведь я действительно хочу понять! Объясни мне, что ты имеешь в виду.

– Пожалуй, объяснения тут бесполезны. Это невозможно объяснить, – сказал он. – В твоей жизни есть важные вещи, которые имеют для тебя большое значение. Это относится и к большинству твоих действий. У меня – все иначе. Для меня больше нет ничего важного – ни вещей, ни событий, ни людей, ни явлений, ни действий – ничего. Но все-таки я продолжаю жить, потому что обладаю *волей*. Эта воля закалена всей моей жизнью и в результате стала целостной и совершенной. И теперь для меня не важно, имеет что-то значение или нет. Глупость моей жизни контролируется волей.

Он опустился на корточки и потрогал растения, которые сушились под солнцем на куске мешковины.

Я был совершенно сбит с толку. После длительной паузы я сказал, что некоторые поступки наших ближних все же имеют решающее значение. Например, ядерная война. Трудно представить более яркий пример. Стереть с лица земли жизнь – что может быть страшнее?

– Для тебя это так. Потому что ты думаешь, – сверкнув глазами, сказал дон Хуан. – Ты думаешь о жизни. Но не *видишь*.

– А если б *видел* – относился бы иначе? – осведомился я.

– Научившись *видеть*, человек обнаруживает, что одинок в мире. Больше нет никого и ничего, кроме той глупости, о которой мы говорим, – загадочно произнес дон Хуан.

Он помолчал, глядя на меня и как бы оценивая эффект своих слов.

– Твои действия, равно как и действия твоих ближних, имеют значение лишь постольку, поскольку ты *научился* думать, что они важны.

Слово «научился» он выделил какой-то странной интонацией. Я не мог не спросить, что он имеет в виду.

Дон Хуан перестал перебирать растения и посмотрел на меня.

– Сначала мы учимся обо всем думать, – сказал он. – А потом приучаем глаза смотреть на то, о чем думаем. Человек смотрит на себя и думает, что он очень важен. И начинает чувствовать себя важным. Но потом, научившись *видеть*, он осознает, что не может больше думать о том, на что смотрит. А когда он перестает думать о том, на что смотрит, все становится не важным.

Дон Хуан заметил выражение полнейшего недоумения на моем лице и повторил последнее утверждение трижды, как бы пытаясь заставить меня понять. Несмотря на это, сказанное им поначалу произвело на меня впечатление абсолютной бессмыслицы. Но после обдумывания я решил, что это была очень сложная формула, имеющая отношение к каким-то аспектам восприятия.

Я попытался сочинить вопрос, который внес бы ясность, но не мог справиться с мыслями. Внезапно я почувствовал полное изнеможение, и от четкости мышления не осталось и следа.

Дон Хуан, похоже, это заметил и мягко похлопал меня по плечу.

– Почистишь вот эти растения, а потом аккуратно покрошишь их сюда, – сказал он, протянув мне большой кувшин, и куда-то ушел.

Вернулся он через несколько часов. Уже наступил вечер. Давно справившись с растениями, я занимался своими записями, благо времени на это у меня было предостаточно. Я хотел задать ему несколько вопросов, но вместо ответа он сказал, что проголодался, развел огонь в глиняном очаге и поставил на него кастрюлю с бульоном. Пошарив по сумкам с продуктами, которые я привез, дон Хуан вытащил оттуда немного овощей, порезал их на мелкие кусочки и бросил в кастрюлю. После этого он улегся на свою циновку, сбросил сандалии и попросил меня сесть поближе к очагу и следить за огнем.

Уже почти совсем стемнело. С места, где я сидел, была видна западная часть неба. Края некоторых плотных и почти черных посередине облаков были сильно изрезаны и подсвечены невидимым солнцем.

Я хотел сказать дону Хуану, какое красивое сегодня небо, но он меня опередил.

– Рыхлые края и плотная середина, – сказал он, указывая на облака.

Его замечание до того совпадало с фразой, которую я намеревался произнести, что я подскочил.

– Как раз я собирался тебе об этом сказать, – проговорил я.

– Один-ноль в мою пользу, – объявил он и засмеялся с детской непосредственностью.

Я спросил, как насчет того, чтобы ответить на вопросы.

– Что тебя интересует?

– Наша сегодняшняя беседа о контролируемой глупости сбила меня с толку, – сказал я. – Я действительно не могу понять, что ты имеешь в виду.

– И не сможешь. Потому что ты пытаешься об этом думать, а мои слова никак не вяжутся с твоими мыслями.

– Я пытаюсь думать, – сказал я, – потому что для меня это единственная возможность понять. И все-таки, хочешь ли ты сказать, что, как только человек начинает *видеть*, все в мире разом теряет ценность?

– Разве я говорил «теряет ценность»? Становится не важным, вот что я говорил. Все вещи и явления в мире равнозначны в том смысле, что они одинаково не важны. Вот, скажем, мои действия. Я не могу утверждать, что они – важнее, чем твои. Так же как ни одна вещь не может

быть важнее другой. Все явления, вещи, действия имеют одинаковое значение и поэтому не являются чем-то важным.

Тогда я спросил, не считает ли он, что *видение* «лучше», чем простое «смотрение на вещи». Он ответил, что глаза человека могут выполнять обе функции, и ни одна из них не лучше другой. Приучать же себя только к одному из этих способов восприятия – значит безосновательно ограничивать свои возможности.

– Например, чтобы смеяться, нам нужно смотреть, – сказал он, – все, что есть в мире смешного, можно уловить только тогда, когда смотришь. Когда человек *видит*, все настолько равнозначно, что ничего смешного не может быть.

– Уж не хочешь ли ты, дон Хуан, сказать, что *видящий* не способен смеяться?

Он немного помолчал.

– Наверное, есть *люди знания*, которые никогда не смеются. Впрочем, я таких не знаю. Те, с кем я знаком, не только *видят*, но и смотрят, поэтому все они могут смеяться.

– А может человек знания плакать?

– Я думаю – да. Наши глаза смотрят, поэтому мы можем смеяться, плакать, веселиться, печалиться или радоваться. Лично мне не нравится быть печальным. Поэтому, когда приходится сталкиваться с чем-то, что вызывает печаль, я смещаю глаза и начинаю *видеть* вместо того, чтобы смотреть. Но если попадается что-то забавное, я предпочитаю смотреть и смеяться.

– Ага! Тогда твой смех – настоящий. Получается, что смех – это уже не контролируемая глупость.

– Знаешь, я с тобой разговариваю отчасти потому, что ты даешь мне повод посмеяться, – произнес он. – В пустыне живут грызуны – крысы такие с пушистыми хвостами. Чтобы похозяйничать в запасах других грызунов, они засовывают в их норки свои хвосты. Те пугаются и убегают. Но в тот момент, когда крыса сидит, засунув в чужую норку хвост, ее очень легко поймать. Так и ты – ловишься на своих же вопросах. Не пора ли выбирать? Ведь эти крысы иногда остаются без хвоста, спасая свою шкуру.

Его сравнение рассмешило меня. Когда-то дон Хуан показывал мне этих зверьков с пушистыми хвостами. Они были похожи на маленьких жирных белок. Я представил себе одну из таких крыс с оторванным хвостом. Картина получилась грустной и в то же время очень забавной.

– Мой смех – настоящий, – сказал дон Хуан. – Впрочем, как и все, что я делаю. Но он же – контролируемая глупость, поскольку бесполезен. Он ничего не меняет, но тем не менее я смеюсь.

– Но, насколько я понимаю, дон Хуан, твой смех не бесполезен. Он делает тебя счастливым.

– Нет. Я счастлив оттого, что смотрю на вещи, делающие меня счастливым, а потом уже глаза схватывают их забавные стороны, и я смеюсь. Я говорил тебе это много раз. Чтобы быть на высоте, всегда нужно выбирать путь, подсказанный сердцем. Может быть, для кого-то это будет означать всегда смеяться.

Я решил, что он имеет в виду противоположность смеха и плача или хотя бы то, что плач – это действие, которое нас ослабляет. Но дон Хуан заявил, что никакого принципиального различия нет. Просто ему лично больше подходит смех, потому что, когда он смеется, тело его чувствует себя лучше, чем когда он плачет.

Тогда я заметил, что равнозначности здесь все же нет, поскольку есть предпочтение. Если он предпочитает смеяться, а не плакать, то смех – важнее.

Но он упрямо твердил, что его предпочтение ничего не значит, они равноценны. Я заявил, что, доводя наш спор до логического конца, можно сказать: «Если все равнозначно, то почему бы не выбрать смерть?»

– Иногда *человек знания* так и поступает, – сказал дон Хуан. – И однажды он может просто исчезнуть. В таких случаях люди обычно думают, что его за что-то убили. А он просто выбрал смерть, потому что для него это не имело значения. Я выбрал жизнь. И смех. Причем вовсе не оттого, что это важно, а потому, что такова склонность моей натуры. Я говорю «выбрал», потому что *вижу*. Но на самом деле выбрал не я. Моя воля заставляет меня жить вопреки тому, что я *вижу* в мире. Ты сейчас не можешь меня понять из-за своей привычки думать так, как ты смотришь.

Последняя фраза меня заинтересовала. Я спросил, что он имеет в виду.

Дон Хуан несколько раз дословно повторил ее, а потом объяснил, что, говоря «думать», имеет в виду устойчивые, постоянные понятия, которые есть у нас обо всем в мире. Он сказал, что *видение* избавляет от привычки к ним. Но пока я не научусь *видеть*, мне не удастся понять, о чем идет речь.

– Но если ничто не имеет значения, дон Хуан, то с какой стати должно иметь значение, научусь я *видеть* или нет?

– Я уже говорил тебе, что наша судьба как людей – учиться, для добра или зла. Я научился *видеть*, и говорю, что нет ничего, что имело бы значение. Теперь – твоя очередь. Вполне вероятно, что в один прекрасный день ты научишься *видеть*, и тогда сам узнаешь, что имеет значение, а что нет. Для меня нет ничего, имеющего значение, но для тебя, возможно, значительным будет все. Сейчас ты должен понять: *человек знания* живет действием, а не мыслью о действии. Он выбирает путь сердца и следует по этому пути. Когда он смотрит, он радуется и смеется; когда он *видит*, он знает. Он знает, что жизнь его закончится очень скоро; он знает, что он, как любой другой, не идет никуда; и он знает, что все равнозначно. У него нет ни чести, ни достоинства, ни семьи, ни имени, ни родины. Есть только жизнь, которую нужно прожить. В таких условиях контролируемая глупость – единственное, что может связывать его с ближними. Поэтому он действует, потеет и отдувается. И взглянув на него, любой увидит обычного человека, живущего так же, как все. Разница лишь в том, что глупость его жизни находится под контролем. Ничто не имеет особого значения, поэтому *человек знания* просто выбирает какой-то поступок и совершает его. Но совершает так, словно это имеет значение. Контролируемая глупость заставляет его говорить, что его действия очень важны, и поступать соответственно. В то же время он прекрасно понимает, что все это не имеет значения. Так что, прекращая действовать, *человек знания* возвращается в состояние покоя и равновесия. Хорошим было его действие или плохим, удалось ли его завершить, – до этого ему нет никакого дела.

С другой стороны, *человек знания* может вообще не совершать никаких поступков. Тогда он ведет себя так, словно эта относительность имеет для него значение. Так тоже можно, потому что и это будет контролируемая глупость.

В длинных и путаных выражениях я попытался объяснить дону Хуану, что меня интересуют мотивы, заставляющие *человека знания* действовать определенным образом вопреки пониманию того, что ничто не имеет значения.

Усмехнувшись, он ответил:

– Ты думаешь о своих действиях, поэтому тебе необходимо верить, что действия эти важны настолько, насколько ты их таковыми считаешь. Но в действительности из всего, что человек делает, нет ничего, что имело бы значение. Ничего! Но как тогда я могу жить? Ведь ты об этом спрашивал? Проще было бы умереть; ты так говоришь и считаешь, потому что думаешь о жизни. Как, например, думаешь сейчас, на что похоже *видение*. Ты требуешь от меня описания. Такого, которое позволило бы тебе об этом думать, как ты думаешь обо всем остальном. Но в случае *видения* думать вообще невозможно. Поэтому мне никогда не удастся объяснить тебе, что это такое. Теперь по поводу моей контролируемой глупости. Ты хочешь услышать о причинах, которые побуждают меня действовать именно так, но я могу сказать

лишь одно – контролируемая глупость очень похожа на *видение*. Ни о том, ни о другом думать невозможно.

Дон Хуан зевнул, лег на спину и потянулся, хрустнув суставами.

– Ты слишком долго отсутствовал, – сказал он, – и ты слишком много думаешь.

Он встал и направился в густой чапараль за домом. Я остался сидеть у огня, подбрасывая хворост, чтобы варево в кастрюле кипело. Хотел было зажечь керосиновую лампу, но сумерки были очень успокаивающими. Света от огня в очаге было достаточно, чтобы писать. Красно-ватые отблески ложились повсюду. Я положил блокнот на землю и лег рядом. Я устал. Из всего нашего разговора в голове осталось только одно – дону Хуану нет до меня никакого дела. Это не давало мне покоя. Столько лет я ему верил! Если б не эта вера, меня бы давно уже парализовало от страха при встрече с тем, чему он меня учил. В основе этой веры была твердая убежденность в том, что дон Хуан заботится лично обо мне. Где-то в глубине души я всегда его побаивался, но страх этот мне удавалось подавить благодаря глубокой вере. Теперь он сам полностью разрушил основу, на которой строилось мое к нему отношение. Мне не на что было опереться. Я чувствовал себя совершенно беспомощным.

Меня охватило какое-то странное беспокойство. Я вскочил и начал возбужденно ходить возле очага. Дон Хуан все не приходил, и я с нетерпением ожидал его возвращения.

Наконец он появился и уселся возле огня. Я выложил ему все о своих страхах: и то, что не могу менять направление, добравшись до середины потока; и то, что вера в него для меня неотделима от уважения к его образу жизни, который по своей сути рациональнее, вернее, целесообразнее моего; и то, что он загнал меня в угол, ввергнув в ужасающий конфликт, потому что его слова заставляют в корне изменить мое отношение и к нему, и ко всему, что с ним связано. В качестве примера я рассказал дону Хуану одну историю о старом американце, очень образованном и богатом юристе, консерваторе по убеждениям. Этот человек всю жизнь свято верил, что борется за правое дело. В тридцатые годы, когда администрацией Рузвельта были разработаны и начали претворяться в жизнь кардинальные меры по оздоровлению американской экономики, так называемый «новый подход», он оказался полностью втянутым в политическое противостояние. Он был убежден, что перемены приведут к развалу государства. Отстаивая привычный образ жизни и будучи убежденным в своей правоте, этот человек яростно ринулся в самую гущу борьбы с тем, что он считал политическим злом. Однако время перемен уже наступило, и волна новых политических и экономических реалий опрокинула его. Десять лет он боролся как на политической арене, так и в личной жизни, но Вторая мировая война добила его окончательно и в политическом, и в идеологическом отношении. С чувством горечи он ушел от дел и забрался в глушь, добровольно обрекая себя на ссылку. Когда я познакомился с ним, ему было уже восемьдесят четыре, он вернулся в родной город, чтобы дожить оставшиеся годы в доме престарелых. Меня удивило, что он жил так долго, учитывая испытываемые на протяжении десятилетий горечь и жалость к себе. Я ему чем-то нравился, и мы часто подолгу беседовали.

Заканчивая разговор, который состоялся у нас перед моим отъездом в Мексику, он сказал:

– У меня было достаточно времени, чтобы оглянуться назад и разобраться в происшедшем. Главные события моей жизни уже давно стали историей, причем далеко не лучшими ее эпизодами. И возможно, что я потратил годы своей жизни в погоне за тем, чего просто не существовало. В последнее время я чувствую, что верил в какой-то пафос. Ради этого не стоило жить. Теперь-то я это знаю. Но потерянных сорока лет уже не вернуть...

Я сказал дону Хуану, что причиной моего внутреннего конфликта были его слова о контролируемой глупости.

– Если нет ничего, что имело бы значение, – рассуждал я, – то тогда, став *человеком знания*, неизбежно придешь к такой же опустошенности, как этот старик, и окажешься не в лучшем положении.

– Это не так, – возразил дон Хуан. – Твой знакомый одинок, потому что так и умрет, не умея *видеть*. В своей жизни он просто состарился, и сейчас у него больше оснований для жалости к себе, чем когда бы то ни было. Он чувствует, что потеряно сорок лет, потому что он жаждал побед, но потерпел поражение. Он так никогда и не узнает, что быть победителем и быть побежденным – одно и то же.

Теперь ты боишься меня, потому что я сказал тебе, что ты равнозначен всему остальному. Ты впадаешь в детство. Наша судьба как людей – учиться, и идти к знанию следует так, как идут на войну. Я говорил тебе об этом много раз. К знанию или на войну идут со страхом, с уважением, с сознанием того, куда идут, и с абсолютной уверенностью в себе. В себя ты должен верить, а не в меня!

Ты боишься пустоты, в которую превратилась жизнь твоего знакомого? Но в жизни *человека знания* не может быть пустоты. Его жизнь заполнена до краев.

Дон Хуан встал и вытянул перед собой руки, как бы ощупывая что-то в воздухе.

– Все заполнено до краев, – повторил он, – и все равнозначно. Я не похож на твоего знакомого, который просто состарился. И, утверждая, что ничто не имеет значения, я говорю совсем не о том, что имеет в виду он. Для него его борьба не стоила усилий, потому что он потерпел поражение. Для меня нет ни побед, ни поражений, ни пустоты. Все заполнено до краев и все равно, и моя борьба стоила моих усилий.

Чтобы стать *человеком знания*, нужно быть воином, а не ноющим ребенком. Бороться не сдаваясь, не жалуясь, не отступая, бороться до тех пор, пока не *увидишь*. И все это лишь для того, чтобы понять, что в мире нет ничего, что имело бы значение.

Дон Хуан помешал содержимое кастрюли деревянной ложкой. Суп был готов. Он снял кастрюлю с огня и поставил на прямоугольное кирпичное сооружение возле стены, которым пользовался как столом и полкой, и ногой подвинул к столу два низких ящика, служивших стульями. Сидеть на них было довольно удобно, особенно если прислониться спиной к вертикальным брускам стены. Налив мне полную миску, дон Хуан знаком пригласил меня к столу. Он улыбался, глаза его сияли, словно мое присутствие доставляло ему море радости. Аккуратным движением он придвинул мне миску. В том, как он это сделал, было столько тепла и доброты, что я воспринял этот жест как предложение восстановить свою веру в него. Я почувствовал себя идиотом и, чтобы как-то развеять это ощущение, начал разыскивать свою ложку. Ее нигде не было. Суп был слишком горячим, чтобы пить прямо из миски, и, пока он остывал, я спросил у дон Хуана, означает ли контролируемая глупость то, что *человек знания* никого не может любить.

Дон Хуан перестал есть и расхохотался.

– Ты слишком озабочен тем, чтобы любить людей, и тем, чтобы тебя любили. *Человек знания* любит и все. Он любит всех, кто ему нравится, и все, что ему по душе, но он использует свою контролируемую глупость, чтобы не заботиться об этом. Что полностью противоположно тому, чем сейчас занимаешься ты. Любить людей или быть любимым ими – это еще далеко не все, что доступно человеку.

Он посмотрел на меня, слегка склонив голову набок, и добавил:

– Подумай об этом.

– Дон Хуан, есть еще один момент, о котором я хотел бы спросить. По твоим словам, для того чтобы смеяться, нужно смотреть глазами; но мне кажется, что мы смеемся потому, что думаем. Возьми слепого – он тоже смеется.

– Нет. Слепые не смеются. Они могут производить звуки, похожие на смех, и тела их при этом будут вздрагивать, как при смехе. Но они никогда не смотрели на смешные стороны мира, им приходится их воображать. Поэтому по-настоящему хохотать слепые не могут.

Больше мы не разговаривали. Я чувствовал себя счастливым. Сначала мы ели молча; а потом дон Хуан начал смеяться – я использовал сухой прутик, чтобы подносить овощи ко рту.

4 октября 1968

Сегодня днем, выбрав время, я спросил дону Хуана, не будет ли он возражать, если мы немного поговорим о *видении*. Он сначала вроде согласился, но потом, усмехнувшись, сказал, что я вновь взялся за свое – пытаюсь подменить разговорами действие.

– Если ты хочешь *видеть*, ты должен позволить дымку вести себя, – сказал он с ударением. – Разговаривать же об этом я не желаю.

Я помогал ему очищать какие-то сухие растения. Довольно долго мы работали в полном молчании. От долгого молчания мне всегда становится не по себе, особенно в присутствии дона Хуана. Наконец я не выдержал и задал вопрос, вырвавшийся у меня чуть ли не самопроизвольно:

– Как *человек знания* применяет контролируемую глупость, если умирает тот, кого он любит?

Вопрос застал дону Хуана врасплох. Он удивленно взглянул на меня.

– Возьмем Лусио, – развил я свою мысль. – Если он будет умирать, останутся ли твои действия контролируемой глупостью?

– Давай лучше возьмем моего сына Эулалио. Это более подходящий пример, – спокойно ответил дон Хуан. – На него свалился обломок скалы, когда мы работали на строительстве Панамериканской магистрали. То, что я делал, когда он умирал, было контролируемой глупостью. Подойдя к месту обвала, я понял, что он уже практически мертв. Но он был очень силен, поэтому тело еще продолжало двигаться и биться в конвульсиях. Я остановился перед ним и сказал парням из дорожной бригады, чтобы они его не трогали. Они послушались и стояли вокруг, глядя на изуродованное тело. Я стоял рядом, но не смотрел, а сдвинул восприятие в положение *видения*. Я *видел*, как распадается его жизнь, расплываясь во все стороны подобно туману из мерцающих кристаллов. Именно так она обычно разрушается и испаряется, смешиваясь со смертью. Вот что я сделал, когда умирал мой сын. Это – единственное, что вообще можно сделать в подобном случае. Если бы я смотрел на то, как становится неподвижным его тело, то меня бы изнутри раздирали горестный крик, поскольку я бы чувствовал, что никогда больше не буду смотреть, как он, красивый и сильный, ступает по этой земле.

Но я выбрал *видение*. Я *видел* его смерть, и в этом не было печали, не было вообще никакого чувства. Его смерть была равнозначна всему остальному.

Дон Хуан замолчал; он казался печальным. Вдруг он улыбнулся и потрепал меня по затылку.

– Другими словами, когда умирает тот, кого я люблю, моя контролируемая глупость заключается в смещении восприятия, – сказал он.

Я вспомнил тех, кого любил сам, и сердце защемило от приступа жалости к себе.

– Счастливый ты, дон Хуан. Умеешь сдвигать восприятие. А я могу только смотреть... Мои слова его рассмешили.

– Счастливый... Осел! – произнес он. – Это – тяжелый труд.

Мы засмеялись. После длительной паузы я снова начал его расспрашивать, видимо для того, чтобы развеять собственную печаль.

– Дон Хуан, если я правильно понимаю, в жизни *человека знания* контролируемой глупостью не являются только действия в отношении *союзников* и *Мескалито*, верно?

– Верно, – кивнул он. – *Союзники и Мескалито* – существа совершенно иного плана. Моя контролируемая глупость распространяется только на меня и на мои действия по отношению к людям.

– Да, но логически можно предположить, что *человек знания* мог бы рассматривать как контролируемую глупость также и свои действия в отношении *союзников* и *Мескалито*, не так ли?

Какое-то время он молча смотрел на меня.

– Снова ты начинаешь думать. *Человек знания* не думает, поэтому возможность такого логического предположения для него исключена. Возьмем, к примеру, меня. Я говорю, что практикую контролируемую глупость по отношению к людям, и говорю так потому, что способен их *видеть*. Однако я не могу *увидеть*, что скрывается за союзником, поэтому он для меня непостижим. Как, скажи на милость, могу я контролировать свою глупость, сталкиваясь с тем, чего не понимаю? По отношению к *союзнику* и *Мескалито* я всего лишь человек, который знает, как *видеть*; человек, который поражен тем, что он *видит*; человек, которому никогда не будет дано постичь все, что его окружает.

Глава 6

5 октября 1968

Мы с доном Хуаном садились в машину, собираясь ехать в Центральную Мексику. Неожиданно он меня остановил:

– Я уже не раз говорил тебе, что нельзя раскрывать настоящих имен магов и рассказывать, где они живут. Думаю, ты понял, что мое истинное имя и место, в котором находится мое тело, всегда должны оставаться в тайне. Сейчас я хочу попросить тебя о том же в отношении моего друга. Ты будешь называть его Хенаро. Сейчас мы поедem к нему и немного у него погостим.

Я заверил дона Хуана, что никогда не нарушал этого условия.

– Я знаю, – сказал он по-прежнему серьезно. – Но меня беспокоит то, что временами ты становишься рассеянным и очень уж беспечным.

Я было запротестовал, но дон Хуан сказал, что хотел только напомнить мне о том, что неосторожность в магии – это игра со смертью, бесчувственной и готовой в любой момент стереть с лица земли совершившего ошибку. Но внимательность и осознание каждого шага могут предотвратить такой исход.

– Больше мы к этому возвращаться не будем, – сказал он. – Как только мы отъедем от моего дома – ни слова о Хенаро, более того – ни одной мысли о нем. А сейчас – приведи, пожалуйста, свои мысли в порядок. Когда ты с ним встретишься, тебе нужно будет отбросить все сомнения и стать чистым.

– О каких сомнениях ты говоришь, дон Хуан?

– О любых. К моменту встречи ты должен быть кристально чист. Он *увидит* тебя.

Его странные предостережения весьма меня обеспокоили. Я заметил, что, может быть, мне вообще не стоит знакомиться с его другом. Я мог бы просто отвезти дона Хуана туда и высадить где-то неподалеку от его дома.

– Я лишь предупредил тебя, – сказал дон Хуан. – Ты уже однажды познакомился с магом, и он чуть не убил тебя. Я имею в виду Висенте. Так что в этот раз будь осторожней.

Приехав в один из городков Центральной Мексики, мы оставили машину на стоянке и пешком отправились в горы, туда, где жил друг дона Хуана. Переход занял два дня. Наконец показалась маленькая хижина, прилепившаяся к склону горы. Хозяин стоял в дверях, словно ожидая нас. Я сразу же его узнал – мы, оказывается, уже встречались, правда мимоходом, в тот день, когда я привез дону Хуану свою книгу. Тогда я не обратил на него особого внимания. Мне казалось, что он примерно одного возраста с доном Хуаном. Однако сейчас, когда он стоял в дверях, я заметил, что он значительно моложе – где-то чуть больше шестидесяти. Он был ниже дона Хуана ростом, тоньше, очень жилистый и темнокожий. Довольно длинные и очень густые черные с проседью волосы закрывали уши и лоб. Выражение округлого лица было жестким. Длинный нос и маленькие темные глаза придавали ему сходство с какой-то хищной птицей.

Сначала он обратился к дону Хуану. Тот утвердительно кивнул. Они перекинулись несколькими фразами, но говорили не по-испански, так что я ничего не понял. Потом дон Хенаро обратился ко мне.

– Добро пожаловать в мою скромную маленькую лачугу, – извиняющимся тоном произнес он по-испански.

Это была стандартная вежливая формула, которую мне неоднократно доводилось слышать в сельских районах Мексики. Но произнося ее, он без видимой причины засмеялся так радостно, что я понял – это его контролируемая глупость. Ему было в высшей степени безразлично, что дом его – лачуга. Мне дон Хенаро очень понравился.

Первых два дня мы бродили по горам, собирая растения. Отправлялись мы на рассвете. Старики уходили вдвоем – у них в горах было какое-то особое место, а меня оставляли в

лесу. Чувствовал я себя там замечательно. Время пробежало незаметно, одиночество меня ничуть не угнетало. Оба дня я находился в состоянии удивительной собранности. Мне удалось добиться необычайной для себя сосредоточенности на поиске определенных видов растений, собрать которые поручил мне дон Хуан.

Возвращались мы поздно вечером. Я так устал, что засыпал практически мгновенно.

На третий день мы работали вместе. Дон Хуан попросил дону Хенаро научить меня собирать некоторые растения. Вернулись мы к полудню; оба старика уселись перед домом и неподвижно просидели несколько часов, словно в трансе. Но они не спали. Я дважды проходил перед ними, и оба раза они провожали меня глазами.

– Прежде чем сорвать растение, с ним нужно поговорить, – сказал дон Хуан. Он произнес это очень размеренно и трижды повторил, как будто пытаюсь завладеть моим вниманием. До этого никто не произнес ни слова.

– Чтобы *увидеть* растения, с ними нужно разговаривать, – сказал он. – И с каждым из них необходимо познакомиться. Тогда они расскажут все, что ты захочешь о них узнать.

Вечерело. Дон Хуан сидел на плоском камне, лицом на запад – в сторону гор, дон Хенаро – рядом с ним на соломенной циновке, лицом на север. В первый же день после нашего приезда дон Хуан объяснил мне, что это – «их положение» и что мне следует садиться на землю в любом месте напротив них. Еще он добавил, что, когда мы втроем сидим в «своих положениях», я должен располагаться лицом на юго-восток и прямо на них не смотреть, а только изредка поглядывать.

– Да, именно так обстоит дело с растениями, верно я говорю? – дон Хуан повернулся к дону Хенаро, и тот ответил утвердительным кивком.

Я сказал, что не выполняю его указаний насчет разговоров с растениями, так как, занимаясь этим, чувствую себя глупо.

– Ты не понял. Маги не шутят, – сурово произнес дон Хуан. – Попытка мага *видеть* – это попытка овладеть *силой*.

Дон Хенаро с недоумением уставился на меня: его, видимо, сбивало с толку то, что я непрерывно пишу. Улыбнувшись мне, он тряхнул головой и что-то сказал дону Хуану. Дон Хуан пожал плечами. Дону Хенаро непрерывно пишущий ученик мага, должно быть, казался явлением весьма странным, по крайней мере, смотреть на это без смеха он не мог. Дон Хуан уже давно привык к тому, что я постоянно что-то записываю, и не обращал на это никакого внимания, продолжая говорить как ни в чем не бывало. Однако реакция дону Хенаро несколько нарушила общий настрой беседы, поэтому я отложил блокнот.

Дон Хуан еще раз подчеркнул, что маги не шутят, поскольку для них каждый поворот пути – это игра со смертью. Потом он рассказал дону Хенаро об огнях смерти, которые я видел ночью за спиной на шоссе среди пустынных холмов. В этой истории, видимо, было что-то очень смешное – дон Хенаро от хохота буквально катался по земле.

Дон Хуан извинился передо мной, сказав, что его друг бывает подвержен приступам смеха. Я взглянул на дону Хенаро, ожидая увидеть его все еще катающимся по земле, но взору моему предстало нечто такое, что я невольно подскочил от изумления. Это было немыслимо и даже противоестественно – он стоял на голове без помощи рук. Ноги его при этом были спокойно сложены крест-накрест, как он их складывал, сидя на своей циновке. Но когда до меня наконец дошло, что с точки зрения законов механики человеческого тела дон Хенаро проделал нечто попросту невозможное, тот уже снова как ни в чем не бывало сидел в исходном положении. Дон Хуан, похоже, был в курсе происходящего, потому что приветствовал поразительный трюк своего друга взрывом раскатистого хохота.

Дон Хенаро вроде бы заметил, что я потрясен. Он похлопал в ладоши, приглашая меня следить за тем, что делает, и снова начал кататься по земле. Теперь я заметил, что в действительности он не катается по земле, а раскачивается из стороны в сторону, постепенно

увеличивая амплитуду этих маятникообразных движений. В конце концов крутящий момент становился достаточным для того, чтобы тело, перевернувшись, оказалось в том противоестественном положении, которое я видел, и несколько мгновений дон Хенаро «сидел на собственной голове».

Когда они успокоились и перестали хохотать, дон Хуан продолжил. Тон его был очень суровым. Я немного подвинулся, сев поудобнее, чтобы не отвлекаться и полностью сосредоточиться на его словах. Обычно он говорил с улыбкой, особенно тогда, когда я слушал очень внимательно. Но сейчас улыбки не было. Дон Хенаро смотрел на меня, как бы ожидая, что я вот-вот возьмусь за карандаш. Но я решил больше не записывать. Дон Хуан устроил мне форменный разнос за то, что я не разговариваю с растениями, которые собираю, хотя он и велел мне это делать. Он говорил, что убитые мною растения вполне могли бы прикончить меня и что рано или поздно я неизбежно заболею из-за того, что обошелся с ними без должного уважения.

– Правда, ты никогда не согласишься с тем, что твоя болезнь – следствие неправильного обращения с растениями, – сказал дон Хуан, – и наверняка предпочтешь считать ее гриппом.

Они снова засмеялись, а потом дон Хуан очень серьезно и очень жестко добавил, что если не думать о своей смерти, то жизнь так и останется не более чем личным хаосом.

– Что вообще может быть у человека, кроме его жизни и смерти? – задал он мне риторический вопрос.

Я почувствовал, что нужно записывать, и взялся за блокнот. Дон Хенаро уставился на меня, улыбаясь во весь рот. Потом он склонил голову набок и раздул ноздри. Мимикой он владел в совершенстве – ноздри увеличились в диаметре чуть ли не вдвое.

Но комичнее всего были не жесты дон Хенаро, а его собственная реакция на них. Раздув ноздри, он наклонился и снова встал в свою фантастическую стойку на голове.

Дон Хуан хохотал до слез. Я почувствовал раздражение и нервно засмеялся.

– Хенаро не любит, когда пишут, – объяснил мне дон Хуан.

Я отложил блокнот, но дон Хенаро заверил меня, что все нормально и он нисколько не возражает. Я снова взял блокнот и начал писать. Дон Хенаро повторил представление, и они опять хохотали до упаду.

Все еще смеясь, дон Хуан сказал, что его друг изображает меня – когда я пишу, то раздуваются ноздри. А по мнению дон Хенаро, пытаться стать магом, записывая поучения, – такое же трудное и нелепое занятие, как сидеть на голове.

– Как это ни смешно, но вы с Хенаро очень похожи, – сказал дон Хуан. – Кроме него, никто не умеет так «сидеть на голове», а ты единственный, кто думает, что можно стать магом, записывая в блокнот поучения.

Они снова засмеялись, и дон Хенаро опять повторил свой невероятный трюк. Этот человек мне определенно нравился. В его движениях были непревзойденная грация и точность.

– Прошу прощения, дон Хенаро, – сказал я, указывая на блокнот.

– Все о'кей, – усмехнулся он.

Больше записывать я не решался. Они долго говорили о способности растений убивать и об использовании магами этого свойства. Все время оба пристально смотрели на меня, как бы ожидая, что я начну записывать.

– Карлос у нас – как необъезженная лошадка. С ним нужно обращаться деликатно. Видишь, Хенаро, ты испугал его, и теперь он не может писать.

Дон Хенаро раздул ноздри, вытянул губы и сказал:

– Ну что ты, Карлос, пиши! Пиши, дорогой! Пока пальцы не отвалятся.

Дон Хуан встал и потянулся всем телом, подняв руки и выгнув спину. Несмотря на возраст, тело его выглядело очень сильным и гибким. Он ушел в кусты за дом, и я остался наедине с доном Хенаро. Тот посмотрел на меня. Я почувствовал смущение и отвел взгляд.

– Ах, и глядеть в мою сторону не хочет, – сказал он шутовским тоном.

Он снова раздул ноздри и сделал так, что они задрожали. Потом встал и, повторяя движение дона Хуана, потянулся, выгнув спину и подняв руки. Тело его при этом невероятным образом изогнулось и приняло совершенно немислимое положение. В этом движении странным образом сочетались грация, гармония и какая-то шутовская нелепость – это была мастерски исполненная пародия на дона Хуана.

Как раз в этот момент дон Хуан появился из-за дома, заметил эту сцену, явно уловил ее значение и с усмешкой сел на свое место.

– Куда дует ветер? – многозначительно спросил дон Хенаро.

Дон Хуан кивнул в сторону запада.

– Ага... Схожу-ка я туда, куда ветер дует, – очень серьезно произнес дон Хенаро. Повернувшись, он погрозил мне пальцем:

– Не пугайся, если вдруг услышишь странные звуки. Запомни, Хенаро срет – земля дрожит!

Одним прыжком он скрылся в кустах, и спустя несколько мгновений я услышал странный звук – глубокий неземной грохот. Не зная, что и думать, я взглянул на дону Хуана. Но тот катался по траве, корчась от хохота.

17 октября 1968

Не помню уже по какому поводу, дон Хенаро пустился в объяснение устройства того, что он называл «другим миром». Он сказал, что по-настоящему великий маг – это орел, вернее, что он может превращаться в орла. Черный маг – «теколот», то есть сова. Он – порождение ночи, поэтому ему наиболее подходят горный лев и другие дикие кошки, а также ночные птицы, и в особенности – сова. «Брухос лирикос» – лирические маги, то есть маги-дилетанты, предпочитают других животных, например ворону. Дон Хуан засмеялся.

Дон Хенаро повернулся к нему и сказал:

– Правда, Хуан, ты же сам знаешь...

Потом он объяснил, что маг может взять своего ученика с собой в путешествие сквозь десять слоев другого мира. Маг, если он действительно орел, начинает с самого нижнего слоя и последовательно проходит все десять до самого верха. Черные маги и дилетанты способны с огромным трудом добраться лишь до третьего снизу.

Дон Хенаро описал прохождение слоев другого мира так:

– Ты – в самом низу. Вот учитель берет тебя в полет, и скоро – бах – пролетаешь первый слой. Потом – бах – пролетаешь второй. Бах – третий...

Он методически «бахнул» десять раз, проведя меня таким образом сквозь все слои. Когда он закончил, дон Хуан посмотрел на меня и сочувственно улыбнулся:

– Разговоры не являются предрасположением Хенаро. Но, если ты не против, он может преподать тебе практический урок равновесия.

Дон Хенаро важно кивнул, подтверждая его слова. При этом он слегка выпятил губы и прикрыл глаза.

Мне его жест показался замечательным.

Дон Хенаро встал, дон Хуан – тоже.

– Ладно, – сказал дон Хенаро. – Тогда поехали. Заскочим только за Нестором и Паблитом. Они уже дома. По вторникам они освобождаются рано.

Они сели в машину, дон Хуан – на переднее сиденье. Ничего не спрашивая, я завел мотор. Дон Хуан показывал дорогу к дому Нестора. Когда мы приехали, дон Хенаро зашел в дом и через несколько минут вышел с Нестором и Паблитом – своими молодыми учениками. Все сели в машину, и дон Хуан велел ехать на запад – в горы.

Я оставил машину на обочине грунтовой дороги. С этого места был виден водопад; к нему мы и направились вдоль речушки шириной метров пять-семь. Близился вечер. Окрест-

ности впечатляли. Прямо над нами висела огромная, темная с синевой туча. Она была похожа на подвешенную в пространстве крышу с четко очерченным полукруглым краем. На западе – над склонами высоких гор Центральных Кордильер – шел дождь. Он был подобен белесому занавесу, ниспадавшему на сине-зеленые вершины. К востоку от нас лежала глубокая длинная долина, освещенная солнцем. Над ней виднелись только рваные клочья облаков. Резкий контраст поражал воображение. Мы остановились у подножия водопада. Высотой он был метров пятьдесят. Рев воды был оглушительный.

В руках у дона Хенаро откуда-то взялся пояс, на котором висело не меньше семи каких-то вещиц, похожих на маленькие кувшинчики. Его он надел на талию. Сняв шляпу, дон Хенаро сбросил ее за спину, и она повисла на шнурке. Вытащив кошелек, сделанный из плотной шерстяной ткани, он достал оттуда головную ленту, связанную из разноцветных ниток, на которой особо выделялся ярко-желтый цвет. В нее он воткнул три пера, похожих на орлиные. Я заметил, что расположил он их асимметрично: одно – над кончиком правого уха, второе – на несколько сантиметров ближе ко лбу, третье – возле левого виска. Он снял сандалии, привязал их к брючному ремню и заправил под пояс пончо. Мне не было видно, застегивается пояс или завязывается, но сделан он был, кажется, из переплетенных полосок кожи.

Дон Хуан сел на круглый камень, предварительно придав ему устойчивое положение. Нестор и Паблито тоже выбрали себе по камню и сели слева от него. Дон Хуан показал мне место справа от себя и сказал, что я должен принести камень и сесть.

– Нам нужно образовать прямую, – объяснил он, показывая, что втроем они уже сели в ряд.

К этому времени дон Хенаро приблизился к водопаду и начал взбираться по тропе справа от него. С места, где мы сидели, обрыв выглядел очень крутым, практически отвесным. Вдоль тропы росло довольно много кустов, хватаясь за которые дон Хенаро подтягивался. В какой-то миг он оступился и чуть не свалился вниз. Мне показалось, что он поскользнулся на мокрой глине. Через мгновение он снова чуть не упал, и я подумал, что дон Хенаро, пожалуй, уже староват для скалолазания. Прежде чем добраться до конца тропы, он оступился еще несколько раз.

Когда дон Хенаро начал взбираться дальше прямо по скале, я даже растерялся, не представляя, что он собирается делать.

– Что он делает? – шепотом спросил я.

Дон Хуан даже не взглянул на меня.

– Насколько я понимаю – карабкается, – ответил он, не отрывая неподвижного взгляда полуприкрытых глаз от дона Хенаро. Выпрямившись, дон Хуан сидел на краю камня, зажав ладони между ног.

Я слегка подался вперед, желая взглянуть, что делают Нестор и Паблито. Но дон Хуан жестом велел мне сидеть смирно и не нарушать линию. Я тут же выпрямился, вернувшись в первоначальное положение. Судя по тому, что я успел заметить краем глаза, молодые люди были так же напряженно-внимательны, как и дон Хуан.

Дон Хуан указал на водопад.

Я вновь стал наблюдать за доном Хенаро. Он медленно пробирался вдоль выступа, чтобы обойти огромный нависший козырек. Руки его были расставлены в стороны, словно он хотел обнять скалу. С предельной осторожностью он двигался вправо. Вдруг ноги его сорвались. Я невольно ахнул. В какой-то момент все его тело повисло в воздухе. Я был уверен, что он падает, но он не упал, уцепившись за что-то правой рукой. Быстро и четко он снова поймал ногами опору. Прежде чем двинуться дальше, он повернулся к нам. Это был мимолетный взгляд. Но движение было настолько точным и отработанным, что я невольно обратил на это внимание, вспомнив, что так повторялось всякий раз, когда дон Хенаро делал ошибку. Может быть, его раздражала собственная неуклюжесть и он смотрел, не наблюдаем ли мы за ним в этот момент?

Подтянувшись чуть выше, он снова потерял опору, повиснув на каменном выступе. На этот раз он уцепился левой рукой. Восстановив равновесие, он опять взглянул на нас. Прежде чем дону Хенаро удалось добраться до вершины, он оступился еще дважды.

Ширина потока на кромке водопада была метров шесть-семь. По крайней мере, так казалось снизу, оттуда, где мы сидели.

Дон Хенаро на какое-то время замер. Я хотел было спросить у дона Хуана, что будет дальше, но он был настолько увлечен наблюдением, что я не решился его беспокоить.

Внезапно дон Хенаро прыгнул в воду. Это был до того неожиданный поступок, что у меня перехватило дыхание. Это был великолепный, неземной прыжок. На мгновение мне показалось, что я вижу серию наложенных друг на друга снимков его тела, совершающего эллиптический полет на середину реки.

Придя в себя, я заметил, что дон Хенаро приземлился на камень, едва видневшийся возле кромки водопада. Он стоял на нем довольно долго. Казалось, он борется с потоком. Дважды он зависал над обрывом, и это было немыслимо, и я не мог понять, как ему удастся устоять на ногах. Наконец он добился равновесия и присел на корточки. Потом он прыгнул снова. Этот прыжок был похож на прыжок тигра. Камень, на который он приземлился, я едва мог разглядеть – крохотный коричневый выступ на краю водопада.

Там дон Хенаро неподвижно простоял почти десять минут. Это была настолько впечатляющая картина, что меня начала бить дрожь. Хотелось вскочить и куда-то бежать. Заметив, что я нервничаю, дон Хуан велел мне успокоиться. Тем временем неподвижность дона Хенаро, стоявшего посреди потока на краю водопада, ввергла меня в состояние дикого мистического ужаса. Останься он там еще несколько мгновений – и я бы утратил контроль над собой.

Но дон Хенаро опять прыгнул, на этот раз – на противоположный берег потока. Приземлившись на четыре точки, как кошка, он немного посидел на корточках, встал, взглянул на другую сторону потока, потом – на нас. Он стоял не двигаясь и смотрел вниз. Руки его были сжаты в кулаки, как будто он держался за невидимые поручни.

В его стойке было что-то необычайное, какая-то странная грация и тонкая гармония. Мне даже подумалось, что босой дон Хенаро в своем темном пончо, с лентой и перьями на голове, был самым красивым человеческим существом из всех, кого я когда-либо видел.

Вдруг он поднял руки, запрокинул голову и сделал боковое сальто влево, скрывшись за круглым валуном.

В этот момент упали первые крупные капли дождя. Дон Хуан, Нестор и Паблито встали. Их движение было таким порывистым и внезапным, что я замешкался. Мастерский трюк дона Хенаро привел меня в состояние необычайного эмоционального возбуждения. Его искусство было непревзойденным, мне хотелось сейчас же увидеть его и выразить свое восхищение.

Я напряженно всматривался в скалы слева от водопада, думая, что дон Хенаро спускается вниз, но его не было. Я настаивал, чтобы мне сказали, что с ним. Дон Хуан не отвечал.

– Нужно спешить, – сказал он. – Сейчас начнется ливень. Нам пора возвращаться на Северо-Запад, но прежде нужно завезти домой Нестора и Паблито.

– Да, но я даже не попрощался с доном Хенаро, – пожаловался я.

– Зато он попрощался с тобой, – резко ответил дон Хуан.

Секунду он сверлил меня глазами, потом взгляд его смягчился, и он улыбнулся.

– Он даже пожелал тебе самого лучшего, – добавил он. – Ему было приятно с тобой общаться.

– Что, мы не будем его ждать?

– Нет. Пусть он остается там, где он есть. Может, в это мгновение он орлом парит в другом мире, а может – просто умер там наверху. Сейчас это уже не имеет значения.

23 октября 1968

Как бы невзначай дон Хуан заметил, что скоро опять собирается в Центральную Мексику.

– К дону Хенаро? – спросил я.

– Возможно... – сказал он, не глядя на меня.

– С ним все в порядке, не так ли, дон Хуан? Я хочу сказать: с ним ведь ничего не случилось там, над водопадом?

– Ничего с ним не случилось. Он крепок.

Мы немного поговорили о деталях предстоящей поездки, а потом я сказал, что мне очень понравился дон Хенаро, особенно – его шутки. Я все пытался придумать, как бы поделикатнее расспросить об уроке на водопаде.

Дон Хуан взглянул на меня и довольно ехидно спросил:

– Тебе, небось, до смерти любопытно, что за урок Хенаро устроил на водопаде, да?

Я напряженно засмеялся. Любопытно? Да для меня все, что тогда произошло, стало прямо-таки наваждением! Снова и снова перебирая в памяти детали этого события, я уже в который раз приходил к выводу, что стал свидетелем демонстрации фантастического физического совершенства. Я считал, что дон Хенаро, вне всякого сомнения, – выдающийся мастер эквилибристики – настолько отработанным и даже ритуализированным было каждое движение этого невероятно сложного представления.

– Да, – сказал я, – мне до смерти хочется узнать, что это был за урок.

– Тогда, пожалуй, я должен тебе кое-что рассказать. Для тебя это была пустая трата времени. Урок был предназначен тем, кто *видит*. Паблито и Нестор кое-что уловили, некий отблеск, хотя они *видят* еще плохо. Но ты – ты только смотрел. Я говорил Хенаро, что ты очень странный набитый дурак и что такой урок мог бы вытрясти многое из того, чем ты набит. Но у нас, похоже, ничего не вышло. Впрочем, это не имеет значения. Научиться *видению* очень трудно.

Я не хотел, чтобы ты разговаривал с Хенаро, когда все закончилось, поэтому мы уехали так быстро. Это плохо. Но если бы мы остались, было бы еще хуже. Хенаро сильно рисковал, чтобы показать тебе настоящее чудо. Но ты не *видел*. И это очень плохо.

– Дон Хуан, а ты сам не мог бы мне рассказать, в чем заключался урок? Вдруг окажется, что я все-таки что-то *видел*.

От смеха он согнулся пополам.

– Привычка задавать вопросы – твое самое лучшее качество, – сказал он, явно закрывая тему.

Он поднялся и направился в дом. Я последовал за ним, требуя, чтобы он выслушал мой рассказ о том, что я видел. Он согласился. Подробно, стараясь ничего не упустить, я рассказал ему все, что помнил. Улыбаясь, он меня внимательно выслушал, а потом покачал головой и сказал:

– Научиться *видеть* очень трудно.

Я просил его объяснить, о чем идет речь, но он безапелляционно заявил:

– О *видении* не говорят.

Было ясно, что дон Хуан не собирался мне ничего рассказывать, и я ушел выполнять разные мелкие поручения, которые он дал мне раньше.

Вернулся я уже затемно. Мы поужинали и вышли под рамаду. Как только мы сели, дон Хуан сам заговорил об уроке дон Хенаро. Он не дал мне ни минуты на подготовку. Блокнот был у меня с собой, но было уже темно, а перебивать его мне не хотелось, поэтому я не пошел за керосиновой лампой.

Дон Хуан сказал, что дон Хенаро – мастер равновесия и может выполнять очень сложные и требующие огромных энергетических затрат действия. Его способ стоять на голове – одно из них. Так дон Хенаро пытался показать мне, что невозможно и *видеть*, и писать одновременно. Стойка на голове без помощи рук – всего лишь шутовской трюк, который может длиться мгно-

вения. По мнению дона Хенаро, одновременное записывание и *видение* – это такой же странный, сложный и ненужный маневр, как его «сидение на голове».

Дон Хуан в темноте пристально посмотрел на меня и драматическим тоном сказал, что, когда дон Хенаро «обрабатывал» меня с помощью своих фокусов, я был на грани *видения*. Дон Хенаро заметил это и попытался развить достигнутый успех многократным повторением своих манипуляций. Но тщетно – я уже потерял нить.

По словам дона Хуана, я очень понравился дону Хенаро, и тот решил еще раз попытаться сдвинуть меня на грань *видения*. Тщательно все взвесив и обдумав, он решил показать мне чудо равновесия в потоке на кромке водопада. Он усматривал сходство между потоком и той гранью, перед которой остановился я, и был уверен, что, пересекая водопад столь невероятным способом, он сдвинет меня и заставит пересечь эту границу.

Потом дон Хуан объяснил, как дон Хенаро смог совершить свой немислимый трюк. Для того, кто *видит*, люди выглядят как светящиеся существа, состоящие из чего-то похожего на волокна света, которые, заворачиваясь спереди назад, образуют пространственную структуру, по форме напоминающую яйцо. Дон Хуан напомнил, что уже рассказывал мне об этом, а также о том, что самой удивительной частью яйцеобразных существ является пучок длинных волокон, исходящих из области пупка и играющих ключевую роль в жизни людей. В использовании этих «щупальцеобразных» волокон и заключался секрет чуда равновесия дона Хенаро. С акробатическими этюдами его действия не имели ничего общего.

Так же внезапно, как он начал говорить об уроке дона Хенаро, дон Хуан перевел разговор на другую тему.

24 октября 1968

Мне удалось загнать дона Хуана в угол. Сославшись на интуицию, я рассказал ему, что второго такого урока равновесия в моей жизни не будет и что если он не объяснит мне все сейчас, то шанс извлечь из этого урока хоть что-то будет упущен навсегда. Дон Хуан сказал, что здесь я прав – дон Хенаро никогда больше не повторит для меня свой урок. Потом он спросил:

– Ну хорошо, что тебя интересует?

– Расскажи о щупальцеобразных волокнах.

– Это щупальца, исходящие из середины человеческого тела. Они хорошо заметны любому магу-*видящему*. По виду этих щупалец он определяет, что из себя представляет тот или иной человек и как следует с ним себя вести. У слабых людей волокна-щупальца короткие, их почти не видно. У людей сильных они яркие и длинные. У Хенаро, например, они светятся так ярко, что кажется, будто это – не отдельные волокна, а массивное утолщение на оболочке. По этим волокнам *видно*, здоров человек или болен, злой он или добрый, подлый или какой-нибудь еще. По ним можно также сказать, способен человек *видеть* или нет. Но с этим бывают сложности. Когда Хенаро *увидел* тебя, он, как в свое время Висенте, решил, что ты можешь *видеть*. Я тоже *вижу* тебя как *видящего*, но тем не менее знаю, что это не так, – ты пока не способен *видеть*. Хенаро так и не смог в этом разобраться. Я говорил ему, что ты очень странный, но он захотел сам в этом убедиться. Поэтому и взял тебя к водопаду.

– Как ты думаешь, почему я произвожу впечатление *видящего*?

Дон Хуан не ответил. Он молчал довольно долго. Мне не хотелось беспокоить его вопросами. В конце концов он ответил, что знает причину, но не может объяснить это словами.

– Все твои действия легко понять, потому что в них нет ничего необычного. Отсюда и твоя уверенность в том, что понять можно все в мире. Там, возле водопада, ты смотрел, как Хенаро пересекает поток, и был уверен, что он – мастер эквилибристики, потому что ничего другого предположить ты не мог. Теперь для тебя все это таким и останется навсегда. Но Хенаро никогда не прыгал через поток. Если бы он прыгнул, он бы неминуемо разбился. Хенаро удерживал равновесие, цепляясь своими мощными яркими волокнами-щупальцами,

вытягивая их настолько, что мог как бы перекатиться по ним через поток. Он продемонстрировал нам искусство управления щупальцеобразными волокнами, сознательно заставляя их удлиняться и двигаться с поразительной точностью.

Паблито *видел* почти все, Нестор – только основные моменты, детали от него ускользнули, а ты не *видел* ничего.

– Но, может, если бы ты сказал мне заранее...

Он резко перебил меня, сказав, что если бы он меня проинструктировал, то я бы только мешал дону Хенаро своими собственными волокнами-щупальцами.

Если бы ты *видел*, то с первого же шага Хенаро понял бы, что он не делал ошибок, поднимаясь вверх по скале рядом с водопадом, а просто отпускал волокна, чтобы перехватиться ими. Дважды он цеплялся ими за круглые выступы, буквально приклеиваясь к скале, как муха. Наверху он зацепился волокнами за маленький камень посреди потока и, как следует зафиксировав их там, позволил им сократиться и притянуть его к этому камню. Хенаро не прыгал, только это позволяло ему точно приземляться на скользкие мокрые поверхности маленьких камней на самой кромке водопада. Каждый раз он плотно обматывал волокна вокруг камней, которые использовал.

На первом камне он стоял недолго, потому что часть его волокон была зацеплена за другой камень, поменьше, там, где поток был сильнее. Он позволил своим щупальцам перетянуть его туда. Это было самым потрясающим действием Хенаро, ведь форма поверхности камня была такой, что человек в принципе не мог бы на нем устоять. Но если бы Хенаро не оставил часть волокон на первом камне, то неизбежно был бы смыт потоком в пропасть.

На втором камне он стоял долго. Ему нужно было время для того, чтобы постепенно отцепить все волокна и перекинуть их на левый берег потока. Сделав это, он отцепил волокна, которыми цеплялся за первый камень. Это был сложный трюк. Хенаро – единственный человек, способный на такое. Он проделал этот смертельный номер специально для нас, но лично я думаю, что он действительно едва не сорвался. Дело в том, что в тот момент он мгновенно «выстрелил» лучом света через поток, зацепившись за левый берег, и только это, наверное, его и спасло. Я подозреваю, что на берег он перетянул себя только силой этого единственного луча. Перебравшись туда, он выпрямился, собрал все свои волокна-щупальца и заставил их сверкать подобно гирлянде огней. Это предназначалось только тебе. Если бы ты мог *видеть*, ты бы *увидел*.

Хенаро стоял там, глядя на тебя. И он понял тогда, что ты не *видел* ничего.

Часть II. Задача видения

Глава 7

Дона Хуана не было дома, когда я приехал к нему в полдень 8 ноября 1968 года. Не зная, где он может быть, я вошел в дом, сел и стал ждать. Почему-то я был уверен, что он скоро придет. Так и случилось. Вскоре дон Хуан действительно появился и, заметив меня, кивнул. Мы поздоровались. Вид у него был утомленный, он лег на циновку и несколько раз зевнул.

Я приехал, потому что меня преследовала мысль о необходимости научиться *видеть*. Я готов был даже использовать галлюциногенную курительную смесь. Решиться на это было ужасно трудно, и мне хотелось лишний раз убедиться, что другого выхода нет.

– Я хочу научиться *видеть*, дон Хуан, – сказал я без обиняков. – Но при этом я не хочу ничего принимать и не хочу курить твою смесь. Можно ли без этого обойтись?

Дон Хуан сел, посмотрел на меня и снова улегся.

– Нет, – отрезал он. – Тебе придется использовать дымок.

– Но ведь ты сам говорил, что тогда, у дона Хенаро, я был на грани *видения*.

– Я имел в виду, что твое свечение было таким, будто ты в самом деле осознаешь, что делает Хенаро. Но ты не *видел*, ты все равно продолжал только смотреть. Совершенно очевидно: в тебе есть что-то, что делает тебя похожим на *видящего*. Но все-таки ты не *видишь*, потому что доверху набит всякой ерундой. Тебе может помочь только дым.

– Зачем обязательно курить? Почему нельзя научиться *видеть* самостоятельно, без помощи дыма? Разве одного моего желания недостаточно?

– Недостаточно. *Видеть* не так-то просто. Мир текуч. Чтобы уловить его отблеск, нужна огромная скорость восприятия. Тебе ее способен дать только дым. Иначе ты будешь по-прежнему лишь смотреть.

– Что значит «текучий мир»?

– Когда *видишь*, мир становится иным. Это – текущий мир, в котором все непрерывно движется, изменяется, течет. Я допускаю, что можно научиться воспринимать этот текущий мир самостоятельно, но к добру это не приведет: тело не выдержит напряжения и начнет разрушаться. Используя дым, человек избегает истощения. Дым дает необходимую быстроту восприятия; он позволяет уловить отблеск текучего мира, сохранив незатронутым тело.

– Ладно, – решил я. – Довольно колебаний. Я готов курить.

Пафос моего заявления рассмешил его.

– Брось, – сказал он. – Вечно ты хватаешься не за то, что нужно. Воображаешь, что, позволив дыму себя направлять, ты достигнешь *видения*. Нет, дорогой, это требует еще очень и очень многого. И так всегда, что бы мы ни делали.

Лицо его стало серьезным.

– Я был осторожен по отношению к тебе, действуя обдуманно и тщательно, – сказал он, – потому что это *Мескалито* велел мне тебя учить: это *он* захотел, чтобы ты узнал то, что знаю я. Но я не успею научить тебя всему. У меня хватит времени лишь на то, чтобы вывести тебя на путь, и я верю, что ты будешь искать, как искал я. Правда, ты ленивее и упрямее меня. Но ты – другой, и я не могу предвидеть, как повернется твоя жизнь.

Его рассудительный тон и его поведение вызвали во мне странное чувство – смесь страха, одиночества и ожидания.

– Но ничего, скоро мы узнаем, где ты стоишь, – произнес он.

Больше дон Хуан не сказал ничего. Немного погодя он вышел из дома. Я вышел следом и остановился перед ним в нерешительности, не зная – то ли сесть, то ли пойти и выгрузить из машины свертки, которые я ему привез.

– Это будет опасно? – спросил я, просто чтобы не молчать.

– Все опасно, – ответил он.

Похоже, дон Хуан ничего мне не собирался рассказывать. Он вошел в дом и сложил в сетку какие-то маленькие пакетики, кучей валявшиеся в углу. Я не предлагал ему свою помощь, потому что знал – если будет нужно, он сам позовет меня. Потом он улегся на свою соломенную циновку, велел мне тоже расслабиться и отдохнуть. Я лег на свою циновку и попытался уснуть, но не смог. Вчера, остановившись в мотеле, я спал почти до полудня, зная, что доеду за пару часов. Поэтому я не устал.

Дон Хуан тоже не спал. Он лежал с закрытыми глазами, едва заметно покачивая головой. Мне показалось, что он напевает про себя.

– Давай поедим, – сказал он.

Это было так неожиданно, что я вздрогнул. Он добавил:

– Тебе нужно собраться с силами и быть в хорошей форме.

Он сварил суп, но я не был голоден.

На следующий день, 9 ноября, дон Хуан разрешил мне съесть только самую малость и велел отдыхать. Все утро я пролежал, но расслабиться так и не смог, потому что не знал, что у дон Хуана на уме. И что хуже всего, я не был уверен, что на уме у меня самого.

Было около трех часов дня. Мы сидели в тени рамады. Я был ужасно голоден и уже несколько раз намекал дону Хуану, что неплохо было бы подкрепиться. Но он не соглашался.

– Ты уже три года не готовил смесь, – неожиданно сказал он, – и тебе придется курить мою. Поэтому будем считать, что я сделал ее специально для тебя. Тебе понадобится ее совсем немного. Я набыю трубку всего один раз. Ты выкуришь ее и будешь отдыхать. Затем придет страж другого мира. Тебе нужно будет только наблюдать за ним. Внимательно наблюдай за всеми его движениями, запоминай каждое его действие. От того, насколько ты будешь внимателен, может зависеть твоя жизнь.

Все это было сказано без всякой подготовки. Я не знал, что сказать, даже что и подумать. Какое-то время я бормотал что-то невразумительное, пытаюсь привести в порядок свои мысли. Наконец я спросил первое, что пришло в голову:

– Какой такой страж?

Дон Хуан наотрез отказался от пояснений, но я так нервничал, что не мог молчать, и отчаянно требовал, чтобы он рассказал мне об этом страже.

– Сам увидишь, – небрежно бросил он. – Он охраняет вход в другой мир.

– Какой мир? Мир мертвых?

– Нет. Не мир мертвых и не мир кого-либо еще. Просто другой мир. Об этом не имеет смысла говорить. Ты сам все увидишь.

С этими словами дон Хуан ушел в дом. Я последовал за ним в его комнату.

– Постой, дон Хуан, постой. Что ты собираешься делать?

Не отвечая, он достал свою трубку, улегся на соломенную циновку посреди комнаты и уставился на меня с инквизиторским блеском в глазах. Казалось, он ждет моего согласия.

– Дурак ты, – мягко произнес он. – Ты же не боишься. Ты только говоришь, что боишься.

Он медленно покачал головой из стороны в сторону, достал мешочек с курительной смесью и набил трубку.

– Дон Хуан, я боюсь. Я действительно боюсь.

– Нет, это – не страх.

Я отчаянно пытался оттянуть время и завел длинный разговор о природе своих ощущений, совершенно искренне утверждая, что по-настоящему боюсь. Но он сказал, что я дышу нормально и сердце бьется размеренно, так что это – не страх.

Я на секунду задумался над его утверждениями. Он ошибался: в моем состоянии были некоторые явные физические изменения, как правило, сопровождающие чувство страха, и я действительно был в отчаянии. В воздухе словно витала неотвратимость судьбы, с желудком творилось что-то невообразимое, я был уверен, что сильно побледнел, ладони вспотели, и все же я вынужден был признать, что действительно не боюсь. Привычное и хорошо знакомое чувство страха, того страха, который был одной из черт моего характера, отсутствовало. Но я продолжал что-то говорить, расхаживая перед доном Хуаном, а он сидел на полу, держа в руках набитую трубку, и смотрел на меня все с тем же инквизиторским выражением лица. Немного подумав, я пришел к выводу, что чувство, сменившее сейчас мой обычный страх, является ощущением глубокого дискомфорта. Такой дискомфорт я испытывал всякий раз при одной только мысли о путанице, возникающей после приема галлюциногенов.

Некоторое время дон Хуан разглядывал меня, потом отвел взгляд в сторону и прищурился, как бы стараясь разглядеть что-то на очень большом расстоянии.

Я все ходил и ходил перед ним до тех пор, пока он наконец не велел мне сесть и расслабиться. Несколько минут мы сидели молча.

– Не хочется расставаться с ясностью, да? – неожиданно спросил он.

– Ты абсолютно прав, дон Хуан, – ответил я.

Он засмеялся с явным удовлетворением.

– Ясность – второй враг человека знания. Она довлеет над тобой. Ты не боишься, но не хочешь ее терять. А так как ты – дурак, то называешь то, что с тобой происходит, страхом.

Он усмехнулся и попросил:

– Принеси-ка мне углей.

Сказано это было успокаивающим тоном и как-то по-доброму. Я автоматически поднялся, пошел в заднюю часть дома, вынул из очага немного тлеющих угольков, насыпал их на керамическую плитку и принес в комнату.

– Иди сюда, – громко позвал дон Хуан снаружи.

Он расстелил соломенную циновку на том месте, где я обычно сидел. Я положил плитку с углями рядом с ним, и он подул на них, чтобы они немного разгорелись. Я сел было на землю, но он остановил меня и усадил на правый край циновки. Потом положил один уголек в трубку и протянул ее мне. Я взял ее. Я был поражен безмолвной силой, с которой дон Хуан мною управлял. Я не мог ни думать, ни говорить. Не имея больше никаких аргументов, я был убежден, что не боюсь, а просто не хочу терять ясности.

– Давай, давай, – мягко приказал он. – В этот раз – только одну трубку.

Я сделал затяжку. Смесь в трубке начала тлеть и зашипела. Мгновенно я почувствовал, как внутренняя поверхность гортани и носоглотки покрывается слоем льда. Сделал еще одну затяжку, и ледяная корка поползла в грудную клетку. К тому времени как была сделана последняя затяжка, у меня появилось такое ощущение, что все тело от головы до пят наполнилось изнутри странным холодным огнем.

Дон Хуан взял у меня трубку и постучал ею о ладонь, вытряхивая пепел. Поплевав на палец, протер внутреннюю поверхность чашечки. Так он делал каждый раз после того, как пользовался трубкой.

Мое тело онемело, но тем не менее я мог шевелиться и сел поудобнее.

– Что дальше? – спросил я.

Говорить было трудно.

Дон Хуан спрятал трубку в чехол и замотал в длинную тряпку. После этого сел напротив меня и выпрямился. У меня закружилась голова, глаза непроизвольно закрылись. Дон Хуан

энергично встряхнул меня и велел не спать. Он сказал, что мне очень хорошо известно, что заснуть в таком состоянии – это смерть. Это подействовало, хотя мне и пришло в голову, что таким способом он просто хочет заставить меня бодрствовать. Но в следующее мгновение я подумал, что это вполне может быть правдой, и вытаращил глаза, стараясь открыть их как можно шире. Дона Хуана это рассмешило.

– Подожди немного, но глаза не закрывай. Скоро появится страж другого мира, – сказал он.

Во всем теле появился неприятный жар. Я хотел изменить позу, но уже не мог двигаться. Попытался что-то сказать дону Хуану, но слова увязли где-то в глубине меня и извлечь их оттуда не удалось. Я опрокинулся на левый бок. Теперь, лежа на циновке, я смотрел на дону Хуана откуда-то снизу.

Он наклонился ко мне и велел не смотреть на него, а выбрать точку на циновке прямо перед глазами и хорошенько на ней сосредоточиться. Он сказал, что смотреть нужно одним глазом – левым, и тогда я рано или поздно *увиджу* стража.

Я сосредоточился на указанной им точке, но там ничего не было. Однако в какое-то мгновение я заметил мошку, которая кружилась перед глазами. Она села на циновку. Я следил за ней. Мошка подползла настолько близко, что в глазах все поплыло. Затем, совершенно неожиданно, я почувствовал, что стою на ногах. Ощущение было странное, оно сбilo меня с толку, но времени на объяснения не было. Казалось, что я стою и смотрю перед собой, и глаза находятся на обычной высоте, но то, что я увидел, потрясло меня до глубины души. Передать другими словами силу эмоционального потрясения, пережитого в тот момент, пожалуй, невозможно. Прямо передо мной, совсем близко, сидело гигантское животное чудовищного вида. Это был настоящий живой совершенно жуткий монстр. Никогда, даже в самых диких вымыслах наиболее изощренной фантастики, я не встречал ничего подобного. Я смотрел на это чудовище с неопишмым замешательством и недоумением.

Первое, что бросилось мне в глаза, были его размеры. Ростом эта штука должна была быть никак не меньше тридцати метров. По крайней мере, так мне показалось. Стояло оно вроде бы прямо, но точно сказать, как именно, я не могу. Потом я заметил крылья – два коротких широких крыла. В этот миг я осознал, что пытаюсь изучать его как обыкновенное животное, то есть – смотреть на него. Однако делать это привычным для меня способом было невозможно. Я не столько смотрел на животное, сколько замечал все новые детали по мере того, как картинка прояснялась с добавлением каждой новой подробности. Тело существа было покрыто пучками черных волос, с его длинного рыла все время что-то сочилось и капало. Круглые выпуклые глаза были похожи на два огромных белесых шара. Потом животное начало размахивать крыльями. Но это не походило на взмахи птичьих крыльев, скорее напоминало вибрирующую дрожь. Существо начало кружиться передо мной. Однако оно не летало в полном смысле слова, а как бы скользило, почти касаясь земли, двигаясь с поразительной скоростью и проворством. Я даже обнаружил, что увлекся созерцанием этой картины. Все движения чудовища имели совершенно жуткий вид, но их быстрота и легкость не могли не восхищать.

Вибрируя крыльями и брызгая во все стороны выделениями из своего рыла, существо сделало два круга. Потом оно развернулось и улетело прочь, исчезнув вдали. Мне оставалось лишь сосредоточенно смотреть в направлении, куда оно скрылось. Я чувствовал странную тяжесть, мысли потеряли всякую связность, и мне не удавалось привести их в порядок. Было такое впечатление, что меня приклеили к месту. Потом вдалеке показалось облако, и через мгновение зверь снова на полной скорости кружил передо мной. Его крыло проносилось все ближе и ближе, почти перед самыми глазами, пока наконец не задело меня. Я не знаю, какая часть моего существа находилась в том пространстве, где кружилось чудовище, но, как бы там ни было, его крыло действительно ударило меня. Боль пронзила меня всего. Она была едва ли не самой жестокой в моей жизни, и, собрав все силы, я дико заорал.

После какого-то провала я осознал, что сижу, а дон Хуан растирает мне лоб. Листьями он растер мне руки и ноги, а потом оттащил к оросительной канаве, которая была у него за домом. Там он раздел меня и с головой окунул в воду. Потом вытащил и вновь окунул, затем – еще раз, еще и еще...

После этого он положил меня поперек канавы так, чтобы голова лежала на берегу, взял в руки мою левую ступню и начал время от времени мягко похлопывать по подошве ладонью. Через некоторое время я ощутил щекотку. Заметив это, он сказал, что со мной все в порядке. Одевшись, я вошел в дом и сел на свою циновку. Я хотел что-то сказать, но обнаружил, что не могу сосредоточиться на словах, хотя мысли были ясными и четкими. Меня поразило, насколько глубокая концентрация внимания требуется, чтобы говорить. Оказалось, что сказать что-то мне удастся только в том случае, когда я перестаю смотреть на окружающие предметы. Я чувствовал себя ныряльщиком, погружившимся глубоко в бездну. Чтобы что-то сказать, требовалось всплыть на поверхность с какого-то очень глубокого уровня, я как бы вытягивал себя оттуда при помощи слов. Дважды мне удавалось добраться до того, чтобы прочистить глотку совершенно обычным способом. В эти моменты, пожалуй, я мог бы что-нибудь из себя выдавить, но по какой-то причине я молчал, предпочитая оставаться на странном уровне глубокого молчания, где была возможность только созерцать. Ощущение, что я стою на пороге того, что дон Хуан называет *видением*, возникло во мне и наполнило мое сознание радостью.

Дон Хуан дал мне супа и кукурузных лепешек и настоял на том, чтобы я поел. Это мне вполне удалось сделать, не утратив того, что я принимал за способность *видеть*. Я пристально вглядывался в каждый предмет, попадавший на глаза, будучи убежденным, что *вижу*. Но мир при этом, насколько я мог судить, заметно не изменялся. Я напряженно старался *увидеть*, пока совсем не стемнело. В конце концов меня свалила усталость, и я заснул.

Когда дон Хуан укрывал меня одеялом, я ненадолго проснулся. Болела голова, и я чувствовал тошноту. Потом стало лучше, и я крепко проспал до утра.

Утром я обнаружил, что полностью пришел в себя, и с нетерпением спросил у дон Хуана:

– Что со мной было?

Дон Хуан сдержанно засмеялся и ответил:

– Ты ходил знакомиться со стражем. И ты с ним познакомился.

– Но что это было?

– Страж, хранитель, часовой другого мира.

Я хотел было подробно рассказать ему об этом зловещем и жутком звере, но он не обращал на мою попытку никакого внимания, сказав, что в этом нет ничего особенного и что такой опыт доступен любому человеку.

Тогда я сказал, что страж вогнал меня в такой шок, что до сих пор мне становится не по себе при одном лишь воспоминании о нем.

Дон Хуан рассмеялся и прошелся по поводу того, что он назвал моей склонностью к сверхдраматизации.

– Но эта штука, чем бы она ни была, ударила меня, – сказал я. – И это было так же реально, как мы с тобой...

– Конечно, все было реально. Что, очень больно ударила, да?

По мере того как я восстанавливал в памяти все новые и новые детали, меня охватывало все более сильное возбуждение. Дон Хуан велел успокоиться, а потом спросил, действительно ли я боялся. Слово «действительно» он выделил.

– Да я просто оцепенел! Никогда в жизни не испытывал такого дикого ужаса.

– Ну-ну, – сказал он со смехом. – Не так уж тебе было страшно.

– Да я клянусь тебе! – сказал я с жаром. – Если бы я мог пошевелиться, то в истерике бежал бы.

Дон Хуан разразился хохотом. Мои эмоции показались ему весьма забавными.

– Зачем нужно было встречаться с этим кошмаром, дон Хуан?

Он уставился на меня с серьезным выражением лица.

– Это был страж. Если ты хочешь *видеть*, ты должен его победить.

– Но как можно победить такую громадину?

Дон Хуан хохотал до слез.

– Дон Хуан, почему бы тебе не выслушать меня? Я расскажу тебе обо всем, что видел, и тогда не будет двусмысленности.

– Ну, если тебе этого не хватает для полного счастья – вперед. Я слушаю.

Я подробно изложил все, что смог вспомнить, но на его настроении это никак не отразилось.

– Ничего нового, – прокомментировал он с улыбкой.

– Да, но как, по-твоему, я могу одолеть такую махину? Чем?

Он немного помолчал, потом повернулся ко мне и сказал:

– Ты же не боялся. В действительности тебе не было страшно. Больно – да, но не страшно.

Он откинулся на кучу каких-то мешков и заложил руки за голову. Я решил, что тема закрыта.

– Знаешь, – неожиданно произнес он, глядя куда-то на крышу рамады, – стража может *увидеть* любой. Некоторым он является в виде гигантского неопишимо жуткого монстра ростом до неба. Тебе повезло – всего-то тридцать метров! Совсем крошка. Однако тайна стража до смешного проста.

Он минуту помолчал, мурлыкая какую-то мексиканскую песню.

– Страж другого мира – это мошка, – с расстановкой произнес он, как бы оценивая эффект, произведенный этим заявлением.

– Прости, не понял...

– Страж другого мира – мошка, – повторил он. – Вчера ты встретился с мошкой. Она будет стоять на твоём пути до тех пор, пока ты ее не победишь.

Мгновение я не хотел верить словам дон Хуана, но, вспомнив все с самого начала, вынужден был признать, что сначала действительно смотрел на мошку, а потом возникло что-то вроде миража и явился ужасный зверь.

– Но каким образом мошка могла так сильно меня ударить? – спросил я с искренним недоумением.

– Э-э, когда она тебя ударила, она не была мошкой. Тебя ударил страж. Возможно, когда-нибудь ты наберешься сил и победишь его. Но не сейчас. Сегодня это – тридцатиметровый летающий монстр, вибрирующий и плюющийся. Но говорить о нем бесполезно, и никакого подвига в том, чтобы стоять перед ним, нет. Так что если ты намерен узнать его получше, тебе придется снова с ним встретиться.

Через два дня, 11 ноября, я снова курил смесь дон Хуана.

Я сам попросил об этом, тщательно взвесив все «за» и «против». Я снова хотел увидеть стража, потому что интерес к нему был гораздо сильнее страха или нежелания утратить ясность.

Процедура была той же. Дон Хуан один раз набил трубку, а когда я выкурил ее, – протер и спрятал. Эффект наступил гораздо позже, чем в прошлый раз. Когда начала кружиться голова, дон Хуан подошел ко мне и, придерживая голову, помог лечь на левый бок. Он велел мне вытянуть ноги и расслабиться; повернув мою правую руку ладонью вниз, он слегка подвинул меня, перенес на нее часть веса. Я не пытался ни помочь ему, ни помешать, так как не знал, к чему это все.

Он сел напротив меня и велел ни о чем не думать. Он сказал, что страж придет, но, чтобы *увидеть* его, мне нужно иметь круговой обзор. Как бы невзначай, он прибавил, что страж может причинить очень сильную боль и что предотвратить ее можно единственным способом. В про-

шлый раз, когда дон Хуан понял, что с меня довольно, он поднял меня в сидячее положение. В этот раз он указал на мою правую руку и объяснил, что специально положил ее именно таким образом, чтобы я мог пользоваться ею как рычагом, отталкиваясь, когда захочу подняться.

К этому времени, когда он закончил говорить, тело мое уже совсем онемело. Я хотел обратить его внимание на то, что не смогу оттолкнуться, так как не владею мышцами. Но, несмотря на яростные попытки, мне не удалось произнести ни слова. Он, казалось, предвидел это, и объяснил, что весь фокус – в использовании *воли*, и потребовал, чтобы я вспомнил свой первый опыт курения смеси несколько лет назад. Тогда я упал, но снова встал на ноги за счет того, что он назвал «волей», – я «поднялся с помощью мысли». Он сказал, что это – единственный способ.

Но все было бесполезно: я не мог вспомнить ничего, что тогда делал. Всепоглощающее отчаяние охватило меня, и глаза закрылись.

Дон Хуан схватил меня за волосы, резко встряхнул и приказал не закрывать глаза. После этого я не только открыл глаза, но и совершил нечто совсем уж неожиданное: я заговорил.

– Я не знаю, как вставал тогда.

Я изумился. Ритм был каким-то монотонным, но голос был явно моим. В то же время я искренне верил, что не мог этого сказать, поскольку минутой раньше был не в состоянии произнести ни слова.

Я взглянул на дона Хуана. Он смеялся, склонив голову набок.

– Я этого не говорил, – сказал я.

Я снова удивился звуку своего голоса. Но почувствовал некоторый подъем. Говорить в таком состоянии было приятно и даже как-то интересно. Я хотел попросить дона Хуана, чтобы он объяснил, за счет чего я могу говорить, но снова не смог выдавить из себя ни слова. Я старался изо всех сил, но бесполезно – мне не удавалось выразить свои мысли. Отказавшись от этой затеи, я тут же произнес:

– Кто говорит? Кто говорит?

Этот вопрос заставил дона Хуана так расхохотаться, что он даже опрокинулся набок.

Я определенно мог говорить, но только тогда, когда совершенно точно знал, что хочу сказать.

– Это я говорю? Это я говорю? – спросил я.

Дон Хуан сказал, что если я не перестану заниматься ерундой, то он пойдет отдохнуть под рамаду, а меня оставит здесь разбираться со своим шутовством.

– Это не шутовство, – произнес я.

Я говорил вполне серьезно. Мысли были очень ясными и четкими, но тела я не чувствовал. Я не задыхался, как было однажды, когда я находился в подобном состоянии; мне было хорошо, потому что я ничего не чувствовал. У меня не было контроля над своим сознанием, и все же я мог говорить. В голову пришло, что раз я могу говорить, то, наверное, могу и встать.

– Встать! – сказал я по-английски, и в мгновение ока был на ногах.

Дон Хуан недоверчиво покачал головой и вышел из дома.

– Дон Хуан! – трижды позвал я.

Он вернулся.

– Уложи меня, – попросил я.

– Уложи себя сам, – сказал он. – Похоже, ты на правильном пути.

Я сказал:

– Лечь!

Неожиданно все исчезло. Я не видел ничего. Через мгновение комната и фигура дона Хуана снова появились в поле зрения. Я подумал, что, очевидно, лежал, уткнувшись лицом в циновку и что дон Хуан приподнял мою голову за волосы.

– Спасибо! – очень медленно и монотонно произнес я.

– Пожалуйста, – сказал он, передразнивая меня, и снова захохотал.

Потом он взял какие-то листья и начал растирать ими мои кисти и ступни.

– Что ты делаешь?

– Растираю тебя, – произнес он, подражая моему болезненному заунывному тону.

Его тело затряслось от смеха, глаза светились добротой и дружелюбием. Он мне нравился. Я почувствовал, что дон Хуан – хороший, веселый и сострадательный. На душе стало тепло-тепло, и я засмеялся. Звук получился такой жуткий, что дон Хуан отшатнулся.

– Отведу-ка я тебя лучше к канаве, а то, чего доброго, еще угробишь себя своим шутством.

Он поставил меня на ноги и заставил походить по комнате. Понемногу я начал чувствовать ступни, ноги и, наконец, все тело. Уши буквально лопались от странного давления. Это было похоже на ощущение, возникающее в затекшей части тела. Макушкой головы и затылком я ощущал навалившуюся сзади огромную тяжесть.

Дон Хуан затолкал меня в канаву прямо в одежде. Холодная вода постепенно сняла боль и давление.

Я пошел в дом и переоделся. Потом сел, охваченный какой-то прострацией, жадной покоем и неподвижности. Однако на этот раз ясности и четкости сознания не было, скорее – что-то вроде меланхолии и физической усталости. Наконец я заснул.

12 ноября 1968

Утром мы с доном Хуаном отправились на окрестные холмы собирать растения. Около шести миль мы прошли по сильно пересеченной местности. Я очень устал и предложил отдохнуть. Мы сели, и дон Хуан заговорил о том, что он доволен моими успехами.

– Теперь я знаю, что действительно разговаривал, – сказал я, – но тогда мог бы поклясться, что говорит кто-то другой.

– Разумеется, разговаривал ты, – подтвердил дон Хуан.

– Как же вышло, что я не мог себя узнать?

– Это сделал дымок. Можно говорить и не замечать этого, можно перенестись на многие тысячи километров в пространстве и тоже не заметить. Можно проходить сквозь все, что угодно. Дымок устраняет тело, и человек становится свободным как ветер, даже свободнее ветра. Его не могут остановить ни скалы, ни стены, ни горы. Воздух может застояться в подземелье и стать затхлым, но ничто не может удержать человека, если дымок даст ему силу.

Слова дон Хуана вызвали во мне странное чувство – смесь эйфории и сомнения. Все мое существо наполнилось непонятным беспокойством и неопределенным чувством вины.

– Это что – правда? Такое действительно возможно, дон Хуан?

– А ты как думал? Или ты скорее согласишься с тем, что ты сошел с ума, не правда ли? – язвительно сказал он.

– Тебе легко все это принять, дон Хуан. А для меня – почти невозможно.

– Мне тоже не так просто. Я – такой же, как ты, и не имею никаких привилегий. И принять все это мне так же трудно, как и любому другому.

– Но ты же чувствуешь себя во всех этих вещах, как рыба в воде, дон Хуан.

– Верно, однако мне пришлось дорого заплатить. Я должен был сражаться, причем, наверное, больше, чем придется сражаться тебе. Ты каким-то непостижимым образом заставляешь обстоятельства, ситуации и силы работать на тебя. Ты представить себе не можешь, ценой каких усилий мне досталось то, чего ты шутя добился вчера. Что-то помогает тебе на каждом дюйме пути. Иначе объяснить твои успехи в овладении силами невозможно. Сначала – *Мескалитто*, теперь – дымок. Тебе следует полностью сосредоточиться на осознании того факта, что ты – талантлив, и не обращать внимания ни на что другое.

– Ты так говоришь, будто сделать это – раз плюнуть. Но на деле-то все иначе. Меня буквально разрывает на части.

– Ничего, скоро цельность к тебе вернется. Не следует думать о теле. Ты слишком разжигал. До сих пор я не хотел ничего тебе говорить по этому поводу. Каждый должен иметь возможность поступать так, как считает нужным. Ты не появлялся два года. Но я говорил когда-то, что ты вернешься, и вот – ты здесь. То же было со мной. Я бросил свое ученичество на пять с половиной лет.

– Почему ты ушел, дон Хуан?

– По той же причине, что и ты. Мне это не нравилось.

– А почему вернулся?

– Опять-таки, по той же причине, что и ты. Другого пути нет.

Это утверждение произвело на меня глубокое впечатление. Мысль о том, что другого пути нет, уже не раз приходила мне в голову. Я никогда никому о ней не говорил, но дон Хуан сформулировал ее очень точно.

После очень долгой паузы я спросил:

– Дон Хуан, чего я добился вчера?

– Ты встал, когда захотел встать.

– Но я не знаю, как это вышло.

– На отработку этого приема требуется время. Но важно, что ты в принципе знаешь, как это делается.

– Так ведь я же не знаю. В том-то и дело, что не знаю.

– Нет, ты знаешь.

– Дон Хуан, клянусь тебе, что нет!

Он не дал мне договорить, а просто встал и ушел.

Потом мы еще раз вернулись к разговору о страже другого мира.

– Если я верю в то, что испытанное мной – реальность, то я должен признать, что страж – это гигантское чудовище, способное причинить невероятную физическую боль, – сказал я. – И если я верю, что усилием воли действительно можно перенестись на громадные расстояния, то логично было бы заключить, что усилием воли я могу заставить чудовище исчезнуть. Правильно?

– Не совсем. Ты не можешь заставить стража исчезнуть. Но можешь сделать так, что он не причинит тебе никакого вреда. И, сделав это, сможешь без осложнений миновать стража, как бы бешено он ни метался.

– И каким образом я могу этого добиться?

– Ты сам прекрасно знаешь каким. Задержка лишь за тренировкой.

Я сказал, что вечно у нас с ним возникает путаница из-за различного восприятия мира. По-моему, знать что-либо – значит в полной мере осознавать, что делаешь, и быть в состоянии сознательно повторить это. В данном случае я не только не отдавал себе отчета в том, что делал под воздействием дыма, но и не смог бы повторить сделанное мной, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

На лице дон Хуана появилась знакомая уже мне инквизиторская улыбочка. Он изобразил удивление, даже снял шляпу и потер виски – характерный жест, которым он выражал недоумение.

– Зато ты точно знаешь, как говорить и ничего не сказать, правда? Я предупреждал тебя, что стать *человеком знания* можно, только имея *несгибаемое намерение*. Но пока что, похоже, у тебя есть только несгибаемое намерение водить самого себя за нос. Ты настаиваешь на разжевывании всего, словно весь мир состоит только из вещей и явлений, поддающихся объяснению. Ты столкнулся со стражем и проблемой передвижения волевым усилием. Неужели тебе никогда не приходило в голову, что лишь очень немногое в мире может быть объяснено тем

способом, к которому ты привык? Когда я заявляю, что страж действительно стоит на твоём пути и что он способен вышибить из тебя дух, то я знаю, о чём говорю. Когда речь идет о перемещении при помощи *воли*, я тоже знаю, что имею в виду. Я хотел очень постепенно, шаг за шагом научить тебя этому искусству, но потом понял, что ты им прекрасно владеешь, хотя и утверждаешь, что не имеешь об этом понятия.

– Но я действительно не знаю! – возразил я.

– Ты знаешь, что ты дурак, – сказал он неумолимо, а потом улыбнулся. – У нас тут как-то мальчика по имени Хулио посадили на уборочный комбайн. Оказалось, что он знает, как управлять машиной, хотя никогда раньше этого не делал.

– Я понимаю, что ты хочешь сказать, дон Хуан. Однако чувствую, что не смогу повторить того, что сделал, потому что не уверен в том, что именно делал.

– Шарлатан пытается объяснить все в мире с помощью объяснений, в которых он сам не уверен, тем самым превращая все, что делает, в шарлатанство. Но ты – не лучше. Ты тоже хочешь объяснить все своим способом и так же не уверен в своих объяснениях.

Глава 8

Неожиданно дон Хуан спросил, не собираюсь ли я в выходные дни уехать домой. Я ответил, что думаю ехать в понедельник утром. Мы сидели под рамадой его дома. Была суббота, 18 января 1969 года, время близилось к полудню. Мы отдыхали после долгой прогулки по окрестным холмам. Дон Хуан встал и вошел в дом. Через несколько секунд он позвал меня.

Когда я вошел, он сидел на полу посреди комнаты, а моя циновка лежала перед ним. Он усадил меня и, не говоря ни слова, достал сверток с трубкой, развернул тряпку, вытащил трубку из чехла, набил ее и раскурил. Он даже сам принес для этого в комнату глиняное блюдо с углями.

Дон Хуан не спрашивал, хочу ли я курить, просто вручил мне трубку и велел приступать. Я не колебался. Он очень точно вычислил мое настроение, заметив, наверное, что интерес к стражу не дает мне покоя. Меня не нужно было упрашивать, я нетерпеливо выкурил всю трубку разом.

Последовательность моих реакций была в основном такой же, как и раньше. Дон Хуан вел себя как прежде. Правда, в этот раз он не стал меня трогать, а только напомнил, что правую руку следует положить перед собой. Чтобы мне удобнее было на нее опираться, он посоветовал сжать кисть в кулак.

Я сжал правую руку в кулак, так как обнаружил, что таким образом лежать легче, чем опираясь на раскрытую ладонь. Очень хотелось спать, на какое-то время стало тепло, а потом все ощущения исчезли.

Дон Хуан улегся на пол напротив меня, подперев голову правой рукой. Все шло очень тихо и мирно, тактильная чувствительность исчезла, меня охватило умиротворение.

– Как хорошо! – сказал я.

Дон Хуан вскочил:

– Не смей начинать с этой чепухи! Прекрати болтать. Ты потратишь на это всю свою энергию, и страж прихлопнет тебя, как ты прихлопнул бы мышку.

Ему, видимо, показалось, что он сказал что-то смешное, потому что он засмеялся, но смех внезапно прекратился.

– Не болтай, прошу тебя, не болтай, – сказал он очень серьезно.

– Да я вроде и не собирался болтать, – сказал я. Причем я действительно не хотел этого говорить.

Я увидел, как дон Хуан уходит в заднюю часть дома. Через мгновение на циновку передо мной села мышка. Это наполнило меня такой тревогой, какой я раньше никогда не испытывал. Это была странная смесь воодушевления, страдания и страха. Я сознавал, что вот-вот стану свидетелем трансцендентального явления – увижу мышку, охраняющую вход в другой мир. Мысль была настолько нелепой, что я едва не рассмеялся вслух, но потом понял, что из-за приподнятого настроения отвлекаюсь и могу пропустить момент перехода, который интересовал меня больше всего. В прошлый раз я сначала левым глазом смотрел на мышку, а потом сразу почувствовал, что стою и созерцаю стража. Но как именно осуществился переход, я не отметил.

Я наблюдал за тем, как мышка ползает по циновке, и тут до меня вдруг дошло – я смотрю на нее обоими глазами. Вот она подползла совсем близко, и в конце концов наступил момент, когда она ушла из поля зрения правого глаза. Я больше не видел ее обоими глазами, поэтому «перебросил» сосредоточение целиком на то, что видел левым, который находился почти на уровне поверхности циновки. В момент этого изменения фокусировки я почувствовал, что тело поднимается в вертикальное положение, и оказался лицом к лицу с гигантским животным. Оно было глянцево-черным. Спереди его тело было усеяно длинными черными коварно

отточенными волосами, вернее, это были даже не волосы, а скорее – иглы, торчащие из трещин гладкой сверкающей чешуи. Росли они как бы пучками. У чудовища были крылья, широкие и короткие по сравнению с длиной его туловища – толстого, массивного и округлого. Между двумя выпуклыми глазами торчало рыло. На этот раз монстр чем-то напоминал крокодила. У него были длинные уши, а может, рога, и, так же как в прошлый раз, с его рыла все время что-то стекало.

Я напрягся, чтобы как следует зафиксировать взгляд на страже, и почувствовал, что не могу смотреть на него так, как обычно смотрю на предметы. Странно подумать, но, созерцая стража, я ощущал, что каждая часть этого существа живет как бы независимой жизнью, вернее, является живой сама по себе, как, например, глаза человека. Я впервые в жизни осознал, что глаза – это единственное в человеческом теле, по чему можно сразу же наверняка узнать – жив человек или нет. Проведя аналогию, я бы сказал, что страж состоял из «миллионов глаз».

Я подумал, что это – замечательная находка. До этого я пытался проводить какие-то частные параллели, основанные на принципе подобия, пытаюсь отыскать и описать «искажения», в результате которых мошка предстала в виде гигантского зверя. Я думал, что достаточно близким было бы сравнение «как насекомое под микроскопом». Но в действительности дело обстояло иначе. Созерцание стража было действием намного более замысловатым и сложным, чем разглядывание насекомого сквозь микроскоп.

Страж начал кружиться передо мной. В какое-то мгновение монстр остановился. Я почувствовал, что он меня изучает. Внимание мое привлек тот факт, что он был совершенно безмолвным. Страж танцевал в абсолютной тишине. Все в его виде призвано было внушать ужас – выпуклые глаза, грозная пасть, коварные, острые, как иглы, волосы, брызги и слизь, летевшие во все стороны с его рыла, и, конечно, его немыслимые размеры. Он был совсем рядом. Я смотрел, как он без единого звука вибрирует крыльями, скользя над землей подобно огромному фантастическому конькобежцу.

Глядя на это кошмарное создание, я вдруг почувствовал что-то вроде ликования. Мне показалось, что я разгадал тайну победы над стражем – его не нужно побеждать, потому что он – лишь картинка, немое изображение на экране, он не в состоянии ничего мне сделать и может лишь пугать.

Тем временем страж остановился рылом ко мне, а потом, взмахнув крыльями, повернулся задом. Его спина была похожа на цветной блестящий панцирь, она сверкала и переливалась, но оттенок раздражал меня – это был мой самый нелюбимый цвет. Страж еще немного постоял, демонстрируя мне свой зад, а потом взмахнул крыльями и рванул куда-то вдаль, скрывшись из вида.

Я остался в одиночестве перед странной дилеммой, искренне веря, что одолел-таки стража пониманием того, что он был не монстром, а лишь изображением ярости. Возможно, что эта вера основывалась на утверждении дон Хуана о моем знании, в котором я не хотел себе признаваться. Как бы то ни было, а страж ретировался, путь был свободен. Но я не знал, как быть дальше. Дон Хуан ничего не говорил мне о том, что делать в подобной ситуации.

Я попытался осмотреться, но не смог шевельнуться. Однако все, что происходило в восьмидесятиградусном секторе передо мной, я видел довольно хорошо. Далеко впереди была размытая линия горизонта, а все до нее заполнял какой-то бледно-желтый то ли дым, то ли туман. Пространство вокруг было равномерно окрашено в лимонный оттенок. Впечатление было таким, словно я стою на бескрайней равнине, по которой стелятся испарения серы.

Вдруг точкой на горизонте снова объявился страж. Он сделал большой круг и застыл передо мной, разинув беззубую пасть, похожую на огромную пещеру. Потом затряс крыльями и ринулся на меня, как разъяренный бык, и огромные крылья замелькали перед моими глазами. Я заорал от боли и взлетел, вернее, почувствовал, что поднимаюсь, а потом планирую куда-то

за стража и несусь над желтоватой равниной прямо за горизонт, в другой мир – мир людей, а потом обнаружил, что стою посреди комнаты в доме дона Хуана.

19 января 1968

– Я, честное слово, думал, что одолел стража, – сказал я дону Хуану.

– Ты, должно быть, ошибся.

Со вчерашнего дня дон Хуан не произнес ни слова. Впрочем, меня это не беспокоило и даже было на руку. Я пребывал в некой задумчивости и снова чувствовал, что начну *видеть*, если буду смотреть с определенным намерением, хотя ничего специфического или неординарного так и не заметил. Но молчание в любом случае действовало на меня успокаивающе.

Дон Хуан попросил подробно вспомнить обо всем, что происходило «там», и в особенности – какой цвет я видел на спине стража. Когда я закончил рассказ, он вздохнул с явно обеспокоенным видом.

– Тебе крупно повезло – цвет был у него на задку, – очень серьезно сказал он. – Если бы он оказался на передней части туловища или, что еще хуже, на голове стража, тебя бы уже не было в живых. Ты больше никогда не должен пытаться *увидеть* стража. Видно, не с твоим характером пересекать эту равнину, впрочем, я был уверен, что тебе там не пройти. Не будем об этом; эта дорога – далеко не единственная, есть и другие.

В тоне дона Хуана чувствовалось что-то непривычное – какая-то тяжесть.

– Что произойдет, если я снова попытаюсь *увидеть* стража?

– Он тебя утащит. Возьмет в пасть, занесет куда-нибудь на ту равнину и бросит там навсегда. Очевидно он знает, что тебе нельзя идти по этой дороге, и потому предупредил, чтобы ты не совался.

– Как ты думаешь, откуда он может об этом знать?

Дон Хуан устремил на меня долгий пронзительный взгляд. Он пытался было что-то сказать, но передумал, видимо не подобрав подходящих слов.

– Вопросы у тебя – хоть стой, хоть падай, – с улыбкой сказал он. – Ты ведь спросил не подумав, правда?

Я возразил, сказав, что удивлен тем, что стражу известен мой характер.

– Поразительно! Но интереснее всего то, что ты о своем характере не обмолвился ни единым словом. Ведь ты ничего ему не говорил, не так ли? – сказал дон Хуан немного погодя со странным издевательским блеском в глазах.

Тон его был настолько комичен, что мы оба захохотали. Однако потом он объяснил, что страж, будучи хранителем и наблюдателем другого мира, владеет многими тайнами, знать которые имеет право *брухо* и которыми страж может с ним поделиться.

– Для *брухо* это один из способов научиться *видеть*, – сказал дон Хуан. – Однако тебе он не подходит, поэтому нет смысла о нем говорить.

– Курение – единственный способ *увидеть* стража? – спросил я.

– Нет, можно и без этого. Многие умеют вызывать стража просто так. Но я предпочитаю использовать дым, потому что с ним эффективнее и безопаснее. Тот, кто пытается встретиться со стражем без помощи дыма, имеет шанс не убраться вовремя с его пути. Ты, например, получил предупреждение – страж повернулся к тебе задом и показал враждебный цвет. Потом он ушел, а когда вернулся, то обнаружил, что ты все еще не убрался. Тогда он на тебя напал. Но ты был готов и прыгнул. Дымок обеспечил тебя необходимой защитой. Если бы ты подался в тот мир, не заручившись поддержкой дымка, тебе не удалось бы избежать пасти стража.

– Почему?

– Твои движения были бы слишком медленными. В том мире, чтобы выжить, нужно двигаться с быстротой молнии. Я совершил ошибку, уйдя из комнаты, но нужно было, чтобы ты перестал болтать. У тебя язык без костей, и ты болтаешь, даже когда не хочешь. Оставшись

в комнате, я вовремя приподнял бы тебе голову. Но ты вскочил сам, и это намного лучше. Но, я думаю, больше рисковать мы не будем: со стражем шутки плохи.

Глава 9

Три месяца дон Хуан упорно избегал разговоров о страже. За это время я побывал у него четыре раза. Каждый раз он давал мне какие-нибудь поручения, а когда я все выполнял, попросту отправлял домой. 24 апреля 1969 года, в четвертый приезд, мне наконец-то удалось поговорить с ним. Пообедав, мы сели возле очага, и я сказал, что он сбивает меня с толку: ведь я готов учиться, а он вроде и видеть меня не желает. Мне пришлось наступать себе на горло, чтобы преодолеть отвращение к его курительной смеси, и я чувствовал, что, по его словам, времени слишком мало.

Дон Хуан спокойно выслушал мои жалобы.

– Ты еще слишком слаб, – сказал он. – Когда нужно выждать, ты торопишься, а когда нужно спешить – чего-то ждешь. Ты слишком много думаешь. Теперь ты думаешь, что нельзя терять время. Недавно ты думал, что больше никогда не будешь курить. Твоя жизнь – сплошное разгильдяйство, ты недостаточно собран, чтобы вновь встретиться с дымком. Я отвечаю за тебя и не хочу, чтобы ты умер, как проклятый дурак.

Я смутился.

– Что делать, дон Хуан? Я испытываю сильное нетерпение.

– Живи как воин. Я уже говорил тебе, что воин принимает ответственность за все свои действия, даже за самые пустяковые. Но ты занят своими мыслями, и это неправильно. Из-за этого ты потерпел неудачу со стражем.

– Как я потерпел неудачу, дон Хуан?

– Ты думаешь обо всем. Ты думал о страже, и поэтому не мог победить его. В первую очередь ты должен жить как воин. Полагаю, ты понял это очень хорошо.

Я хотел вставить что-нибудь в свою защиту, но он сделал мне знак молчать.

– Твоя жизнь довольно трудна, – продолжал он. – В сущности, твоя жизнь труднее, чем жизнь Хенаро, Паблито или Нестора, и все же они *видят*, а ты нет. Твоя жизнь труднее, чем у Элихио, а он, вероятно, *увидит* раньше тебя. Это меня огорчает. Даже Хенаро не может смириться с этим. Ты честно выполнил все то, что я говорил тебе. И все, чему мой бенефактор научил меня на первой ступени обучения, я передал тебе. Правило верное, шаги не могут быть изменены. Ты сделал все, что нужно было сделать, и все же ты не *видишь*. Но тем, кто *видит*, подобно Хенаро, кажется все же, что ты *видишь*. Я тоже иногда полагаюсь на это, и я обманываюсь. Ты суетишься и ведешь себя как идиот, который не *видит*, но именно так все и обстоит в твоём случае.

Слова дон Хуана причинили мне глубокую боль. Не знаю почему, но я был близок к слезам. Я начал рассказывать ему о своем детстве, и волна жалости к самому себе охватила меня. Дон Хуан пристально взглянул на меня и отвел глаза. В них был пронзительный блеск. Я почувствовал, что он захватил меня своими глазами. Было такое чувство, что две руки ласково сжали меня, и я ощутил непонятное волнение, нетерпеливое желание, приятное отчаяние в области солнечного сплетения. Я стал сознать свою брюшную полость, ощущая там жар. Я не мог больше говорить связно и забормotal, а затем умолк.

– Возможно, что это – обещание, – сказал дон Хуан после долгой паузы.

– Извини, я не понял.

– Обещание, которое ты дал давным-давно.

– Какое обещание?

– Постарайся сказать мне сам. Ты помнишь это?

– Нет.

– Однажды ты обещал что-то очень важное. Не исключено, что ты обещал охранять себя от *видения*.

– Не понимаю, о чем ты говоришь.

– Я говорю о данном тобой обещании! Ты должен помнить это.

– Если ты знаешь, что за обещание, то скажи мне, дон Хуан!

– Нет. Не будет никакой пользы сказать тебе это.

– Было ли это обещанием, которое я дал себе?

Я подумал, что он намекает на мой отказ от ученичества.

– Нет. Это было давно.

Я решил, что он меня разыгрывает, и засмеялся при мысли, что тоже могу подшутить над доном Хуаном. Я не сомневался, что он знает о предполагаемом обещании не больше меня самого и пытается импровизировать. Мысль потакать ему в этом доставляла удовольствие.

– Я что-то обещал своему дедушке?

– Нет, – ответил он, и глаза его заблестели. – И даже не бабушке.

Смешная интонация, которую он придал слову «бабушка», заставила меня рассмеяться. Я подумал, что дон Хуан ставит мне ловушку, но хотел доиграть до конца. Я начал перечислять своих знакомых, кому мог бы пообещать что-то важное. О каждом он сказал «нет», а затем перевел разговор на мое детство.

– Почему твое детство было печальным? – спросил он с серьезным выражением.

Я сказал ему, что мое детство было не то чтобы печальным, а, пожалуй, немного трудным.

– Так чувствует каждый, – сказал он, глядя на меня. – В детстве я тоже был несчастным и все время боялся. Трудно быть индейским ребенком, очень трудно. Но память о том времени не имеет значения для меня, хотя оно и было тяжелым. Я перестал думать о трудностях жизни еще до того, как научился *видеть*.

– Но я тоже не думаю о своем детстве, – сказал я.

– Тогда почему воспоминания о нем вызывают у тебя печаль? Почему ты чуть не плачешь?

– Я не знаю. Наверное потому, что когда я вспоминаю себя ребенком, то испытываю жалость к самому себе и ко всем своим близким. Я чувствую беспомощность и грусть.

Он пристально посмотрел на меня, и опять в области живота я отметил необычное ощущение двух рук, сжимающих его. Я отвел глаза, а потом снова взглянул на него. Он смотрел мимо меня куда-то вдаль затуманившимся взглядом.

– Это – обещание, данное тобой в детстве, – сказал он после паузы.

– Но что я пообещал?

Он не ответил. Его глаза были закрыты. Я невольно улыбнулся, зная, что он нащупывает путь во тьме, но первоначальное желание разыграть его немного поостыло.

– В детстве я был очень худым, – сказал он, – и всегда боялся.

– Я тоже, – произнес я.

– Больше всего мне запомнился ужас и печаль, охватившая меня, когда мексиканские солдаты убили мою мать, – сказал он мягко, словно воспоминание причиняло боль. – Она была бедной и застенчивой индианкой. Наверное, даже лучше, что ее жизнь оборвалась тогда. Я был совсем маленьким и хотел, чтобы меня убили вместе с ней. Но солдаты подняли меня и избili. Когда я цеплялся за тело матери, меня ударили по рукам плетью и перебили пальцы. Я не чувствовал боли, но цепляться больше не мог, и они утащили меня.

Он замолчал. Глаза его все еще были закрыты, губы едва заметно дрожали. Глубокая печаль начала охватывать меня. Перед глазами мелькали образы моего детства.

– Сколько лет тебе было тогда, дон Хуан? – спросил я, чтобы как-то отвлечься.

– Лет семь. Это происходило во время великой войны племени яки. Мексиканцы напали неожиданно, мать как раз готовила какую-то еду. Она была слабой и беззащитной женщиной, и ее убили просто так, без причины. То, что она умерла именно так, в общем-то не имеет особого значения. Но для меня – имеет. Я не могу объяснить почему, но имеет. Я думал, что отца

тоже убили, но оказалось, что он ранен. Нас загрузили в товарные вагоны, как скот, и заперли. Несколько дней мы сидели в темноте. Время от времени солдаты бросали нам немного еды.

В этом вагоне отец умер от ран. От боли и лихорадки у него начался бред, но и в бреду он твердил, что я должен выжить. Так он и умер, требуя, чтобы я не сдавался и выжил.

Люди позаботились обо мне – накормили, старая знахарка вправила пальцы. Ну и, как видишь, я выжил. Жизнь моя не была ни хорошей, ни плохой, она была трудной. Жизнь – вообще штука тяжелая, а для ребенка зачастую – ужасна сама по себе.

Мы очень долго молчали. Наверное около часа. Я никак не мог разобраться в себе, чувствуя, что удручен, но не понимая чем и почему. Кроме того, я испытывал угрызения совести – совсем недавно я собирался подшутить над доном Хуаном, но он повернул ситуацию в свою пользу. Все было так просто и выразительно. У меня появилось странное ощущение. Страдания детей всегда задевали меня за живое, и сочувствие к дону Хуану в мгновение ока вызвало во мне отвращение к самому себе. Я сидел и записывал рассказ дон Хуана, как будто это был просто, так сказать, «клинический случай». Но на сердце кошки скребли, и вообще – внутри у меня творилось такое, что я готов был уже разорвать к черту блокнот. Тут дон Хуан постучал пальцем по моей ноге. Он сказал, что *видит* свечение насилия вокруг меня, и спросил, уж не собираюсь ли я его поколотить. Он засмеялся, и это несколько разрядило обстановку. Он сказал, что у меня есть склонность к вспышкам насилия, но, поскольку на деле я нерешителен, насилие это чаще всего оборачивается против меня самого.

– Ты прав, дон Хуан.

– Еще бы, – сказал он со смехом.

Он попросил меня рассказать ему о своем детстве. Я заговорил о годах страха и одиночества и постепенно перешел к тому, что считал своей борьбой за выживание и укрепление духа. Дон Хуан засмеялся, когда я употребил метафору «укрепление духа».

Я говорил долго. Он очень серьезно слушал. Потом в какой-то момент снова «прижал» меня глазами, и я замолчал. После короткой паузы он сказал, что никто по-настоящему не унижал меня и это было причиной моей нерешительности.

– Ты никогда не испытывал поражения, – сказал он.

Он повторил это четыре раза, и в итоге я не мог не спросить, что он имеет в виду. Он объяснил, что «быть побежденным» – это состояние, образ жизни, от которого побежденный не может уйти. Люди делятся на две категории – победители и побежденные; в зависимости от этого они становятся гонителями или гонимыми. Человек попеременно находится то в одном, то в другом из этих состояний до тех пор, пока не научится *видеть*. *Видение* рассеивает иллюзии побед, поражений, страданий.

Он добавил, что мне следовало бы научиться *видеть* тогда, когда я буду победителем, чтобы у меня не осталось даже тени воспоминаний о чувстве унижения.

Я возразил, сказав, что никогда и ни в чем не был победителем и что жизнь моя – одно сплошное поражение.

– Если твоя жизнь является таким поражением, наступи на мою шляпу, – вызвал он меня в шутку.

Я чистосердечно доказывал свое. Дон Хуан стал серьезным, его глаза сузились до тонких щелок. Он сказал, что я считаю свою жизнь поражением не потому, что она таковым является, но совсем по другим причинам. Вдруг он быстрым и совершенно неожиданным движением сжал ладонями мои виски и пристально посмотрел мне в глаза. От испуга я непроизвольно сделал глубокий вдох ртом. Он отпустил мою голову, и она откинулась к стене. Все это было сделано так быстро, что, когда он расслабился и сел, прислонившись спиной к стене, я был еще на середине глубокого вдоха. Я почувствовал головокружение, нервозность.

– Я *вижу* маленького плачущего мальчика, – сказал дон Хуан после паузы.

Он повторил это несколько раз, но я не обращал на его слова особого внимания, поскольку думал, что речь идет обо мне в детстве.

– Эй, – сказал он, требуя моего полного внимания. – Я *вижу* маленького плачущего мальчика.

– Это я?

– Нет.

– Это – видение из моей жизни или твои воспоминания?

Дон Хуан не ответил.

– Я *вижу* маленького мальчика, – снова сказал он. – Он плачет и плачет.

– Я знаю этого мальчика? – спросил я.

– Да.

– Это – мой сынишка?

– Нет.

– Он плачет сейчас?

– Он плачет сейчас, – сказал он убежденно.

Я подумал, что дон Хуан *видел* ребенка, которого я знаю и который где-то плачет именно в это время. Я начал перечислять имена знакомых детей, но дон Хуан сказал, что все они не имеют к моему обещанию никакого отношения, а этот плачущий мальчик – имеет, причем самое непосредственное.

Утверждение дон Хуана показалось мне нелепым. Он сказал, что в детстве я кому-то что-то обещал, и в то же время что ребенок, который плачет в данный момент, имеет к этому непосредственное отношение. Я уверял его, что в этом нет смысла. Он спокойно повторил, что *видит* маленького мальчика, который плачет сейчас, и что мальчику больно.

Какое-то время я вполне серьезно старался придать его утверждениям хоть какой-то смысл.

– Хватит, – сказал я наконец. – Я не помню, чтобы я давал кому-то важное обещание, а тем более – ребенку.

Он опять прищурил глаза и сказал, что это – ребенок из моего детства, который плачет сейчас.

– Он – ребенок из моего детства и плачет сейчас?

– Да.

– Ты понимаешь, о чем ты говоришь, дон Хуан?

– Понимаю.

– Это не имеет смысла. Как сейчас он может быть ребенком, если был им во время моего детства?

– Это ребенок. Он плачет сейчас, – упрямо повторил он.

– Объясни мне это, дон Хуан.

– Нет, ты должен объяснить мне это.

Хоть убей, но я не мог понять, о чем он говорил.

– Он плачет, он кричит, – продолжал говорить дон Хуан гипнотизирующим тоном. – Он держит тебя. Он крепко сжимает. Он обнимает тебя. Ты чувствуешь его глаза? Он становится на колени и обнимает тебя. Он моложе тебя. Он подбегает к тебе. Одна его рука сломана. Ты чувствуешь его руку? У этого маленького мальчика нос выглядит подобно пуговке. Да. Это нос-пуговица!

В ушах появился гул, и я потерял чувство реальности происходящего. Слова дон Хуана «нос пуговицей» бросили меня в сцену из моего детства. Я знал мальчика с носом-пуговицей! Дон Хуан незаметно проник в одно из наиболее темных мест моей жизни. Я вспомнил обещание, о котором он говорил. В тот момент мое состояние было смесью экзальтации, отчаяния и благоговения перед доном Хуаном и его великолепным маневром. Откуда, черт возьми, он

знает о существовании мальчика с носом-пуговицей из моего детства? Воспоминание до того взволновало меня, что я перенесся в далекое прошлое, когда мне было восемь лет. Моя мать умерла два года назад, и наиболее мучительные годы своей жизни я провел среди ее сестер, которые по очереди брали меня в свои семьи, меняясь раз в два месяца. У каждой из теток была большая семья, и, как бы предупредительно и нежно они ко мне ни относились, конкуренция со стороны двадцати двух кузенов и кузин давала себя знать. Их бессердечие было иногда действительно странным. Я почувствовал, что меня окружают враги, и потянулись годы отчаянной и неприглядной войны. В конце концов мне удалось подчинить себе всех своих многочисленных двоюродных братьев и сестер. Мне до сих пор непонятно, за счет чего я вышел в этой войне победителем. У меня больше не было достойных соперников. Однако я не знал этого и не знал, как прекратить свою войну, которая вскоре перенеслась на школьную почву.

Классы сельской школы, которую я посещал, были смешанными, и первый класс отделялся от третьего только расстоянием между партами. Там я и познакомился с курносом малышом, которого из-за носа дразнили «Пуговкой». Он был первоклассником. Время от времени я дразнил и третировал его, правда не злостно, а просто так, от нечего делать. Но, несмотря ни на что, он, казалось, меня любил и всюду за мной таскался хвостиком. Он даже знал, что на моей совести – несколько проделок, расследование которых завело в тупик самого директора школы, однако никому не говорил об этом ни слова. Но я все равно донимал его. Однажды я нарочно опрокинул тяжелую классную доску, и она упала на Пуговку. Парта, за которой он сидел, отчасти задержала ее, но все равно удар получился сильный и сломал ему ключицу. Он упал. Я помог ему встать и, когда он уцепился за меня и обнял, увидел в его глазах испуг и боль. Это было слишком, и я не мог вынести вида малыша с изуродованной рукой, который, плача, обнимал меня. Годами я сражался с родственниками и победил, покорив всех своих противников, но в миг, когда я увидел страдания этого маленького курносого мальчика, все мои победы были уничтожены. Не сходя с места, я проиграл все битвы сразу. Я думал, что ему отрежут руку, и пообещал, что, если малыша вылечат, я никогда в жизни не буду победителем. Ради него я отказался от всех своих побед. По крайней мере так я понимал это тогда.

Дон Хуан вскрыл гнойную рану моей жизни, затянувшуюся многими слоями последовавших событий. Я был ошеломлен, голова кружилась. Передо мной разверзлась пропасть бесконечной печали, и я с головой в нее погрузился. Мои поступки тяжким грузом легли на душу. Воспоминание о курносом малыше по имени Хоакин заставило меня страдать настолько живо, что я начал плакать. У этого мальчика никогда ничего не было, его родители не могли даже обратиться к врачу, так как у них не хватало денег на лечение, и рука Хоакина так и срослась неправильно. Я заплатил за это всего лишь своими детскими победами. Мне было невыразимо стыдно.

– Успокойся, дурак, – сказал дон Хуан. – Ты отдал достаточно. Теперь ты можешь изменить свое обещание.

– Изменить? Но как? Произнести соответствующие слова?

– Нет, такого рода обещание словами не изменишь. Но очень скоро ты, возможно, поймешь, как это сделать. Тогда, наверное, ты даже начнешь *видеть*.

– Может, ты мне хотя бы подсказал, дон Хуан? Чуть-чуть?

– Ты должен терпеливо ждать, зная о своем ожидании и зная, чего ты ждешь. Это – путь воина. Если дело в том, чтобы выполнить обещание, то ты должен делать это сознательно. Рано или поздно ожидание закончится, и ты будешь свободен от обязательств. Теперь ты уже никак не сможешь изменить жизнь того мальчика. Только он сам может вычеркнуть из своей жизни то, что тогда произошло.

– Как?

– Научившись уничтожать желания. Пока он считает себя жертвой, его жизнь остается адом. Пока ты считаешь его жертвой, твое обещание остается в силе. Желание – вот что застав-

ляет нас страдать, но, как только мы научимся уничтожать свои желания, любая полученная нами мелочь превратится в бесценный дар. Будь спокоен, ты сделал Хоакину царский подарок. Бедность и нужда – это только мысли; то же касается ненависти, голода, боли.

– Я не могу в это поверить, дон Хуан. Как голод и боль могут быть только мыслями?

– Для меня сейчас они являются только мыслями. Это все, что я знаю, это мое достижение. Запомни: понимание этого – единственное, что позволяет нам противостоять силам жизни. Без него мы – мусор, пыль на ветру.

– Я не сомневаюсь, дон Хуан, что ты это сделал. Но разве такое под силу обыкновенному человеку – мне, скажем, или маленькому Хоакину?

– Наша судьба как людей – противостоять силам жизни. Я много раз говорил тебе: только воин может выжить. Воин знает о своем ожидании и знает, чего он ждет. Когда он ждет, у него нет желаний, и поэтому, какую бы малость он ни получил, это всегда больше, чем он может взять. Если он хочет есть, то найдет путь, потому что не голоден. Если он ранен, то справится с этим, потому что не страдает от боли. Быть голодным или страдать от боли означает, что сила голода или боли уничтожает тебя.

Я хотел было отстаивать свое мнение, но остановился, потому что понял, что таким образом пытаюсь защититься от разрушительной силы великолепной победы дона Хуана, которая затронула меня так глубоко и с такой силой. Как он знает? Я думал, что мог рассказать ему историю о курносом мальчике во время одного из моих состояний необычной реальности. Но мне все равно казалось, что я никогда не говорил ему об этом. Впрочем, то, что я не помнил, предполагалось с самого начала.

– Как ты узнал о моем обещании, дон Хуан?

– Я *видел* его.

– Ты *видел* его, когда я принимал *Мескалито* или когда я курил твою смесь?

– Я *видел* его сейчас, сегодня.

– Ты *видел* все события?

– Снова ты за свое. Я говорил тебе, что нет смысла обсуждать, на что похоже *видение*.

Я больше не настаивал. Эмоционально я был убежден.

– Я также дал клятву однажды, – неожиданно сказал дон Хуан.

Звук его голоса заставил меня вздрогнуть.

– Я обещал отцу, что я буду жить, чтобы уничтожить его убийц. Я носил в себе это обещание долгие годы. Теперь обещание изменено. Я не интересуюсь больше уничтожением кого-либо. Я не ненавижу мексиканцев. У меня нет ненависти ни к кому. Я знаю, что бесчисленные пути каждого пересекаются в его жизни. Все равны. Угнетатель и угнетенный в конце встречаются, и единственное, что преобладает, – это то, что жизнь была слишком короткой для них обоих. Сегодня я чувствую печаль не потому, что мой отец или моя мать умерли так, как они умерли, а потому, что они были индейцами. Они жили как индейцы и умерли как индейцы, и никогда не знали, что они были прежде всего людьми.

Глава 10

Я вновь приехал к дону Хуану 30 мая 1969 года и с порога заявил, что хочу еще раз попытаться «видеть». Он отрицательно покачал головой, засмеялся и сказал, что придется потерпеть, потому что еще не время. Но я упорно твердил, что уже готов.

Похоже, мои навязчивые просьбы не особенно его раздражали. Тем не менее он попытался сменить тему. Я поддался и попросил его посоветовать, как мне справиться со своим нетерпением.

– Ты должен действовать как воин, – сказал он.

– Как?

– Чтобы научиться действовать как воин, нужно действовать, а не болтать.

– Ты говорил, что воин думает о своей смерти. Я все время это делаю, но, очевидно, этого не достаточно.

Он вроде начал сердиться и даже чмокнул губами. Я поспешно сказал, что не хотел его злить и что если я сейчас не нужен, то готов уехать обратно в Лос-Анджелес. Дон Хуан мягко погладил меня по спине и сказал, что мне хорошо известно, что значит «быть воином».

– Что я должен делать, чтобы жить как воин? – спросил я.

Он снял шляпу и почесал виски. Он пристально посмотрел на меня и улыбнулся:

– Ты любишь все, выраженное в словах, не так ли?

– Так работает мое сознание.

– Оно не должно так работать.

– Я не знаю, как измениться. Вот почему я прошу тебя рассказать мне, что именно я должен делать, чтобы жить как воин. А я попытаюсь к этому приспособиться.

Почему-то мое заявление показалось ему забавным, и он долго хохотал, хлопая меня по спине. У меня было чувство, что он с минуты на минуту собирается отправить меня домой, поэтому я быстро уселся напротив него на свою циновку и стал задавать вопросы. Меня интересовало, почему мне следует выжидать.

Он объяснил, что если я попытаюсь *видеть*, не «залечив» предварительно «раны», полученные в битве со стражем, то могу опять столкнуться с этим монстром, даже если не буду искать встречи с ним. Дон Хуан заверил меня, что выжить в такой ситуации не способен никто.

– Ты должен полностью забыть стража и только после этого пытаться *видеть* снова.

– Забыть стража?! Да разве такое можно забыть?

– Для того чтобы забыть, воин использует *волю* и терпение. В действительности это все, что у него есть. При помощи *воли* и терпения воин добивается всего, чего хочет.

– Но я же – не воин.

– Ты встал на путь магии. У тебя нет больше времени ни на отступление, ни на колебания. Время есть лишь на то, чтобы жить, как подобает воину, вырабатывая терпение и *волю*. Нравится тебе это или нет.

– Как воин их вырабатывает?

Прежде чем ответить, дон Хуан долго думал. В конце концов он произнес:

– Мне кажется, об этом невозможно рассказать. Особенно о *воле*, потому что *воля* – это нечто очень специфическое. Проявления ее таинственны. Нет никакой возможности объяснить, как ее использовать, можно только увидеть результаты. Они ошеломляют. Наверное, прежде всего нужно осознать, что *волю* можно развить. Воин знает об этом и терпеливо ждет. Ты не отдаешь себе отчета в том, что твое ожидание – ожидание *воли*. И это твоя ошибка.

Мой бенефактор говорил мне, что воин знает, что он ждет, и знает чего ждет. Ты знаешь, что ждешь. Но хотя ты и околачиваешься здесь годами, ты так до сих пор и не понял, чего именно ждешь.

Среднему обычному человеку очень трудно, практически невозможно узнать, чего он ждет. Для воина, однако, такой проблемы не существует. Он знает, что его ожидание – это ожидание *воли*.

– Ты можешь мне четко сказать, что такое *воля*? Это что – устремление, вроде мечты Лусио заполнить мотоцикл?

– Нет, – мягко произнес дон Хуан и усмехнулся. – Это – не *воля*. Лусио просто потакает своим желаниям и своей слабости. *Воля* – это другое. *Воля* – это нечто предельно чистое, мощное, что направляет наши действия. *Воля* – это то, что позволяет человеку победить в битве, будучи обреченным на поражение.

– Тогда, может быть, *воля* – это то, что мы называем мужеством?

– Нет, мужество – это другое. Мужественные люди зависимы. Они благородны, из года в год окружены толпой людей, которые превозносят их и восхищаются ими. Но *волей* из мужественных людей не обладает почти никто. Они бесстрашны, способны на действия очень смелые, однако обычные, не выходящие за рамки здравого смысла. Большинство мужественных людей внушают страх, их боятся. Но проявления *воли* относятся к достижениям, которые не укладываются ни в какие рамки нашей обычной реальности, поразительным действиям, выходящим за пределы здравого смысла.

– *Воля* – это владение собой?

– Можно сказать, что это один из видов контроля.

– Как ты думаешь, я могу тренировать *волю*, например, отказываясь от чего-то?

– Например, от того, чтобы задавать вопросы, – сказал дон Хуан.

Тон его при этом был настолько въедлив, что я даже перестал писать и поднял на него глаза. Мы оба рассмеялись.

– Нет, – продолжал он. – Отказывая себе в чем-либо, человек потакает себе, идя на поводу у самолюбия или даже самовлюбленности. Я не советую заниматься подобными глупостями. Поэтому и позволяю тебе спрашивать, что ты пожелаешь. Если бы я потребовал от тебя прекратить задавать вопросы, ты мог бы поранить свою *волю*, пытаясь выполнить мое требование. Самоограничение – самый худший и самый злостный вид индальгирования. Поступая подобным образом, мы заставляем себя верить, что совершаем нечто значительное, чуть ли не подвиг, а в действительности только еще больше углубляемся в самолюбование, давая пищу самолюбию и чувству собственной важности. Отказаться от чего-то или заставить себя перестать что-то делать – это еще не проявление *воли*. Если ты, например, заставишь себя перестать задавать вопросы, это действие не будет иметь с *волей* ничего общего. *Воля* – это энергия, сила, самостоятельно действующая единица. Она требует должного управления и настройки, на что требуется время. Мне это известно, поэтому в отношении тебя я спокоен. Когда мне было столько же лет, сколько тебе сейчас, я был не менее импульсивен, чем ты. Но это прошло. *Воле* нет дела до наших слабостей, она работает, несмотря ни на что. Твоя, например, уже начинает приоткрывать просвет.

– О каком просвете ты говоришь?

– У нас есть просвет, как родничок на голове младенца. Только родничок со временем закрывается, а этот просвет – наоборот, по мере того, как у человека развивается *воля*, становится все больше.

– Где он находится?

– Там, откуда исходят светящиеся волокна, – сказал он, показывая на мою брюшную полость.

– Для чего он?

– Через это отверстие, подобно стреле, выстреливается *воля*.

– *Воля* материальна?

– Нет. Я просто сказал так, чтобы тебе было понятнее. То, что маг называет *волей*, есть сила внутри нас самих. Это не мысль, не предмет, не желание. Прекратить задавать вопросы не значит использовать *волю*, потому что для этого нужно думать и хотеть. *Воля* – это то, что заставляет тебя побеждать, когда твой рассудок говорит тебе, что ты повержен. *Воля* – это то, что делает тебя неуязвимым. *Воля* – это то, что позволяет магу пройти сквозь стену, преодолеть огромное расстояние, попасть на Луну, если он того пожелает.

Больше я ни о чем не хотел спрашивать. Я устал и вдобавок нервничал, потому что боялся, что дон Хуан попросит меня уехать.

– Пойдем на холмы, – сказал он неожиданно и поднялся.

По пути он снова начал говорить о воле, посмеиваясь над тем, что я не мог записывать на ходу.

Он описал *волю* как силу, которая была истинным звеном между миром и людьми. К определению мира дон Хуан подошел очень тщательно, сказав, что мир – это то, что мы воспринимаем, независимо от избранного нами способа восприятия.

Дон Хуан считал, что «восприятию мира» способствует процесс «схватывания», то есть глубокого осознания того, что перед нами предстало и было воспринято. Такое «комплексное» восприятие осуществляется органами чувств и *волей*.

Я спросил его, не является ли *воля* тем, что иногда называют «шестое чувство». Он ответил, что она, скорее, является связью между нами и воспринимаемым миром.

Я предложил остановиться, чтобы все это записать. Но он засмеялся и продолжал идти.

В тот вечер он так и не отправил меня в Лос-Анджелес. А на следующее утро, за завтраком, сам продолжил разговор о *воле*.

– То, что среди людей принято называть *волей*, – не более чем упорство и твердость характера, – сказал он. – То, что маг называет *волей*, – есть сила, которая исходит изнутри него и привязывается к внешнему миру. Она выходит через живот, прямо отсюда, где находятся светящиеся волокна.

Он потер свой пупок, указывая место.

– Я говорю, что она выходит отсюда, потому что так это чувствуешь.

– Почему ты называешь это *волей*?

– Я вообще это никак не называю. Но мой бенефактор назвал это *волей*, и все люди знания называют это так.

– Вчера ты сказал, что мир можно воспринимать как чувствами, так и *волей*. Что это значит?

– Обычный человек «схватывает» то, что есть в мире, с помощью рук, глаз или ушей. Маг может «схватить» также и с помощью *воли*. Я не могу описать тебе, как это делается, но ты и сам, к примеру, не можешь описать мне, как ты слышишь. Так случилось, что я тоже могу слышать, поэтому мы можем говорить о том, что мы слышим, но не о том, как мы слышим. Маг использует свою *волю* для того, чтобы ощущать мир. Но это ощущение не похоже на слуховое восприятие. Когда мы смотрим на мир или когда мы прислушиваемся к нему, у нас создается ощущение, что он вне нас и что он реален. Ощущая мир нашей *волей*, мы узнаем, что он не настолько «вне нас» и не так «реален», как мы думаем.

– *Воля* – это то же самое, что и *видение*?

– Нет. *Воля* – это сила, энергия. *Видение* – это не сила, а способ проникновения в суть вещей. Маг может иметь очень сильную *волю*, но он все же может не *видеть*, что означает, что только человек знания ощущает мир своими чувствами, своей *волей* и своим *видением*.

Я сказал ему, что нахожусь в еще большем замешательстве, чем при разговоре о том, как использовать свою *волю*, чтобы забыть стража. Это заявление и мое недоумение, казалось, развеселили его.

– Я предупреждал, что слова только запутывают, – сказал он и засмеялся. – Теперь ты знаешь, что ждешь свою *волю*. Но ты все еще не знаешь ни что это такое, ни как это может с тобой произойти. Поэтому тщательно следи за всем, что делаешь. В ежедневных мелочах, которыми ты занимаешься, кроется то, что поможет тебе развить *волю*.

Дон Хуан отсутствовал все утро. Вернулся он после полудня с охапкой сухих растений. Кивком он попросил меня помочь, и несколько часов мы молча разбирали то, что он принес. Закончив, мы присели отдохнуть, и дон Хуан благосклонно улыбнулся.

Я очень серьезно заявил, что внимательно перечитал свои позавчерашние и вчерашние заметки, но так и не понял, что значит «быть воином» и в чем суть понятия воли.

– *Воля* – не понятие, – сказал дон Хуан.

Это были первые его слова, обращенные ко мне в тот день.

Он довольно долго молчал, а потом продолжил:

– Мы с тобой очень разные. Наши характеры не похожи. Ты по природе в большей степени склонен к насилию, чем я. В твоём возрасте я не был агрессивен, более того – я был робок. Ты же – наоборот, и в этом похож на моего бенефактора. Он бы идеально подошел тебе в качестве учителя. Это был великий маг, но он не *видел*. Ни так, как я, ни так, как Хенаро. Я ориентируюсь в мире и живу, опираясь на *видение*. Мой бенефактор должен был жить как воин. *Видящий* не должен жить как воин или как кто-то еще, ему это ни к чему. Он *видит*, и, следовательно, все в мире предстает ему в обличье своей истинной сущности, должным образом направляя его жизнь. Но, учитывая твой характер, я должен сказать тебе, что, возможно, ты так никогда и не научишься *видеть*. В этом случае тебе придется всю жизнь быть воином.

Мой бенефактор говорил: встав на путь знания, человек постепенно осознает, что обычная жизнь для него навсегда осталась позади, что знание – страшная вещь и средства обычного мира уже не могут его защитить. Поэтому, чтобы уцелеть, нужно жить по-новому. И первое, что необходимо сделать на этом пути, – захотеть стать воином. Важное решение и важный шаг. Путь знания не оставляет выбора – идти по нему может только воин.

К тому моменту, когда человек осознает устрашающую природу знания, он осознает и то, что смерть на этом пути – верный попутчик, незаменимый партнер, который всегда рядом. Смерть является главным фактором, превращающим знание в энергию, в реальную силу. Прикосновением смерти завершается все, и все, чего она коснулась, становится силой.

На каждом повороте этого пути человек сталкивается с угрозой полного уничтожения и поэтому неизбежно начинает осознавать свою смерть. Без осознания смерти он остается только обычным человеком, совершающим заученные действия. Он не будет обладать мощью и способностью к концентрации, чтобы отведенное ему на этой земле время превратить в магическую силу.

Поэтому, чтобы стать воином, человек прежде всего должен полностью осознать свою собственную смерть. Но простое беспокойство в связи с возможностью умереть ничего не дает, лишь заставляет замкнуться на себе. Поэтому необходима отрешенность. Тогда идея неизбежности смерти не превращается в манию, а становится безличной.

Дон Хуан замолчал и посмотрел на меня, словно ждал каких-то слов.

– Ты все понял? – спросил он.

Я понял, что он сказал. Но представить себе, каким образом достигается отрешенность, не мог. Я сказал, что, судя по всему, уже добрался до той точки пути, в которой знание проявляет свою устрашающую природу. С уверенностью могу утверждать, что больше не нахожу поддержки в обычной жизни, что хочу стать воином, вернее, не хочу, а остро в этом нуждаюсь.

– Тогда тебе нужно отречься, – сказал он.

– Отречься от чего?

– Отречься от всего.

– Но это невозможно. Я не намерен становиться отшельником.

– Я не об этом. Стать отшельником – значит потакать себе, своей слабости. Отшельник не отрекается, он насильно загоняет себя в пустыню, принуждая к затворничеству, или бежит от женщины, трудностей, полагая, что это спасет его от разрушительного действия сил жизни и судьбы. Но это – самообман. Только мысль о смерти может дать человеку отрешенность, достаточную для того, чтобы принуждать себя к чему бы то ни было, равно как и для того, чтобы ни от чего не отказываться. Но это не страстная жажда, а молчаливая страсть, которую воин испытывает к жизни и ко всему, что в ней есть. Он знает, что смерть следует за ним по пятам и не даст ни за что зацепиться, поэтому он пробует все, ни к чему не привязываясь.

Отрешенный воин знает, что невозможно отвести смерть, и знает, что у него есть только одна поддержка – сила его решений. Он должен быть, так сказать, мастером своего выбора. Он должен полностью понимать, что сам целиком отвечает за свой выбор и что если он однажды сделал его, то у него нет больше времени для сожалений или упреков в свой адрес. Его решения окончательны просто потому, что его смерть не дает ему времени привязаться к чему-либо.

И таким образом, с осознанием своей смерти, своей отрешенности и силы своих решений воин размечает свою жизнь стратегически. Знание о своей смерти ведет его, делает его отрешенным и молчаливо страждущим, и сила его окончательных решений делает его способным выбирать без сожалений, и то, что он выбирает, стратегически всегда самое лучшее. Поэтому он выполняет все со вкусом и страстной эффективностью.

Когда человек ведет себя таким образом, то можно смело сказать, что он – воин и что он достиг своего терпения.

Дон Хуан спросил меня, не хочу ли я что-нибудь сказать, и я заметил, что задача, которую он только что описал, отнимет всю жизнь. Он сказал, что, хотя я слишком часто перечил ему, он знает, что в повседневной жизни я во многом вел себя как воин.

– У тебя достаточно хорошие когти, – сказал он, смеясь. – Показывай их мне время от времени. Это хорошая практика.

Он сделал жест, изображая когти, и зарычал, а потом засмеялся. Затем он откашлялся и продолжал:

– Когда воин достиг терпения, он на пути к своей *воле*. Он знает, как жить. Его смерть сидит рядом с ним на его циновке. Они друзья. Смерть загадочным образом советует ему, как варьировать обстоятельства и как жить стратегически. И воин ждет. Я бы сказал, что воин учится без всякой спешки, потому что он знает, что он ждет свою *волю*. Однажды он добьется успеха в свершении чего-то, что обычно совершенно невозможно выполнить. Он может даже не заметить своего необычного поступка. Но по мере того как он продолжает совершать необычные поступки или по мере того как необычные вещи продолжают случаться с ним, он начинает сознавать проявление какой-то силы, исходящей из его тела. Сначала она подобна зуду на животе или жжению, которое нельзя успокоить. Затем это становится болью, большим неудобством. Иногда боль и неудобство так велики, что у воина бывают конвульсии в течение месяца. Чем сильнее конвульсии, тем лучше для него. Отличной *воле* всегда предшествует сильная боль.

Когда конвульсии исчезают, воин замечает, что у него появляется странное чувство относительно вещей. Он замечает, что может, фактически, трогать все, что он хочет, тем чувством, которое исходит из его тела – из точки, находящейся в районе пупка. Это чувство есть *воля*, и когда он способен воспользоваться им, можно смело сказать, что воин – маг и что он достиг *воли*.

Дон Хуан остановился и, казалось, ждал моих замечаний или вопросов. Я был слишком занят мыслью, что маг должен испытывать боль и конвульсии, и мне было неудобно спрашивать его, должен ли я также пройти через это. Наконец после долгого молчания я спросил его об этом, и он рассмеялся, как будто ждал этого вопроса. Он сказал, что боль не является абсолютно необходимой и что он, например, никогда не испытывал ее и *воля* просто пришла к нему.

– Однажды я был в горах, – начал он, – и натолкнулся на пуму, самку. Она была большая и голодная. Я побежал, и она погналась за мной. Я влез на скалу, а она остановилась в нескольких футах, готовая к нападению. Я стал бросать в нее камни. Она зарычала и бросилась атаковать меня. И тогда моя *воля* полностью вышла; я остановил пуму до того, как она прыгнула. Я поласкал ее своей *волей*. Я действительно потрогал ею ее соски. Она посмотрела на меня сонными глазами и легла. Я побежал, как сукин сын, не дожидаясь, пока она оправится.

Дон Хуан сделал очень комичный жест, изображая человека, которому дорога жизнь, бегущего и придерживающего свою шляпу.

Я сказал ему, что мне неловко думать, что меня ожидают только самки горных львов или конвульсии. Я хотел *волю*.

– Мой бенефактор был магом с большими силами, – продолжал он. – Он был воином до мозга костей. Его *воля* была действительно его самым чудесным достижением. Но человек может пойти еще дальше. Человек может научиться *видеть*. После того как он научился *видеть*, ему не нужно больше быть ни воином, ни магом. Став *видящим*, человек становится всем, сделавшись ничем. Он как бы исчезает, и в то же время он остается. В принципе он может получить все, что только пожелает, и достичь всего, к чему бы ни устремился. Но он не желает ничего, и вместо того, чтобы забавляться, играя обычными людьми, как безмозглыми игрушками, он растворяется среди них, разделяя их глупость. Единственная разница состоит в том, что *видящий* контролирует свою глупость, а обычный человек – нет. Став *видящим*, человек теряет интерес к своим ближним. *Видение* позволяет ему отрешиться от всего, что он знал раньше.

– Меня бросает в дрожь при одной только мысли об отрешении от всего, что я знаю, – сказал я.

– Ты, должно быть, шутишь! Тебя должно бросать в дрожь не от этой мысли, а от того, что впереди у тебя нет ничего, кроме рутинного повторения одних и тех же действий в течение всей жизни. Представь человека, который из года в год выращивает зерно, и так до тех пор, пока силы не покидают его и он не падает, подобно старому болезненному псу. Все его мысли и чувства, все, что в нем есть самого лучшего, принесено в жертву одному – добыче еды, производству пропитания. Бессмысленная жертва, пустая трата времени – жить, чтобы питаться, и питаться ради жизни, и снова жить, чтобы питаться, и так – до самой смерти. Развлечения, придуманные людьми, как бы они при этом ни изощрались, – всего лишь жалкие потуги забыть, не выходя за пределы порочного круга – питаться, чтобы жить, и жить, чтобы питаться... Как по мне, то не может быть страшнее потери!

Мы – люди, и наша судьба, наше предназначение – учиться ради открытия все новых и новых непостижимых миров.

– Что, новые миры – это реальность? – спросил я недоверчиво.

– Глупый ты! Мы еще только в самом начале пути. *Видение* доступно лишь безупречному воину. Закали свой дух и стань таковым. Тогда, научившись *видеть*, ты узнаешь, что непознанным мирам нет числа и что все они – здесь, перед нами.

Глава 11

Я выполнил все поручения дона Хуана и думал, что он опять отправит меня домой, как делал последние несколько раз. Но он сказал, чтобы я остался, а на следующий день, 28 июня 1969 года, около полудня, предложил снова выкурить смесь.

– Что, опять в гости к стражу?

– Ни в коем случае. На этот раз – кое-что совсем другое.

Дон Хуан спокойно набил трубку, раскурил и протянул мне. У меня не было никаких предчувствий или опасений. После того как я выкурил трубку, дон Хуан забрал ее у меня и помог мне встать. До этого мы с ним сидели напротив друг друга на двух циновках, которые он положил посреди комнаты. Он сказал, что мы идем немного погулять, и слегка подтолкнул меня к двери. Я шагнул, ноги подкосились, и я рухнул на колени. Дон Хуан взял меня под руку и снова поставил на ноги.

– Ты должен идти. Вспомни, как ты встал прошлый раз. Иди тем же способом. Используй волю.

Но я словно врос в землю. Попытавшись сделать шаг правой ногой, я чуть было не потерял равновесие. Слегка поддерживая под правую руку, дон Хуан подтолкнул меня к двери, но ноги не держали, и я непременно расшиб бы лицо, если бы он вовремя не схватил меня за руку, смягчив падение. Он крепко взял меня под правую руку и прислонил к себе. Я ничего не чувствовал, но был уверен, что моя голова лежит у него на плече, потому что видел все под наклоном. Он вывел меня на веранду и начал водить по ней. Дважды мы с трудом обошли ее, но в конце концов я отяжелел настолько, что он уронил меня на пол. Я знал, что теперь ему не под силу сдвинуть меня с места. Я чувствовал, как что-то во мне словно наливалось свинцом. Дон Хуан даже не пытался меня поднять. Какое-то время он смотрел на меня; я лежал на спине к нему лицом. Когда я попытался ему улыбнуться, он засмеялся, а потом наклонился и хлопнул меня по животу. Ощущение было очень странное – не боль, не что-то неприятное, но что-то, о чем я не знал даже как подумать. Что-то вроде толчка. Сразу же после этого дон Хуан принялся меня катать. Я все так же ничего не чувствовал, но увидел, как вся веранда вдруг пришла во вращательное движение. Уложив меня наконец в требуемое положение, он отошел на пару шагов.

– Вставай! – приказал он. – Вставай так, как в прошлый раз, не морочь мне голову, ты знаешь, как нужно вставать. Встал! Ну!

Я настойчиво пытался вспомнить те действия, которые выполнял в таких случаях. Но я не мог ясно думать. Было так, как будто мои мысли имели собственные желания, как бы сильно я ни старался контролировать их. Наконец мне пришла в голову мысль, что если я скажу: «Встаю», как делал это раньше, то я непременно встану. Я сказал «Встаю», громко и отчетливо, но ничего не случилось.

Дон Хуан посмотрел на меня с явным недоумением, обошел вокруг и направился к двери комнаты. Я лежал на левом боку, лицом к входной двери, через которую был виден двор перед домом. Когда дон Хуан скрылся из виду, я тотчас же решил, что он ушел в комнату, и громко позвал:

– Дон Хуан!

Он не отвечал.

Мною овладело непреодолимое чувство бессилия и отчаяния. Я хотел встать. Я говорил «Встать» снова и снова, как будто это было магическим словом, которое могло заставить меня сдвинуться. Но ничего не случилось. Я был расстроен и раздражен. Мне хотелось биться головой о дверь и плакать. Я проводил мучительные минуты, когда мне хотелось двигаться или

говорить, но я не мог ни того, ни другого. Я был неподвижен, буквально парализован. Наконец мне удалось промычать:

– Дон Хуан, помоги!

Дон Хуан вернулся и уселся передо мной. Он засмеялся и сказал, что я впадаю в истерику и что все мои переживания не имеют никакого значения. Подняв мне голову и глядя в глаза, он сказал, что я поддался постыдному страху, и велел прекратить панику.

– Не усложняй себе жизнь, – сказал он, – выбрось из головы все, что лишает тебя душевного равновесия. Успокойся и приведи себя в порядок.

Он опустил мою голову на землю, перешагнул через меня, и я услышал шарканье его сандалий; больше я ничего не мог воспринимать. Он опять ушел.

Первым моим побуждением было снова начать беситься. Но энергии на это не хватило. Вместо этого я обнаружил, что вхожу в состояние редкостной ясности, и испытал чувство огромного облегчения. Я понял, в чем заключается сложность моей жизни, которую имел в виду дон Хуан. Это – мой маленький сын. Больше всего мне хотелось быть ему настоящим отцом. Я представил, как буду выковывать его характер, гулять с ним, вообще – «учить его жизни». Но мысль о том, что мне придется принуждать его вести образ жизни, подобный моему, была мне отвратительна. Тем не менее, став «примерным отцом», я неизбежно вынужден буду заниматься именно этим – заставлять его жить так, как удобно мне, либо силой, либо при помощи того хитрого сочетания аргументов, которое у нас принято называть «пониманием».

Надо оставить его в покое, подумал я, и не цепляться к нему. Я должен предоставить ему свободу.

Мысли о сыне ввергли меня в депрессивное состояние. Я начал всхлипывать, глаза наполнились слезами, и изображение веранды поплыло. Вдруг очень захотелось встать и найти дону Хуана, рассказать ему о малыше и все объяснить. В следующее мгновение я уже смотрел на то, что меня окружало, из нормального положения – я стоял на ногах! Повернувшись к двери, ведущей в комнату, я увидел дону Хуана. Он стоял прямо передо мной. Я понял, что он стоял здесь все время и никуда не уходил.

Я чувствовал, что иду, и, видимо, сделал несколько шагов, так как явно приблизился к дону Хуану. Дон Хуан подошел ко мне и взял под руки. Его лицо находилось совсем рядом.

– Молодец, очень хорошо! – похвалил он.

В то же мгновение я вдруг осознал, что происходит нечто совершенно необыкновенное. Сначала показалось, что я просто вспоминаю случай многолетней давности. Тогда я тоже смотрел на лицо дона Хуана с очень близкого расстояния после курения смеси. В тот раз мне казалось, что я вижу его лицо так, словно оно находится в прозрачном сосуде с водой. Оно было огромным, светящимся и состояло из чего-то текучего и непрерывно двигавшегося. Но тогда эта картина исчезла, едва мелькнув перед глазами, и я ничего не успел запомнить. Сейчас, однако, дон Хуан держал меня, чтобы я не упал, и времени на то, чтобы разглядеть его лицо, было предостаточно. После того как я смог встать и повернуться, я ясно увидел дону Хуана – знакомого мне дону Хуана. Он подошел ко мне и взял под руки. Это я тоже мог утверждать с полной определенностью. Но, сфокусировав взгляд на его лице, я не увидел того дона Хуана, которого привык видеть. Вместо него перед моими глазами предстало нечто большое и странное. Я знал, что это нечто – лицо дона Хуана, но знал не благодаря своему восприятию, а скорее как результат логического умозаключения – в конце концов, ведь за мгновение до этого «знакомый мне дон Хуан» держал меня под руки. Следовательно, странный светящийся предмет у меня перед глазами должен был быть его лицом. Кроме того, в нем было что-то очень знакомое и свойственное лицу дона Хуана, но в то же время какое бы то ни было сходство с его «реальным» лицом в этом светящемся объекте отсутствовало. То, на что я смотрел, было круглым предметом, излучавшим свой собственный свет. Каждая его точка находилась в непрерывном

движении. Это было сдержанное, волнообразное и ритмичное течение замкнутого в самом себе потока, никогда не выходящего за определенные границы. В то же время каждая точка на поверхности объекта переливалась каким-то собственным движением. В голову пришло, что именно так, должно быть, переливается жизнь. Действительно, движение было настолько живым и текучим, что захватило и даже загипнотизировало меня. Чем дольше я его созерцал, тем труднее было оторваться, и в конце концов я перестал отдавать себе отчет в том, что за явление у меня перед глазами.

Вдруг я почувствовал толчок, святающийся предмет запрыгал, словно его трясли, потускнел, стал плотным и неподвижным и наконец превратился в знакомое смуглое лицо дона Хуана. Он спокойно улыбнулся. Но изображение его «настоящего» лица сохранялось буквально мгновения, а потом оно вновь начало излучать свечение. Правда, это не был свет в том виде, как мы привыкли его воспринимать. Его нельзя было также назвать сиянием. Я бы сказал, что это было собственно движение, какое-то невероятно быстрое мерцание, движение в движении. Светящийся предмет опять запрыгал вверх-вниз и утратил волнообразную текучесть. Яркость стала уменьшаться, снова появилось «плотное» лицо дона Хуана – то, к которому я привык. В этот момент до моего сознания слабо дошло, что дон Хуан трясет меня. Он что-то говорил. Я ничего не понимал, но он тряс меня до тех пор, пока я не начал слышать.

– Не смотри на меня! Не смотри на меня!

Он тряс меня, видимо, для того, чтобы нарушить устойчивую фиксацию взгляда. Я явно не видел светящегося объекта до тех пор, пока не начал пристально вглядываться в его лицо. Отведя взгляд от его лица, боковым зрением я видел «плотного» дона Хуана, то есть вполне нормальное трехмерное изображение его тела. Правда, не совсем обычным было то, что, практически не глядя на него, я «видел» не только лицо, но и все тело. Однако стоило мне лишь на миг сфокусировать взгляд, как тут же лицо дона Хуана превращалось в светящийся объект.

– Вообще не смотри на меня, – зловеще сказал дон Хуан.

Я отвел глаза и уставился в пол.

– В принципе не фиксируй взгляд. Ни на чем, – приказал дон Хуан и отступил в сторону, чтобы помочь мне идти.

Я не чувствовал шагов, и сейчас мне трудно судить, насколько мне удавалось переставлять ноги, однако с помощью дона Хуана – он держал меня под руку – я умудрился пройти за дом и добраться до оросительной канавы.

– Теперь созерцай воду, – велел дон Хуан.

Я посмотрел на воду, но созерцание у меня не получалось – отвлекало течение. Дон Хуан шутливо призывал меня потренировать «силу созерцания», но я не мог сосредоточиться и снова уставился на его лицо. Свечение больше не появлялось.

Во всем теле возник зуд, похожий на ощущение, которое бывает в руке или ноге, затекшей во время сна. Появились подергивания в мышцах ног. Дон Хуан затолкал меня в воду, и я пошел ко дну. Канавка была мелкой, и, когда я лег на дно, он тут же вытащил меня обратно за правую руку, которую не отпускал с самого начала.

Приходил я в себя довольно долго. Когда через несколько часов мы вернулись в дом, я попросил его объяснить, что со мной происходило. Переодеваясь, я с воодушевлением описывал ему свои видения, но он поставил на них большой жирный крест, заявив, что они не стоят и выеденного яйца.

– Подумаешь, большое дело, – говорил он, поддразнивая меня. – Ты видел сияние, большое дело...

Я требовал объяснений. Тогда он встал и сказал, что ему нужно кое-куда сходить. Было пять часов вечера.

* * *

На следующий день я снова стал настаивать, требуя объяснить странные вещи, которые со мной происходили накануне.

– Дон Хуан, это было *видение*?

Он молчал, загадочно улыбаясь, а я все настойчивее требовал ответа.

– Скажем так: *видение* – это нечто подобное, – наконец произнес он. – Ты созерцал мое лицо и видел его как светящийся объект. Дымок иногда позволяет наблюдать такие вещи. Ничего особенного в этом нет.

– А чем отличается *видение*?

– Когда *видишь*, мир теряет привычные черты. Все, что ты видишь, ты видишь впервые, оно ни на что не похоже. Мир невероятен!

– Почему невероятен?

– Потому что не остается ничего знакомого, ничего узнаваемого. Все, что ты созерцаешь, превращается в ничто! Вчера ты не *видел*. Ты созерцал мое лицо и, поскольку ты меня любишь, видел мое свечение. Я не был ужасен, как страж, наоборот – красив и интересен. Однако это было не *видение*, так как я не превратился для тебя в ничто. Но это был первый реальный шаг к *видению*. Твоя единственная ошибка была в том, что ты сосредоточился на мне, «зацепился» за мою личность. И в этом смысле я для тебя ничуть не лучше стража. В обоих случаях ты не справился и не *видел*.

– Ты говоришь, что все превращается в ничто. Как понять это? Вещи исчезают?

– Нет, не исчезают. Они не пропадают, если ты это имеешь в виду. Все остается на своих местах, но в то же время превращается в ничто.

– Я не понимаю тебя, дон Хуан!

– Ты чертовски настойчив, когда дело доходит до болтовни! – с серьезным видом воскликнул дон Хуан. – Слушай, а может быть, мы неправильно поняли твое обещание? На самом деле ты, наверное, обещал *никогда не прекращать* болтовню.

Дон Хуан говорил довольно сурово. На лице его было выражение озабоченности. Я хотел рассмеяться, но не решился, поверив, что он и в самом деле серьезен. Но он засмеялся. Я сказал, что начинаю нервничать, если долго не разговариваю.

– Давай пройдемся, – предложил он.

Он повел меня к выходу из каньона, тянувшегося между холмами. Мы шли около часа. Добравшись, мы немного отдохнули, а потом дон Хуан повел меня сквозь густой колючий кустарник к источнику, вернее, к тому месту, где когда-то был источник. Но сейчас там было так же сухо, как и везде вокруг.

– Сядь в центре источника, – велел он.

Я повиновался и сел.

– А ты разве не собираешься здесь садиться? – спросил я, заметив, что он присматривает место возле камня у подножия холма, метрах в двадцати от источника.

Он ответил, что понаблюдает за мной оттуда. Я сидел, подтянув колени к груди. Он велел мне поджать под себя левую ногу, а правую оставить согнутой с поднятой коленкой. Сжатой в кулак правой рукой я должен был опереться о землю, а левую руку согнуть в локте на уровне груди. Дон Хуан сказал, чтобы я сидел в такой позе лицом к нему и расслабился, но, как он выразился, «не распускался». Когда я таким образом приготовился, он вытащил из сумочки какую-то беловатую веревочку, связанную в петлю. Надев петлю на шею, он сильно натянул ее левой рукой. Получились две струны, одну из которых он натянул правой рукой. Она издала протяжный вибрирующий звук.

Он немного ослабил натяжение своего «инструмента» и сказал мне особое слово, которое я должен был выкрикивать, если вдруг почувствую, что на меня кто-то набросился.

Я спросил, кто может на меня наброситься. Он велел мне молчать. Потом рукой подал знак, что начинает, но не начал, а сказал, что если нападение примет очень уж угрожающий характер, то мне следует применить прием защиты, которому он научил меня несколько лет назад. Этот прием является частью техники магической защиты. Он используется в особо опасных и критических ситуациях и представляет собой нечто вроде танца, во время которого носком левой ноги ритмично ударяют по земле, хлопая при этом себя изо всех сил по правой ляжке.

Я почувствовал себя очень неуютно и хотел спросить, чего ради он меня сюда затащил, но дон Хуан не дал мне даже рта раскрыть, начав дергать струну. Он дернул ее несколько раз с промежутками секунд в двадцать. Я обратил внимание на то, что каждый раз он изо всех сил натягивает петлю, так что рука и шея дрожали от напряжения. Звук получался очень чистый, и я заметил, что, дергая струну, он, кроме того, особым образом вскрикивает. Сочетание звука струны и этого выкрика порождало какие-то невероятные, ни на что не похожие вибрации.

На меня пока никто не нападал, но, глядя на напряженное тело дон Хуана и вслушиваясь в зловещие сверхъестественные звуки, я почти вошел в транс.

Дон Хуан немного расслабился и оглянулся на меня. Пока он играл, я видел только его спину – он стоял, повернувшись лицом в том же направлении, что и я, то есть на юго-восток.

– Когда я играю, не смотри на меня, но ни в коем случае не закрывай глаза. Смотри в землю перед собой и слушай.

Он снова натянул струну и заиграл. Я смотрел в землю и слушал, сосредоточившись на звуке. Ничего подобного мне в жизни слышать не доводилось.

Меня охватил страх. Раскаты потустороннего звука заполнили каньон и «высекли» из скал эхо. Я отчетливо слышал, как звук, издаваемый доном Хуаном, возвращается ко мне со всех сторон, отражаясь от стен каньона. Дон Хуан натянул струну сильнее, и звук стал выше, а тон эха – ниже. Потом эхо сконцентрировалось в одной точке – на юго-востоке.

Дон Хуан начал постепенно ослаблять натяжение струны, тон звука понижался до тех пор, пока не послышался последний низкий тупой удар. Он свернул веревочку, спрятал ее в сумку, подошел ко мне и помог подняться на ноги. Я обнаружил, что мышцы рук и ног у меня окаменели, одежда пропиталась потом. Я и не заметил, что так сильно потел во время его игры. Резало глаза, которые воспалились оттого, что в них затекли струйки пота.

Дон Хуан практически оттащил меня от места, где я сидел. Я хотел что-то сказать, но он закрыл мне рот ладонью.

Обратно мы пошли не той дорогой, по которой пришли. Дон Хуан повел меня в обход. Мы вскарабкались наверх по склону каньона, по холмам ушли довольно далеко в сторону от его устья и только потом повернули к дому.

Весь обратный путь мы проделали молча и пришли, когда уже совсем стемнело. Я снова попытался что-то сказать, и опять дон Хуан зажал мне рот.

Мы ничего не ели и не зажигали керосиновую лампу. Дон Хуан перенес мою циновку в свою комнату и кивнул на нее. Я решил, что он предлагает мне лечь спать.

– У меня есть для тебя хорошее занятие, – сказал дон Хуан на следующее утро, едва я протер глаза. – Как раз то, что тебе нужно. Начнешь сегодня же. У нас нет времени, ты ведь знаешь.

После долгой неловкой паузы я почувствовал, что нужно расспросить его о вчерашнем:

– Дон Хуан, что ты делал со мной вчера?

Он хихикнул совсем как ребенок.

– Стучался к духу источника. К духам такого типа нужно стучаться, потому что если источник высыхает, то дух забирается внутрь горы. Дух этого источника дремал, но вчера мне

удалось его разбудить – скажем так. Впрочем, он ничего не имел против и даже указал нам «твое» направление, – и дон Хуан кивнул на юго-восток.

– Что это за штука – струна, на которой ты играл?

– «Ловец духов».

– Можно посмотреть?

– Нет. Я тебе когда-нибудь сделаю. Или, пожалуй, лучше ты сам себе сделаешь, когда научишься *видеть*.

– А из чего она?

– Моя – это дикий вепрь. Когда у тебя будет свой «ловец духов», ты поймешь, что он – живой и может научить тебя издавать различные звуки, которые ему нравятся. По мере тренировки ты как следует освоишь свой «ловец духов», и вместе вы сможете издавать звуки, полные *силы*.

– Зачем ты водил меня на поиски духа источника?

– Скоро узнаешь.

Было утро – половина двенадцатого. Мы сидели в тени рамады. Я только что выкурил трубку смеси.

Когда тело полностью «отключилось», дон Хуан велел мне встать, что я и проделал с поразительной легкостью. Он немного помог мне сделать первый шаг. Легкость, с которой я управлял телом, меня удивила – практически самостоятельно я дважды обошел рамаду. Дон Хуан все время шел рядом, но не направлял меня и не поддерживал. Затем он взял меня под руку, повел за дом к канаве и велел созерцать воду, ни о чем не думая.

Я попытался сфокусировать взгляд на воде, но ее движение отвлекало. Мысли начали блуждать, цепляясь за детали окружающей обстановки, взгляд – тоже. Дон Хуан взял меня за голову, встряхнул и еще раз велел смотреть на воду и ни о чем не думать. Он сказал, что созерцание движущейся воды – дело сложное, но следует проявить настойчивость. Я трижды пытался, и каждый раз меня что-нибудь отвлекало. Каждый раз дон Хуан терпеливо меня встряхивал. Наконец я обнаружил, что сознание и взгляд все же зафиксировались на воде – я не видел движения, погрузившись в созерцание ее текучести. Вода стала выглядеть по-другому. Она как бы потяжелела и приобрела серовато-зеленый оттенок. Рябь, образованная течением, была чрезвычайно отчетливой.

Вдруг я почувствовал, что смотрю не на массу текущей воды, а на ее изображение – то, что было у меня перед глазами, напоминало застывший сегмент, словно вырезанный из потока воды. Рябь была неподвижной. Я мог разглядеть каждый ее изгиб. Потом она начала светиться зеленым светом, испуская что-то вроде зеленого тумана. Его становилось все больше, он светился все ярче, пока не превратился в ослепительно яркое сияние, которым было залито все.

Сейчас я не могу сказать, сколько времени я так просидел, созерцая туман. Дон Хуан меня не трогал, я полностью превратился в зеленое мерцание, которое окутывало и успокаивало меня. Не было ни мыслей, ни ощущений – только исполненное покоя осознание растворения в зеленом умиротворяющем сиянии.

Следующее, что я осознал, было ощущение холода и сырости. Постепенно придя в себя, я понял, что лежу на дне канавы. В носоглотку попала вода, я проглотил ее и закашлялся. В носу начало жечь. Я несколько раз чихнул, встал и снова чихнул с такой силой, что изрядная порция газов с характерным звуком вышла из анального отверстия. Дон Хуан хлопнул в ладоши и засмеялся.

– Тело пердит, а это значит – оно живое! – прокомментировал он.

Он знаком велел следовать за ним, и мы отправились в дом.

Хотелось покоя. Мне почему-то казалось, что настроение мое будет угрюмо-отрешенным. Однако ни усталости, ни меланхолии не было. Наоборот, я чувствовал себя прекрасно

и, быстро переодевшись, даже начал насвистывать. Дон Хуан с интересом взглянул на меня и изобразил на лице удивление: вытаращил глаза и раскрыл рот. Мне стало очень смешно – я смеялся гораздо дольше, чем это соответствовало ситуации.

– Да ты и впрямь шутник! – заметил он и сам расхохотался.

Я объяснил, что приобретение привычки становится мрачным после курения смеси не входит в мои планы. Потом я вспомнил встречи со стражем и сказал дону Хуану, что каждый раз после того, как он вытаскивал меня из оросительной канавы, я чувствовал, что *видение* – где-то рядом, стоит только внимательно смотреть на что-нибудь достаточно долго.

– Это не то. Смотреть, сохраняя покой, и *видеть* – это разные вещи, и второе вовсе не обязательно вытекает из первого, – сказал он. – *Видение* – это технический прием, которым некоторые из нас заведомо не владеют.

Он уставился на меня, как бы давая понять, что я отношусь именно к этой категории людей.

– Ты в силах идти? – спросил он.

Я ответил, что чувствую себя прекрасно, и это вполне соответствовало истине. Я не был голоден, хотя с самого утра ничего не ел. Дон Хуан бросил в рюкзак немного хлеба и несколько кусков сушеного мяса, отдал рюкзак мне и кивнул головой, предлагая следовать за ним.

– Куда мы идем? – спросил я.

Он кивком указал в сторону холмов и повел меня к тому каньону, где был источник. Но в самом каньоне мы не остались, а свернули направо, по скалистому склону взобрались наверх и пошли к вершине одного из холмов. Солнце уже почти коснулось горизонта. Несмотря на прохладу, мне было жарко. Я запыхался и хватал воздух ртом.

Дон Хуан ушел далеко вперед и вынужден был остановиться, поджидая меня. Он сказал, что я в отвратительной форме и мы вряд ли поступим мудро, если пойдем дальше. Я отдыхал около часа. Дон Хуан выбрал большой гладкий валун почти идеально круглой формы и велел мне лечь на него животом вниз. Он велел мне свесить руки и ноги и полностью их расслабить. Полностью расслабившись, я свободно лежал на камне, а руки, ноги и голова свисали вниз. Спина изогнулась, так что поясница была вверху. В этой позе я провел примерно пятнадцать минут. Потом дон Хуан велел мне перевернуться на спину и расстегнуть одежду, обнажив живот. Он тщательно выбрал немного листьев и кучкой высыпал их на него. Сразу же по всему телу разлилось тепло. После этого дон Хуан взял меня за ноги и развернул головой на юго-восток.

– Теперь позовем духа источника, – сказал он.

Я попытался повернуть голову, чтобы взглянуть на него, но он с силой удержал меня за волосы и объяснил, что из-за плохой физической формы я сейчас очень уязвим, поэтому должен лежать спокойно и неподвижно. Ветки и листья, которые он положил мне на живот, – особенные, они будут меня защищать. Сам он останется рядом, чтобы в случае чего помочь – вдруг я не справлюсь.

Дон Хуан встал надо мной, прямо за моей головой, так что, поднимая глаза, я мог его видеть. Он вытаскил свой «ловец духов» и натянул его, и тут заметил, что я за ним наблюдаю. Тогда он легонько щелкнул меня по макушке костяшками пальцев и велел смотреть в небо, не закрывая глаз, и сосредоточиться на звуке. Затем, как бы между прочим, добавил, что если вдруг на меня кто-то нападет, нужно не колеблясь выкрикивать то слово, которое он сказал мне вчера.

Дон Хуан и «ловец духов» начали с низкого звука. Постепенно напряжение струны увеличивалось, и я услышал что-то похожее на реверберацию, а потом – четкое эхо, отозвавшееся с юго-востока. Натяжение все увеличивалось. Дуэт «дон Хуан – ловец духов» был безупречен. Дон Хуан усиливал низкий звук струны, превращая его в пронзительный вопль, завывание, от

которого в жилах стыла кровь. В пределе это переходило в жуткий потусторонний визг, совершенно невероятный с точки зрения всего моего жизненного опыта.

Звук метался между горами и вновь возвращался к нам. Я вообразил, что звук возвращается именно ко мне. Вдруг со мной начало твориться что-то странное – непонятным образом изменилась температура тела. До того как дон Хуан приступил к извлечению своих диких звуков, мне было тепло и уютно, но когда его завывания достигли пика, меня затрясло, зубы начали стучать, и возникло явственное ощущение, что на меня впрямь что-то набросилось. В какое-то мгновение я заметил, что небо потемнело, – я смотрел вверх, но не осознавал его. Жуткая паника охватила меня, и я что было сил заорал заветное слово.

Дон Хуан сразу же начал сбавлять интенсивность, звуки сделались менее душераздирающими, но легче мне от этого не стало.

– Заткни уши, – буркнул дон Хуан.

Я зажал уши ладонями. Через несколько минут дон Хуан прекратил издавать звуки и подошел ко мне. Убрав листья и ветки с моего живота, он помог мне встать и аккуратно сложил их на тот камень, где я отдыхал. Из своей сумки он достал другие листья и натер мне ими живот, а те, что лежали на камне, поджег.

Когда я хотел сообщить ему, что страшно болит голова, он зажал мне рот ладонью.

Мы сидели там, пока все листья не догорели. К этому времени совсем стемнело. Мы начали спускаться с холма, и меня вырвало.

Когда мы шли вдоль оросительной канавы, дон Хуан сказал, что я сделал достаточно и должен уехать. Я спросил, что такое дух источника, но он жестом велел мне молчать.

– Об этом – в другой раз, – сказал он.

Потом он сменил тему и пустился в длинные объяснения по поводу *видения*. Я заметил, что не могу писать в темноте и это досадно. Но он сказал, что стремление все записывать не позволяет мне сосредоточиться на смысле его слов.

Он говорил, что *видение* не имеет отношения к *союзникам* и магическим приемам. Маг – это человек, способный управлять *союзником* и манипулировать им в своих целях. Но сам факт управления *союзником* вовсе не означает, что маг умеет *видеть*. Я напомнил дону Хуану его слова о том, что, не имея *союзника*, невозможно *видеть*. Дон Хуан очень спокойно ответил, что пришел к выводу о возможности *видеть*, не управляя *союзником*.

– Собственно, почему бы и нет? Ведь *видение* не имеет никакого отношения к технике магических манипуляций, – сказал он. – Цель всех магических приемов – воздействие на других людей. А *видение* на других никак не влияет.

В голове у меня все встало на свои места. Пока мы шли, я не испытывал ни сонливости, ни усталости, но ужасно хотел есть и, когда мы пришли, съел слишком много.

Потом я попросил дону Хуана рассказать мне еще что-нибудь о *видении*. Он широко улыбнулся и сказал, что я, похоже, окончательно пришел в себя.

Я спросил:

– Что значит: «*видение* не влияет на других людей»?

– Я уже рассказывал тебе об этом. *Видение* – это не магия. Правда, его легко спутать с магией, потому что *видящий* без труда может научиться управлять *союзником* и стать магом. С другой стороны, можно освоить приемы управления *союзником* и сделаться магом, но так никогда и не научиться *видеть*. Кроме того, *видение* по сути своей противоположно магии, потому что показывает неважность всего этого.

– Неважность чего, дон Хуан?

– Неважность всего.

На этом разговор закончился. Я был в состоянии глубокого расслабления, говорить не хотелось. Положив под голову свернутую штормовку, я удобно устроился на своей циновке, поставил рядом керосиновую лампу и в течение нескольких часов писал.

Вдруг дон Хуан снова заговорил:

– У тебя сегодня неплохо получилось с водой. Ты понравился духу источника, и он тебе помогает.

Я вспомнил, что ничего не рассказал ему, и начал было говорить о том, как воспринял воду, но он прервал меня:

– Я знаю. Ты воспринимал светящийся зеленый туман.

– Откуда ты знаешь? – не удержался я от вопроса.

– *Видал* тебя.

– И что я делал?

– Ничего. Просто сидел, созерцал воду и в конце концов начал воспринимать зеленый туман.

– Это было *видение*?

– Не совсем, но ты подобрался почти вплотную.

Я заметно воодушевился. Хотелось узнать об этом как можно больше. Он засмеялся и прошелся по поводу моего нетерпения, заявив, что зеленый туман может воспринять любой дурак – это явление того же типа, что и страж, оно неизбежно возникает при восприятии воды, и в том, что я этот туман увидел, ничего особенного нет.

– Говоря, что у тебя неплохо получилось, я имел в виду, что ты не дергался, как тогда со стражем. Если бы ты застрял там, мне бы пришлось трясти тебя за голову, чтобы оттуда выдернуть. Бенефактор того, кто погружается в зеленый туман, должен все время быть начеку на случай, если туман поймает ученика. От стража можно улизнуть самостоятельно, но уйти от зеленого тумана без посторонней помощи нельзя. По крайней мере вначале. Потом ты научишься выбираться без меня. А пока займемся другим вопросом.

– Каким?

– Посмотрим, сможешь ли ты *увидеть* воду.

– Как я узнаю, что *вижу* или *видал* ее?

– Ты узнаешь об этом очень скоро.

Глава 12

Разбираясь в своих полевых записях, я натолкнулся на несколько любопытных вопросов. Это было 8 августа 1969 года. Мы с доном Хуаном сидели в тени рамады его дома.

Я спросил:

– Зеленый туман – это что-то вроде стража? Его тоже нужно преодолеть, чтобы *видеть*?

– Да. Преодолевать приходится все.

– А как мне преодолеть зеленый туман?

– Так же как и стража – заставив его превратиться в ничто.

– Что для этого следует делать?

– Ничего. Тебе намного легче справиться с зеленым туманом, чем со стражем. Ты нравишься духу источника, а страж был явно не для твоего характера. Его ты по-настоящему не *видел*.

– Наверное потому, что он мне не понравился. А если бы понравился? Ведь некоторым тот страж, которого я видел, наверняка показался бы красивым. Они смогли бы одолеть его?

– Нет. Никак ты не поймешь. Совершенно не важно – нравится тебе страж или нет. Пока ты будешь испытывать к нему хоть какое-то чувство, он останется неизменным – чудовищным, красивым или каким-то там еще. Но если ты будешь бесстрастным, он превратится в ничто. Нет, он никуда не денется, и в то же время он превратится в ничто.

В утверждении, что столь грандиозное явление, как страж, может превратиться в ничто, оставаясь, тем не менее, перед глазами, не было никакого смысла. Я подумал, что это – одна из алогичных предпосылок системы знания дона Хуана. В то же время я не сомневался, что он сможет объяснить мне это, если захочет. Поэтому я спросил:

– Что ты имеешь в виду?

– Ты думал о его омерзительности. Он был жутких размеров. Он плевался. Он был чудовищем. Ты знаешь, что подразумевается под всеми этими понятиями. Поэтому для тебя страж все время является чем-то таким, что ты знаешь, что тебе известно, – и пока это так, *увидеть* его невозможно. Я уже говорил тебе – страж должен превратиться в ничто, оставаясь неизменным перед тобой. Он должен оставаться на месте и в то же время быть ничем.

– Ну как это? Дон Хуан, это же – абсурд.

– Да. Но таково *видение*. О нем невозможно говорить. Чтобы научиться *видению*, нужно *видеть*. С водой у тебя явно нет проблем. Тогда ты ее почти *видел*. Вода – твой «конек». Тебе осталось только отработать технику. Кроме того, у тебя есть могучий помощник – дух источника.

– Кстати, о духе источника. Этот вопрос меня очень интересует.

– Тебя может интересовать все что угодно, но говорить о духе источника, находясь на его территории, не стоит. Здесь о нем лучше даже не упоминать. Иначе он схватит тебя, и никто уже не сможет тебе помочь. Так что помалкивай и думай о чем-нибудь другом.

На следующее утро около десяти часов утра дон Хуан вытащил из чехла трубку, набил ее смесью, дал мне и велел отнести на берег канавы. Держа обеими руками трубку, я умудрился расстегнуть рубашку и засунуть трубку за пазуху. Дон Хуан нес две циновки и поднос с тлеющими углями. Мы сели на циновки в тени деревьев бреа на берегу у самой воды. Дон Хуан положил в трубку уголек и протянул ее мне. Я не испытывал ни опасений, ни особого энтузиазма. Почему-то вспомнилось редкое чувство интереса и благоговения, возникшее у меня во время второй попытки *видеть* стража, уже после того, как дон Хуан объяснил, кем страж является на самом деле. Но сейчас не было никаких эмоций, кроме любопытства, хотя дон Хуан и предупредил меня, что на этот раз я, возможно, по-настоящему *уввижу* воду.

Дон Хуан заставил меня выкурить не одну, а две трубки подряд. В какой-то момент он наклонился ко мне и в самое ухо прошептал, что собирается научить меня использовать воду для перемещения в пространстве. Он наклонился так близко, что почти касался губами моего уха, и велел смотреть не вглубь воды, а сосредоточивать внимание на ее поверхности до тех пор, пока не появится зеленый туман. Снова и снова он повторял:

– Все внимание концентрируй на тумане, пока не перестанешь различать что бы то ни было еще.

Потом я услышал его слова:

– Смотри на воду прямо перед собой, но не позволяй ее журчанию увести тебя. Если ты уйдешь со звуком воды, я не смогу найти тебя и вынуть. Теперь – вперед, в зеленый туман, и слушай мой голос.

Я все слышал и понимал чрезвычайно ясно. Сосредоточенно глядя на воду, я ощутил нечто вроде физического удовольствия, какое-то неопределенное наслаждение, похожее на внутренний зуд. Я долго всматривался, но зеленого тумана все не было.

Неожиданно я потерял контроль над глазами. Может, я моргнул, а может, закрыл глаза на чуть более длительное время – где-то на секунду, или просто не смог уследить за фокусировкой, но, как бы то ни было, вода остановилась.

Движение полностью прекратилось; я словно смотрел на изображение неподвижной ряби, мастерски написанное маслом. Потом вода зашипела, словно в ней мгновенно образовалась масса пузырьков углекислого газа. Через мгновение я увидел, что шипением сопровождался процесс медленного распространения зеленой материи, своего рода постепенный беззвучный взрыв, превративший воду в зеленый туман, который распространялся, пока полностью не окутал меня, заполнив собою все пространство.

Я был погружен в него до тех пор, пока острый, протяжный и резкий звук не всколыхнул все вокруг. Обычные черты водной поверхности снова появились перед глазами, и я как бы «влился» в них. Звук оказался не чем иным, как диким воплем дона Хуана: «Э-э-э-э-э-э-эй!» Он орал у самого моего уха. Потом велел мне внимательно следить за его голосом и, снова погружившись в туман, ждать, когда он меня позовет. Я по-английски ответил «О'кей» и услышал его хохот, похожий на гусиное гоготанье.

– Пожалуйста, не разговаривай, – сказал дон Хуан, – давай впредь обойдемся без твоих «о'кей».

Я слышал его очень хорошо. Звук голоса был мелодичным и, прежде всего, дружелюбным. Я знал это, не думая. Уверенность в том, что он именно таков, возникла и промелькнула в сознании без каких бы то ни было формулировок.

Голос дона Хуана приказал мне сосредоточить все внимание на тумане, но не поддаваться ему. Он несколько раз повторил, что воин не должен поддаваться ничему, даже собственной смерти. Я снова погрузился в туман и обнаружил, что это, оказывается, вовсе даже не туман. По крайней мере, он не соответствовал моему представлению о тумане. Туманоподобное явление было составлено из мельчайших пузырьков, которые мягко врывались в мое поле зрения, пересекали его и уплывали прочь. Какое-то время я их созерцал, но потом громкий далекий звук «оторвал» мое внимание от концентрации на них, и я снова видел только зеленое аморфное туманоподобное свечение. Звук повторился и рассеял туман. Я сидел на берегу оросительной канавы и смотрел на воду. Звук повторился еще раз, гораздо ближе. Это был голос дона Хуана. Дон Хуан говорил, что мне следует следить за его голосом, потому что другого проводника у меня нет. Он велел смотреть на берег и на растительность прямо перед собой. Я увидел тростник и небольшое пространство, где тростника не было, – маленький заливчик, из которого дон Хуан обычно набирал ведром воду. Через несколько секунд дон Хуан велел мне возвращаться в туман и снова попросил внимательно следить за голосом, потому что он будет указывать мне,

как научиться перемещаться. Он сказал, что, едва увидев пузырьки, я должен буду взобраться на один из них и позволить ему меня нести.

Я подчинился и сразу же провалился в зеленый туман. Потом появились пузырьки. Голос дон Хуана воспринимался как очень странный и пугающий грохот. Услышав его, я тут же перестал видеть пузырьки.

– Заберись на один из пузырьков, – услышал я.

Я изо всех сил старался одновременно сохранять восприятие пузырьков и слышать голос. Не знаю, сколько времени я боролся, однако в какой-то момент осознал, что все же могу слушать дон Хуана, не теряя из виду пузырьки, которые все плыли и плыли, пересекая поле моего зрения. Дон Хуан настойчиво требовал, чтобы я зацепился за один из них.

Мне стало интересно, каким образом это можно осуществить, и я автоматически спросил: «Как?» Слово было похоже на буй, на котором я всплыл из глубин своего существа. Я услышал свой голос. Он звучал как собачий вой. В ответ дон Хуан взвыл по-собачьи, а потом добавил несколько завываний койота, после чего рассмеялся. Я подумал, что это действительно смешно, и тоже засмеялся.

Дон Хуан очень спокойно сказал, чтобы я цеплялся за пузырек.

– Погружайся в туман, – велел он. – В туман!

Я вернулся в туман и обнаружил, что движение пузырьков замедлилось и они стали величиной с баскетбольный мяч. Теперь они были такими большими и двигались так медленно, что их можно было как следует рассмотреть. Это не были пузырьки, они не походили ни на мыльные пузыри, ни на воздушные шары, ни на какие-либо сферические емкости. В них ничего не содержалось, они не имели границ и в то же время сохраняли форму и двигались. Не были они также и круглыми, хотя в самом начале, только начав их различать, я был уверен, что они круглые, и пузырьки были первым образом, возникшим в сознании. Я смотрел на них как через окно, рама которого мешала мне проследить весь их путь; они врывались в поле зрения, пересекали его и уплывали прочь.

Однако стоило мне перестать считать их пузырьками, как я тут же смог следить за ними, что в свою очередь позволило мне зацепиться за один из них и поплыть вместе с ним. Я действительно чувствовал, что двигаюсь. Фактически я сам был пузырьком или чем-то напоминающим его.

Затем я услышал голос дон Хуана. Его звук настойчиво толкал меня, и я утратил это ощущение. Звук был ужасно пугающим, он слышался откуда-то очень издалека. Впечатление было таким, словно он выкован из металла и произносит его какой-то жуткий громкоговоритель.

– Посмотри на берег!

Я увидел большую массу воды и слышал ее шум.

– Посмотри на берег! – снова велел дон Хуан.

Я увидел бетонную стену. Шум воды стал ужасающе громким. Он поглотил меня и внезапно прекратился, как будто его отключили или обрезают. Я провалился в ощущение черноты, сна.

Я осознал, что лежу в канаве. Дон Хуан что-то бормотал и брызгал водой мне в лицо. Потом с головой окунул меня в воду, вытащил, за шиворот подтянул к берегу и оставил лежать в воде, уложив голову на край канавы. Рукам и ногам было очень приятно. Я вытянул их. Глаза болели от усталости. Я поднял руку, чтобы их протереть. Это оказалось очень трудно – рука была тяжелой, мне едва удалось приподнять ее над водой, но, сделав это, я обнаружил, что она вся покрыта зеленым туманом. Сама рука выглядела темным пятном в массе тумана, окруженным интенсивным зеленоватым свечением. Я поспешно вскочил на ноги и, стоя по колено в воде посреди канавы, посмотрел на свое тело – оно было глубокого зеленого цвета.

Цвет был настолько интенсивным, что вызвал ощущение вязкости и текучести. Я был похож на фигурку из корня дурмана, которую дон Хуан сделал для меня несколько лет назад.

Дон Хуан велел мне выйти из воды. Я обратил внимание на его тон – это был приказ.

– Я зеленый, – заявил я.

– Прекрати! – приказал он. – У тебя нет времени. Вода уже почти поймала тебя. Убирайся оттуда! Быстро!

Я в панике выскочил на берег.

– На этот раз ты должен подробно рассказать мне обо всем, – сказал дон Хуан таким тоном, словно это само собой разумеется.

Последовательность событий, однако, его не интересовала. Он хотел детально знать только одно – что я видел после указания смотреть на берег. Я описал стену. Он спросил:

– Стена была справа или слева от тебя?

– Она была прямо передо мной.

– Нет, она должна была быть либо справа, либо слева. В то мгновение, когда ты только заметил ее, где она была? Закрой глаза и не открывай пока не вспомнишь.

Он встал и, пока я вспоминал с закрытыми глазами, развернул меня лицом на восток – так я сидел на берегу. Потом он спросил, в каком направлении я двигался.

Я ответил, что вперед. Тогда он потребовал, чтобы я вернулся к тому моменту, когда увидел пузырьки.

– Как они двигались? – спросил он.

Дон Хуан требовал, чтобы я вспомнил, и наконец я признал, что пузырьки вроде бы двигались вправо. Но я был не настолько в этом уверен, как ему хотелось бы. В результате учиненного мне допроса я осознал, что не способен классифицировать свои переживания. Сначала пузырьки двигались вправо, но потом, когда их размеры увеличились, они стали появляться отовсюду. Некоторые наплывали прямо на меня, остальные двигались во всевозможных направлениях. Были пузырьки, которые проплывали над и подо мною. Они были везде, со всех сторон. Я вспомнил их шипение; вероятно, восприятие пузырьков осуществлялось не только визуально, но и на слух.

Когда пузырьки выросли до такой степени, что я смог «взобраться» на один из них, стало «видно», как они трутся друг о друга, подобно детским воздушным шарам, связанным в гроздь.

Мое волнение усилилось, когда я вспомнил подробности моего восприятия. Но дон Хуана, однако, это не интересовало. Я сказал ему, что видел шипение пузырьков. Это было не чисто слуховым или визуальным эффектом, а чем-то неопределенным, тем не менее кристально ясным. Пузырьки терлись друг о друга. Я не видел и не слышал их движения, я чувствовал его; я сам был частью этого движения и звука.

Воспоминание потрясло меня. Я нервно схватил дону Хуана за руку. Я понял, что у пузырьков отсутствовала внешняя граница, и в то же время они находились в какой-то среде; контуры их непрерывно менялись и выглядели какими-то неровными, зазубренными. Пузырьки сливались и разделялись с огромной скоростью, но их движение не слепило. Они двигались быстро и в то же время медленно.

Рассказывая о своем переживании, я вспомнил еще одно – окраску пузырьков. Они были прозрачными, очень яркими и казались почти зелеными, хотя это и не было цветом в привычном смысле.

– Ты отклонился от темы, – сказал дон Хуан. – Это все не важно. Ты цепляешься за мелочи. Единственное, что имеет значение, – это направление твоего движения.

Я мог вспомнить только то, что в моем перемещении не было точки отсчета. Но дон Хуан решил, что если сначала пузырьки двигались в основном вправо, то есть на юг, значит, следует обратить внимание именно на это направление.

Я вновь попытался вспомнить подробности.

Когда дон Хуан меня позвал и я, так сказать, «вынырнул», стена была слева. Она поднималась из воды совсем рядом, и я мог различить отпечатки опалубки, в которую заливался бетон и которая, похоже, была сделана из узких, плотно сбитых досок. Стена была очень высокой, я видел один ее конец со сглаженным углом.

Какое-то время дон Хуан сидел молча, как бы задумавшись о смысле моего переживания. Наконец он сказал, что ожидал от меня большего.

– Чего большего?

Он не ответил, а только выпятил губы.

– Ну ладно, все равно ты молодец. Сегодня ты узнал, как *брухо* используют воду для перемещения.

– Но я *видел*?

Он с интересом взглянул на меня и сказал, что я сам смогу ответить на этот вопрос, но только после того, как еще много раз побываю в зеленом тумане. Он немного изменил тему разговора, пояснив, что мне все же не удалось в полной мере научиться использовать воду, а удалось только узнать, как это делается в принципе, и что он специально велел мне посмотреть на берег потока, чтобы я мог убедиться в реальности перемещения.

– Ты перемещался очень быстро, – сказал он. – Прямо как маг, хорошо владеющий этим приемом. Мне было тяжело за тобой угнаться.

– Ты не мог бы мне объяснить все с начала? – попросил я.

Он засмеялся, медленно и как бы с недоверием покачивая головой:

– Вечно ты все хочешь знать с начала. Но начала не бывает вообще. Любое начало существует лишь в нашем воображении.

– А мне кажется, все началось тогда, когда я курил, сидя на берегу, – сказал я.

– Но перед тем, как дать тебе трубку, я знал, что именно с тобой нужно сделать. Может, мне и следовало объяснить тебе это, но я не могу, потому что это уведет меня совсем в другую сторону. Поэтому лучше не думай ни о каком начале – тебе будет легче.

– Ладно, пусть так. Тогда расскажи, что происходило после того, как я сел на берегу и выкурил трубку.

– Но ведь ты сам уже об этом рассказал, – со смехом заявил он.

– То, что я рассказал, – важно, дон Хуан?

Он пожал плечами.

– Ты очень хорошо вспомнил все мои команды, без осложнений входя в туман и выходя из него. Потом ты слушал мой голос и выбирался всякий раз, когда я тебя звал. Это была тренировка. Дальше – все просто. Ты позволил туману себя унести, действуя при этом так, словно отлично знал, что делаешь. Когда ты забрался очень далеко, я позвал тебя и заставил взглянуть на берег, чтобы ты понял, как далеко тебя занесло. А потом я вытащил тебя оттуда.

– Ты хочешь сказать, дон Хуан, что я и в самом деле путешествовал с водой?

– Да. И притом – очень далеко.

– Насколько далеко?

– Ты вряд ли поверишь.

Я упрашивал, чтобы он ответил, но он заявил, что должен ненадолго уйти. Я настаивал, требуя хотя бы намека.

– Мне не нравится, когда меня держат в неведении, – сказал я.

– Ты сам себя держишь в неведении. Вспомни стену, которую видел. Сядь сюда, на циновку, и вспомни все до мельчайших подробностей. Тогда, может быть, до тебя дойдет, где ты был. Я знаю только одно – ты забрался ужасно далеко, потому что мне стоило огромного труда вытащить тебя оттуда. Если бы меня не было рядом, ты мог бы уйти навсегда. Тогда от тебя остался бы только холодный труп на берегу канавы. Тебе не удалось бы вернуться само-

стоятельно. Хотя кто знает – с тобой ни в чем нельзя быть уверенным. Так что, судя по тем усилиям, которые от меня потребовались, чтобы тебя вернуть, ты был уже где-то...

Он помолчал, дружелюбно меня разглядывая.

– Ну, если я добрался до гор Центральной Мексики, то мне даже трудно представить, куда занесло тебя. Наверное, в Лос-Анджелес, а может – и в Бразилию.

На следующий день дон Хуан вернулся только под вечер. Пока его не было, я записал все, что смог вспомнить о вчерашнем путешествии. Занимаясь этим, я тщательно осмотрел берега оросительной канавы выше и ниже по течению от того места, где сидел. Меня интересовало, нет ли поблизости чего-нибудь такого, что могло бы вызвать в моем сознании образ бетонной стены. Я подозревал, что пока я был в трансе, дон Хуан вполне мог заставить меня прогуляться вдоль канавы и по пути «зацепить» мое внимание за что-то, напоминающее виденную мною стену. За время, прошедшее между первым появлением зеленого тумана и моментом, когда я выскочил из канавы, можно было проделать путь максимум в три с половиной – четыре километра. Вряд ли он мог заставить меня передвигаться быстрее. Поэтому я тщательно исследовал берег в пределах четырех километров вверх и вниз по течению. Но это была обычная прямая оросительная канава шириной около полутора метров на всем своем протяжении, и нигде не было ничего, хоть сколько-нибудь напоминающего бетонную стену.

Когда дон Хуан появился, я схватил его за руку, усадил и потребовал, чтобы он выслушал все, что я написал. Он слушал без улыбки, глядя вдаль. Судя по всему, он думал.

– Надеюсь, ты уже понял, – слова его звучали сурово, – что смертельно опасно все. Вода – ничуть не меньше, чем страж. Если не следить за собой и не контролировать свои действия, она вполне может поймать и не отпустить. Вчера с тобой это едва не случилось. Но чтобы попасться, человек должен этого желать. В этом твоя проблема. Ты *хочешь* поддаться.

Я не понимал, о чем он говорит. Неожиданным разносом он полностью сбил меня с толку. Я очень мягко попросил объяснить, что произошло. Он нехотя сказал, что ходил в водный каньон, *видел* духа источника и теперь убежден, что свой шанс *увидеть* воду я упустил.

– Как? – спросил я с искренним недоумением.

– Дух – это сила, которая считается только с силой. В ее присутствии нельзя быть слабым. Ты снова индугировал.

– Когда?

– Вчера, когда позеленел, сидя в воде.

– Я не индугировал. Я считал это важным моментом и потому рассказал тебе.

– Кто ты такой, чтобы думать или решать, что важно, а что – нет? Ты ничего не знаешь о силах, с которыми входишь в контакт. Дух источника существует, и он мог бы тебе помочь. Более того, он тебе помогал до тех пор, пока ты не свалил дурака. А теперь я даже не знаю, что из всего этого получится. Ты уступил силе хозяина, и теперь он в любой момент может завладеть тобой.

– Что, мне не нужно было смотреть на себя, когда я позеленел?

– Ты отказался от себя. Это было неправильно. Я уже говорил тебе и повторяю вновь – в мире *брухо* может выжить только воин. Воин относится ко всему с уважением; он не идет напролом без необходимости. Вчера ты отнесся к воде без должного уважения. Обычно ты ведешь себя очень хорошо. Но вчера ты отказался от себя в пользу смерти; ты поддался ей, как последний болван. Воин никогда не сдается, даже перед лицом смерти. Воин ни у кого не идет на поводу; он сам по себе и всегда недоступен. Вовлекаясь во что-то, он всегда полностью осознает, что делает.

Я не знал, что сказать. Дон Хуан казался рассерженным. Меня это очень беспокоило, потому что таким он был со мной крайне редко. Я сказал, что понятия не имел, что делаю что-то не так. После нескольких минут напряженной тишины он снял шляпу и с улыбкой сказал, что мне нельзя больше здесь оставаться. Я должен уехать и не появляться в его доме до тех пор,

пока не обрету контроль над своей слабостью и не перестану ей потакать. Он особо обратил внимание на то, что в течение трех-четырех месяцев вода не должна касаться моего тела.

– Но я не могу обойтись без душа!

Дон Хуан смеялся до слез.

– Ах, он не может без душа! Временами ты настолько слаб, что мне начинает казаться, что ты меня разыгрываешь. Но это не шутка. Иногда ты теряешь контроль и силы твоей жизни легко захватывают тебя.

Я возразил, что человек не может постоянно себя контролировать. Он сказал, что для воина не существует ничего вне контроля. Тогда я заговорил о роли случайностей в нашей жизни. Я сказал, что все, происшедшее со мной в воде, можно расценивать именно как случайность, поскольку я не знал о своем неправильном поведении и не осознавал его. Я говорил о различных несчастьях, происходящих с людьми, которые можно было бы объяснить случайностью. В частности, я упомянул о Лукасе, симпатичном старом индейце-яки, который сильно пострадал, перевернувшись на грузовике.

– Мне кажется, невозможно избежать случайностей, – сказал я. – Никто не в силах полностью контролировать ситуацию и управлять всем, что вокруг него происходит.

– Верно, – согласился дон Хуан. – Но далеко не всякая случайность неизбежна. Лукас не воин. Если бы он был воином, знающим о своем ожидании и о его цели, он ни за что бы не сел за руль пьяным. В скалу он врезался только потому, что был пьян, и ни за грош покалечил свое тело.

Воин всю жизнь отрабатывает стратегию – а ты хочешь найти смысл жизни. Воин не заботится о смысле. Если бы Лукас жил как воин – а у него такая возможность была, как, впрочем, она есть у любого другого, – он организовал бы свою жизнь стратегически. И если бы он даже не мог предотвратить аварию, в которой ему раздробило ребра, он смог бы смягчить удар, или избежать последствий, или же преодолеть их. Если бы Лукас был воином, он не сидел бы сейчас в своей полуразвалившейся лачуге, медленно умирая от недоедания. Воин сражался бы до конца.

Я предложил взять в качестве примера самого дона Хуана. Я спросил, что бы он делал, если бы попал в аварию и лишился, скажем, ног.

– Если бы я ничего не смог сделать и потерял бы ноги, я больше не оставался бы полноценным воином. Поэтому я ушел бы к тому, что ждет меня там.

Он обвел рукой все вокруг.

Я сказал ему, что он неправильно меня понял. Я имел в виду, что никто не может предвидеть все случайности, подстерегающие его в повседневной жизни.

– Я могу сказать тебе только одно – воин недоступен. Он никогда не стоит посреди дороги, ожидая, пока что-нибудь его пришибет. Он сводит к минимуму возможность возникновения непредвиденных ситуаций. Того, что люди называют случайностями, почти всегда можно легко избежать. Обычно такие вещи происходят с дураками, вся жизнь которых – сплошное разгильдяйство.

– Но ведь невозможно двадцать четыре часа в сутки думать и жить стратегически, – сказал я. – Представь, например, что кто-то дожидается тебя с мощной винтовкой, снабженной оптическим прицелом. Он может уложить тебя с расстояния в полкилометра. Что ты сделаешь в подобной ситуации?

Дон Хуан недоверчиво взглянул на меня и расхохотался.

– Так все-таки, что ты сделаешь? – настаивал я.

– Если кто-то ждет меня с винтовкой?

– Да, если кто-то спрятался и ждет тебя. У тебя не будет ни единого шанса. Ты ведь не сможешь остановить пулю.

– Нет, не смогу. Но я все равно не понимаю, к чему ты клонишь.

- Да к тому, что в подобной ситуации никакая стратегия не поможет.
- О, еще как поможет! Если кто-нибудь будет ждать меня, вооружившись мощной винтовкой с оптическим прицелом, то *меня просто там не окажется.*

Глава 13

Очередную попытку *видеть* я сделал 3 сентября 1969 года. Дон Хуан дал мне выкурить две трубки смеси. Начальный эффект был таким же, как и во всех предыдущих случаях. Когда тело полностью онемело, дон Хуан взял меня под руку и повел в густой чапараль, заросли которого простирались в пустыне вокруг его дома на многие километры. Я не могу вспомнить ни того, что происходило, когда мы вошли в чапараль, ни того, как долго мы шли. В какой-то момент я обнаружил, что сижу на вершине небольшого холма. Дон Хуан сидел слева от меня, совсем рядом, он даже слегка касался меня плечом. Онемевшее тело ничего не ощущало, но краем глаза я его видел. Мне показалось, что он говорит, но зафиксировать и запомнить слова я не мог. В то же время я чувствовал, что точно знаю, о чем он говорит, несмотря на неспособность восстановить в памяти слова. Это было похоже на уходящий вдаль поезд, и я видел только квадратную заднюю стенку последнего вагона. Я знал, каким было последнее слово, но ни выговорить его ясно, ни ясно о нем думать не мог. Состояние напоминало полудрему с видением поезда из слов.

Вдруг я четко услышал голос дона Хуана.

– Теперь смотри на меня, – сказал он и повернул мою голову лицом к себе. Он повторил эту фразу три или четыре раза.

Я посмотрел и сразу же увидел сияние, которое уже дважды воспринимал, глядя на его лицо, – гипнотизирующее движение, волнообразное течение света в некотором объеме. Этот объем вроде и не был ничем ограничен, однако текучий свет никогда не выходил за какой-то невидимый контур. Я пытался рассмотреть светящийся объект по частям, как бы сканируя его глазами; он сразу потускнел, яркость свечения уменьшилась, и из него проступили знакомые черты лица дона Хуана – вернее, изображение его лица оказалось как бы наложенным на объект. Должно быть, я снова неподвижно сфокусировал глаза, потому что черты лица дона Хуана поблекли, а сияние опять стало ярким. Я сосредоточил внимание на той части объекта, где должен был находиться левый глаз дона Хуана, и заметил, что там сияние выходило за пределы объекта. Это выглядело как ритмично повторяющиеся вспышки, из которых выбрасывались частицы света. Они с силой вылетали в мою сторону и снова возвращались, как на резинке.

Должно быть, дон Хуан повернул мою голову на сто восемьдесят градусов, потому что я вдруг обнаружил, что смотрю на вспаханное поле.

– Смотри прямо перед собой, – услышал я голос дона Хуана.

Передо мной, метрах в ста пятидесяти, находился длинный большой холм, весь склон которого был распахан. Борозды располагались строго параллельно друг другу от подножия до самой вершины холма. На вспаханном участке я заметил множество мелких камней и три большие каменные глыбы, нарушавшие геометрию рисунка борозд. У подножия холма был то ли овраг, то ли водный каньон, однако рассмотреть его подробно мешали ближние кусты. Я видел только глубокую расселину, зеленая растительность которой контрастировала с голой поверхностью холма. Мне казалось, что я вижу верхушки деревьев, растущих на дне каньона. В глаза дул легкий ветерок. Мир, полный покой и абсолютная тишина – ни птиц, ни насекомых.

Дон Хуан снова заговорил. Я понял его не сразу. Он настойчиво спрашивал:

– Ты видишь человека на том поле?

Я хотел ответить, что ничего не вижу, но не мог вымолвить ни слова. Дон Хуан сзади обхватил руками мою голову, – я видел его пальцы на бровях и щеках, – и, поворачивая ее, дал мне возможность осмотреть все поле справа налево и обратно.

– Смотри внимательно, замечай все детали. От этого может зависеть твоя жизнь, – повторял он.

Еще четыре раза он «провел» меня по всему стовосьмидесятиградусному полю зрения. Вдруг, когда голова была до предела повернута влево, мне показалось, что краем правого глаза я что-то заметил – на поле кто-то двигался. Дон Хуан начал поворачивать мою голову обратно, и я смог рассмотреть, что какой-то человек шел вдоль борозд. Одет он был как обычный мексиканский крестьянин – сандалии, светло-серые джинсы, бежевая рубашка с длинными рукавами и соломенная шляпа. На правом плече у него висела светло-коричневая сумка.

Должно быть, дон Хуан заметил, что я увидел человека, потому что несколько раз спросил, куда тот смотрит – на меня или нет, и куда идет – ко мне или нет. Я хотел сказать, что вижу человека со спины, так как он идет от меня к вершине холма. Он сказал, чтобы я крикнул, как только человек повернется и пойдет в мою сторону. Тогда дон Хуан повернет мою голову, чтобы меня защитить.

Я не ощущал ни страха, ни опасения, ни замешательства и спокойно наблюдал. Вот человек остановился посреди поля. Поставил ногу на камень, как бы поправляя сандалию. Потом выпрямился, вытащил из сумки веревочку и намотал ее на кисть левой руки. Повернувшись спиной ко мне и лицом к вершине холма, начал осматривать окрестности. По крайней мере, мне так показалось, потому что он медленно поворачивал голову вправо, как бы обводя взглядом горизонт. Вот я увидел его профиль, вот он начал поворачиваться в мою сторону всем телом, пока не повернулся ко мне лицом. Он сделал резкое движение головой, вернее, повернул ее как-то так, что я однозначно понял – он меня увидел. Вытянув левую руку вперед и вниз, как бы указывая ею на землю, он направился ко мне.

– Идет, – закричал я, и крик этот дался мне на удивление легко.

Дон Хуан, должно быть, снова развернул мою голову, потому что спустя мгновение перед моими глазами уже был густой чапараль. Он велел ни во что не всматриваться, а смотреть «слегка», как бы пробегая глазами. Потом он сказал, что сейчас отойдет немного, встанет передо мной и начнет ко мне подходить, а я в это время должен буду всматриваться в него, пока не увижу свечение.

Я увидел, как дон Хуан отошел метров на пятнадцать. Он двигался с такой невероятной скоростью и легкостью, что я с трудом верил в то, что вижу дон Хуана. Повернувшись ко мне лицом, он велел мне пристально созерцать его.

Лицо его светилось, оно было похоже на световое пятно. Свет как бы разливался через всю его грудь к середине тела. Ощущение было таким, какое возникает, когда смотришь на свет полуприкрытыми глазами. Свечение как бы распространялось и становилось все гуще. Должно быть, дон Хуан начал ко мне приближаться, потому что интенсивность света усилилась и он стал более отчетливым.

Дон Хуан что-то сказал. Напрягаясь, чтобы понять, я перестал видеть свечение. Дон Хуан стоял менее чем в метре от меня. Он опустился на землю и сел, повернувшись ко мне лицом.

Сосредоточив внимание на его лице, я снова увидел свечение. Потом картина немного изменилась – его лицо оказалось как бы исчерченным тонкими лучами света, словно кто-то пускал на него зайчики множеством зеркал. Интенсивность света увеличивалась, наконец контуры лица растаяли, и передо мной снова был аморфный светящийся объект. И опять в области левого глаза я воспринимал пульсирующее излучение. Однако я специально не фокусировал внимание на этом месте, а сосредоточился на прилегающей зоне, которая, по логике, соответствовала правому глазу. В ней я мгновенно заметил чистое прозрачное озерцо жидкого света.

Восприятие света не было чистым созерцанием, в нем было что-то от ощущения. Темноватое озерцо жидкого света имело немислимую глубину. Оно было дружелюбным, добрым. Излучаемый им свет не вспыхивал и не «взрывался», а медленно и мягко закручивался внутрь, играя удивительной красоты бликами. Свечение как-то очень мягко и нежно касалось меня, успокаивая и рождая ощущение чего-то прекрасного.

Потом я увидел, что в этой области периодически появляется вертикально расположенное правильное кольцо из мелких мерцающих, подобно бриллиантовой пыли, вспышек. Оно ритмично расширялось и сжималось, то охватывая всю область жидкого света, то обращаясь в едва заметную точку в самой ее середине. Я разглядывал кольцо, оно сжалось и расширилось несколько раз. Потом я немного отодвинулся, чтобы рассмотреть оба глаза одновременно. Левый излучал вспышки света, вырывавшиеся вперед из вертикальной плоскости, правый – радиальные вспышки, не выходявшие за пределы этой плоскости. Ритм излучения обоих глаз был строго согласован – когда левый «выстреливал» вспышкой, свет правого сжимался и закручивался внутрь. Потом в правом расширилось кольцо, охватывая огоньками всю область жидкого света, а левый – замирал.

Дон Хуан, должно быть, еще раз повернул мне голову, потому что я снова увидел вспаханное поле и услышал, что он велит мне наблюдать за человеком.

Тот стоял возле камня и смотрел на меня. Я не мог различить черты его лица, потому что он низко надвинул на глаза шляпу. Через мгновение он зажал свою сумку под правой рукой и направился вправо от меня. Дойдя до края вспаханного участка, он изменил направление движения и сделал несколько шагов в сторону оврага. В этот момент я потерял управление фокусировкой взгляда, и человек исчез вместе со всем пейзажем, из которого как бы проступали заросли пустынного чапаралья.

Я не помню дороги к дому, как и не помню того, что делал дон Хуан, чтобы меня «вернуть». Проснулся я на своей циновке в его комнате. Он подошел и помог мне подняться. Я чувствовал головокружение и тошноту. Дон Хуан быстро и уверенно вытащил меня из дома и подвел к кустам. Меня вырвало. Он засмеялся.

Мне стало легче. Я посмотрел на часы – было одиннадцать вечера. Я снова лег спать и только около часа следующего дня почувствовал, что пришел в себя.

Дон Хуан все время спрашивал, как я себя чувствую. Я чувствовал какую-то общую рассеянность, ни на чем не мог сосредоточиться и тенью следовал по дому под наблюдением дона Хуана, не отходившего от меня ни на шаг. Я понял, что заняться мне нечем, потому что делать я ничего не в состоянии, и снова лег спать. Проснулся я вечером, чувствуя себя гораздо лучше. Вокруг валялось множество измятых листьев, а сам я лежал на животе, и подо мной их была целая куча. Листья очень сильно пахли, я даже помню, что сначала осознал запах, и лишь потом окончательно проснулся.

Я пошел за дом и увидел там дону Хуана. Он сидел на берегу канавы. Увидев меня, он замахал руками и закричал:

– Уходи! Беги в дом!

Я вбежал в дом. Войдя через несколько минут, он сказал:

– Никогда не ходи меня искать. Если я тебе нужен – жди здесь.

Я извинился. Он сказал, что свои дурацкие извинения я могу оставить при себе, потому что они никак не влияют на совершенные действия. Он сообщил мне, что ему с огромным трудом удалось «вернуть» меня и что он ходил к воде за меня ходатайствовать.

– Теперь можно попробовать отмыть тебя водой, – сказал он.

Я заверил его, что со мной все в порядке. Он долго и пристально смотрел мне в глаза, а потом сказал:

– Идем – искупаешься.

– Но я в порядке, – возразил я. – Смотри – я даже могу писать.

Он с трудом оторвал меня от циновки и заставил встать.

– Не раскисай, ты опять индугируешь в своей слабости, – сказал он. – Еще немного – и ты опять заснешь, и неизвестно, удастся ли мне вытащить тебя на этот раз.

Мы побежали за дом. На ходу он велел мне зажмурить глаза и не открывать их до тех пор, пока он не разрешит, потому что, взглянув на воду даже на мгновение, я могу умереть. Он взял меня за руку, подвел к канаве и окунул в воду, начиная с головы.

В течение нескольких часов он вновь и вновь окунал меня в воду и вытаскивал из нее. Все это время мои глаза были плотно закрыты. Изменения, которые претерпело мое состояние вследствие такого «купания», были разительны. То, что во мне было не так, оказалось настолько тонким, что я смог это заметить только сравнивая с ощущением комфорта и бодрости, возникшими во время купания.

В нос попала вода, и я чихнул. Дон Хуан вытащил меня из воды и повел в дом. Глаза мои были по-прежнему закрыты. Он помог мне переодеться, отвел в свою комнату, усадил на мою циновку и повернул лицом в нужную сторону, а затем велел открыть глаза. То, что я увидел, заставило меня отскочить и схватиться обеими руками за ногу дон Хуана. Дон Хуан стукнул меня по самой макушке костяшками пальцев. Удар вышел быстрый и какой-то слегка шокирующий, но не жесткий и не болезненный.

– Что с тобой? Что ты увидел? – спросил он.

Открыв глаза, я увидел вчерашний пейзаж и того же человека. На этот раз он был совсем рядом. Я видел его лицо. Оно показалось мне знакомым. После удара по голове видение исчезло.

Я поднял глаза на дон Хуана. Смеясь, он спросил, не хочу ли я получить по голове еще разок-другой. Я отпустил его ногу и снова сел на свою циновку, приняв удобную позу. Он приказал мне сесть прямо и ни при каких обстоятельствах не поворачиваться в направлении текущей за домом воды.

Тут я заметил, что в комнате было совершенно темно. Я даже засомневался в том, что открыл глаза, и потрогал их руками. Они были открыты. Я громко позвал дон Хуана и сказал ему, что с глазами что-то не то – я ничего не вижу, хотя за секунду до этого видел, как он готовится меня ударить. Он засмеялся где-то у меня над головой и зажег керосиновую лампу. В считанные секунды глаза привыкли к свету, и я увидел, что все вроде бы находится на своих местах – обмазанные глиной деревянные стены, развешанные на них причудливые изогнутые корни, пучки растений, тростниковая крыша, свисающая с балки керосиновая лампа. Я сотни раз все это видел, но сейчас и в этой обстановке, и в себе самом я чувствовал нечто особенное. Впервые я действительно не верил в однозначность и окончательность «реальности» того, что воспринимал. Я много раз уже был на грани этого ощущения и даже иногда соглашался с ним на интеллектуальном уровне, но никогда еще не подбирался вплотную к столь серьезным сомнениям. На этот раз я, однако, не верил в «реальность» этой комнаты, и на мгновение почувствовал уверенность, что все растает, стоит дону Хуану еще раз стукнуть меня по голове.

Меня затрясло, хотя было не холодно. По спине пробежали судорожные спазмы. В голове появилась тяжесть, особенно в затылке.

Я пожаловался на плохое самочувствие и рассказал о том, что увидел. Дон Хуан поднял меня на смех, сказав, что поддаваться страху – недостойное потакание себе.

– Тебе страшно, хотя тебя никто еще не пугал. Подумаешь, увидел смотрящего на тебя союзника. Ты подожди, вот встретишься с ним лицом к лицу – тогда можно будет и в штаны наложить.

Он велел мне идти к машине, не оборачиваясь к воде, и подождать там, пока он достанет веревку и лопату. Потом мы поехали к тому месту, где когда-то нашли пень, и начали в темноте выкапывать его. Несколько часов я трудился изо всех сил. Выкопать пень нам не удалось, зато чувствовать себя я стал гораздо лучше. Вернувшись домой, мы поели, и все встало на свои места, сделавшись привычно «реальным».

– Что со мной было? – спросил я. – Что я вчера делал?

– Сначала ты *курил* меня, потом – *курил союзника*.

– То есть?

– Теперь ты собираешься требовать, чтобы я рассказал все с самого начала, – со смехом сказал дон Хуан.

– Ты *курил меня*, – повторил он. – Ты смотрел на мое лицо, в мои глаза. Ты видел свечение, соответствующее человеческому лицу. Я – маг, ты видел это в моих глазах. Но ты не знал этого, потому что делал все впервые. У людей бывают самые разные глаза, ты через некоторое время это поймешь. Ну а потом ты *курил союзника*.

– Ты говоришь о том человеке на вспаханном поле?

– Это был не человек, это был *союзник*, и он подавал тебе знаки.

– Куда мы ходили? Где мы были, когда я увидел этого человека, то есть этого *союзника*?

Дон Хуан кивнул на кусты перед домом и сказал, что водил меня на небольшой холмик. Я усомнился, потому что пейзаж, который я видел, не имел ничего общего с пустыней и зарослями чапарала возле дома. Дон Хуан сказал, что *союзник*, делавший мне знаки, – не из этих мест.

– А откуда?

– Мы в скором времени туда съездим.

– В чем смысл того, что я видел?

– Ни в чем. Ты просто учился *видеть*, и все. Но сейчас ты идешь на поводу у своей слабости и готов со страху потерять штаны. Ты поддался страху. Может, опишешь все, что видел?

Я начал рассказывать о том, как выглядело его лицо, но он прервал меня, сказав, что все это не важно. Тогда я сказал, что почти *видел* его как светящееся яйцо. Он возразил, что «почти» – это ничего не значит и что мне придется еще изрядно попотеть и потратить немало времени, прежде чем я действительно научусь *видеть*.

– Но сейчас меня интересует то, что происходило на вспаханном поле, и особенно – все то, что делал *союзник*, – сказал дон Хуан. – Он дал тебе знак. Когда он пошел к тебе, я повернул твою голову не потому, что этот *союзник* был для тебя опасен. Просто лучше подождать. Ты ведь никуда не спешишь. Воин никогда не бездельничает, но никогда и не торопится. Встретиться же с *союзником* без должной подготовки подобно встрече нападающего льва своим пуканьем.

Метафора мне понравилась. Мы оба от души рассмеялись.

– Что случилось бы, если бы ты не повернул мою голову?

– Тебе пришлось бы сделать это самостоятельно.

– А если бы я этого не сделал?

– *Союзник* пошел бы к тебе и напугал бы тебя до полусмерти. Если бы ты был один, он мог бы тебя убить. Тебе не следует бродить в одиночку по горам или пустыне до тех пор, пока ты не научишься защищаться. Если *союзник* поймает тебя одного, то вполне может сделать из тебя отбивную.

– А что означали его действия?

– Взгляд означал приглашение. Потом он показал, что тебе нужен *ловец духов* и нужна сумка, но не из этой местности – его сумка была из другой части страны. Три большие глыбы – это три камня преткновения на твоем пути. Тебе определенно в наибольшей степени должны способствовать овраги и водные каньоны – *союзник* показал тебе подходящий овраг. Все остальное было подсказками, чтобы ты смог его найти. Я знаю, где находится это место, и в скором времени мы туда съездим.

– Ты хочешь сказать, что пейзаж, который я видел, реально существует?

– Разумеется.

– Где?

– Этого я тебе сказать не могу.

– А как мне найти это место?

– Этого я тебе не скажу. Но не потому, что не хочу, – я просто не знаю, как тебе объяснить.

Я спросил, что означало появление того же самого пейзажа перед моими глазами потом, в комнате. Он засмеялся и изобразил, как я хватался за его ногу.

– Это было подтверждением того, что *союзник* ждет тебя. Он хотел убедиться в том, что хотя бы один из нас – ты или я – знает, что он тебя приглашает.

– А как насчет его лица?

– Оно знакомо тебе, потому что ты знаешь этого *союзника*. Ты уже видел его. Возможно, что это – лицо твоей смерти. Ты испугался, и это было ошибкой. Он ждал тебя, но, когда он появился, ты поддался страху. Хорошо, что я был рядом и успел тебя ударить, иначе он обратился бы против тебя. И это было бы вполне справедливо, потому что *союзник* – это сила, а для того, чтобы встретиться с силой, человек должен быть безупречным воином, иначе сила может обернуться против него и разрушить его.

Дон Хуан отговорил меня возвращаться в Лос-Анджелес на следующее утро. Видимо, он считал, что я еще не совсем восстановился, и настоял на том, чтобы я сел в комнате лицом на юго-восток, чтобы сохранить силу. Он сам уселся слева от меня, дал мне мой блокнот и сказал, что на этот раз я его поймал: он должен не только быть рядом, но и разговаривать со мной.

– Когда настанут сумерки, я еще раз должен устроить тебе «водную процедуру», – сказал он. – Ты еще недостаточно твердый, поэтому сегодня тебе нельзя оставаться в одиночестве. Я посижу с тобой до обеда, и к вечеру ты уже будешь в значительно лучшей форме.

Его озабоченность меня беспокоила. Я спросил:

– Что со мной?

– Ты постучался в дверь к *союзнику*.

– То есть?

– Сегодня нам нельзя говорить о *союзниках*. Давай сменим тему.

Если честно, то мне не хотелось разговаривать. Меня охватывало все возрастающее беспокойство. Дону Хуану ситуация явно казалась комичной – он хохотал до слез.

– Только не говори мне, что, как только возникает необходимость в разговоре, тут же выясняется, что тебе нечего сказать, – засмеялся он с веселым блеском в глазах.

Его настроение подействовало на меня успокаивающе.

Однако интересовало меня сейчас лишь одно – *союзник*. Его лицо было очень знакомым, но я не знал его и никогда до этого не видел. Тут было что-то другое. И как только я начал думать о его лице, на меня обрушилась лавина посторонних мыслей. Казалось, что-то во мне знало секрет, но не позволяло остальным частям моего существа подобраться к его осознанию. Странно знакомое лицо *союзника*... Ощущение было настолько жутким, что вогнало меня в состояние ужасающей меланхолии. А дон Хуан подлил масла в огонь, сказав, что это, возможно, – лицо моей смерти. Это добило меня окончательно.

Я отчаянно хотел задать вопрос на эту тему, однако явственно ощущал, что дон Хуан каким-то образом меня сдерживает. Я сделал пару глубоких вздохов и выпалил:

– А что такое смерть, дон Хуан?

– Я не знаю, – ответил он с улыбкой.

– Я имею в виду – как бы ты описал смерть? Твое мнение. Я думаю, у каждого есть определенное мнение по поводу смерти.

– Не имею понятия, о чем ты говоришь.

У меня в багажнике лежала «Тибетская книга мертвых». Я решил использовать ее в качестве предмета обсуждения, поскольку в ней речь идет как раз о смерти. Я сказал, что хочу почитать ему оттуда, и встал, чтобы сходить за ней. Но дон Хуан велел мне сидеть и сам принес книгу из машины.

– Утро – плохое время для мага, – объяснил он свой поступок. – Ты еще слишком слаб, чтобы выходить из моей комнаты. Здесь ты защищен. Если ты выйдешь отсюда, то вполне можешь столкнуться с чем-нибудь ужасным. Союзник может убить тебя на дороге или где-нибудь в кустах, а когда твое тело найдут, то решат, что ты погиб в автокатастрофе или умер при невыясненных обстоятельствах.

У меня не было ни настроения, ни желания с ним спорить, поэтому все утро я просидел, читая и разъяняя ему главы из «Книги мертвых». Он внимательно слушал, не перебивая. Дважды я ненадолго прекращал чтение, пока дон Хуан ходил за водой и продуктами, но как только он освобождался, мы продолжали свое занятие. Казалось, что ему очень интересно.

– Я не понимаю, почему эти люди говорят о смерти так, словно она похожа на жизнь, – мягко сказал он.

– Может, так они ее понимают? Как ты думаешь, тибетцы, писавшие эту книгу, были *видящими*?

– Вряд ли. Если человек *видит*, то для него все равнозначно. Если бы тибетцы могли *видеть*, они понимали бы, что ничего не остается прежним. Когда мы *видим*, нет ничего известного, ничего, что осталось бы в том виде, к какому мы привыкли, когда не *видели*.

– Но *видение*, наверно, не одинаково для всех?

– Не одинаково. Но это все равно не означает, что жизнь имеет какое-то особое значение. Для *видящего* ничто не остается прежним, ему приходится пересматривать все ценности без исключения.

– Тибетцы, очевидно, считали, что смерть похожа на жизнь. А что по этому поводу думаешь ты?

– Я не думаю, что смерть вообще на что-то похожа. Тибетцы, наверно, говорили о чем-то другом. В любом случае то, о чем идет речь в этой книге, смертью не является.

– Тогда, как ты думаешь, о чем идет речь?

– Может, ты мне это скажешь? Ты же у нас читатель.

Я пытался что-то сказать, но он рассмеялся.

– Наверно, тибетцы действительно были *видящими*, – продолжил дон Хуан. – Если так, то они должны были понять, что то, что они *видят*, не имеет никакого значения, поэтому совершенно не важно, что они напишут. Вот они и написали всю эту чушь, потому что им все это было безразлично, однако в таком случае то, что они написали, – вовсе не чушь.

– В конце концов, мне плевать, что говорят тибетцы, – сказал я, – мне важно, что скажешь ты. Я хотел знать твое мнение о смерти.

Он секунду смотрел на меня, а затем усмехнулся, широко раскрыл глаза и поднял брови, изобразив удивление.

– Смерть? Смерть – это кольцо листьев на стебле, смерть – это лицо союзника, смерть – это беззубая пасть стража, смерть – это Хенаро, сидящий на собственной голове, смерть – это мои слова и твой блокнот, смерть – это ничто. Смерть всегда рядом, и в то же время ее не существует.

Дон Хуан удивленно рассмеялся. Его смех напоминал пение, в нем даже был какой-то танцевальный ритм.

– Бред, верно? – спросил он. – Я не могу рассказать тебе, что такое смерть. Но, вероятно, мог бы рассказать тебе о *твоей* смерти. Невозможно узнать наверняка, какой будет твоя смерть, однако, пожалуй, я расскажу тебе, какой она может быть.

Испугавшись, я сказал, что меня интересует его мнение о смерти вообще, а до подробностей чьей-либо конкретной смерти, в особенности моей, мне нет никакого дела.

– Не существует смерти вообще, поэтому я могу говорить только о чьей-то конкретной смерти, – сказал дон Хуан. – Ты просил меня рассказать о смерти? Пожалуйста. Но тогда не бойся послушать о своей собственной.

Я заметил, что слишком нервничаю для такого разговора, что имел в виду некую абстрактную информацию вроде той истории, которую он рассказал о смерти своего сына Эулалио. В тот раз он говорил, что жизнь смешивалась со смертью подобно рассеивающемуся туману из мерцающих кристаллов.

– Тогда я говорил о своем сыне, о том, как *его* жизнь рассеивалась во время *его* смерти, – сказал дон Хуан. – Я говорил не об абстрактной смерти, а о смерти моего сына. Смерть, чем бы она ни была, заставила его жизнь рассеяться.

Мне, однако, хотелось увести разговор от частных случаев, и я сказал, что читал рассказы людей, переживших клиническую смерть, то есть умерших на несколько минут, а затем возвращенных к жизни с помощью средств реанимации. Во всех описанных случаях люди ничего не могли вспомнить. Умирание у них было сопряжено с полным отключением восприятия, с ощущением абсолютной тьмы.

– Это вполне естественно, – сказал дон Хуан. – У смерти две стадии. Первая – отключение, провал в черноту. Она не имеет особого значения и сильно напоминает первую фазу воздействия Мескалито. Человек ощущает легкость. Она дает иллюзию счастья, целостности и ощущение тотального спокойствия всего мирового бытия. Но эта стадия весьма поверхностна. Скоро она проходит, и человек попадает в другую сферу – сферу жестокости и силы. Это вторая стадия, подобная встрече с Мескалито. Смерть вообще очень похожа на общение с ним. Первая стадия – поверхностное отключение. Вторая – стадия собственно смерти – мгновение, следующее за ним. В это мгновение мы снова становимся в каком-то смысле самими собой. И смерть с силой бьет нас снова и снова, яростно и спокойно, пока наша жизнь не растворяется, превратившись в ничто.

– Почему ты так уверен, что говоришь о смерти?

– У меня есть союзник. Дымок показал мне мою смерть безошибочно и очень четко. Именно поэтому я могу говорить только о чьей-то конкретной смерти.

Слова дон Хуана обеспокоили меня. Возникло какое-то жуткое двойственное чувство. Мне казалось, что сейчас он со всеми подробностями расскажет, где, когда и как я умру. Эта мысль вызывала у меня отчаяние и в то же время со страшной силой разжигала любопытство. Конечно, можно было бы попросить, чтобы он рассказал о своей смерти, но этот прием отпадал как некорректный.

Казалось, что дону Хуану мой внутренний конфликт даже доставлял удовольствие. Тело его от хохота буквально билось в судорогах.

– Ну что, тебе интересно, как может выглядеть твоя смерть? – спросил он с совершенно детским выражением удовольствия на лице.

Его веселье меня успокоило. Оно почти развеяло мои опасения.

– Ладно, рассказывай, – сказал я дрогнувшим голосом.

Он словно взбесился от смеха, схватившись за живот, опрокинулся на бок и, пародируя меня, дрогнувшим голосом повторил:

– Ладно, рассказывай.

Дон Хуан сел, выпрямив спину, и, напустив на себя замогильную важность, дрожащим голосом, каким дети рассказывают друг другу страшные истории, произнес:

– Итак, вторая стадия твоей смерти может быть такой...

Изучающим взглядом он с любопытством меня разглядывал. Я засмеялся, осознавая, что его шуточный тон – единственное средство притупить остроту мысли о собственной смерти.

– Ты много времени проводишь за рулем, – продолжал он. – Поэтому в момент наступления второй стадии ты можешь обнаружить, что ведешь машину. Ощущение будет мгновенным, времени на размышление у тебя не останется. Итак, ты неожиданно окажешься за рулем. Ведь ты за ним провел множество часов, проехав сотни тысяч километров. Но прежде, чем ты успеешь что-то понять, перед ветровым стеклом появится странное образование, эдакая круг-

лая штука, похожая на розетку блестящих листьев вокруг стебля. Она может напоминать также и чье-то лицо на фоне неба перед тобой. Потом ты увидишь, как эта штука удаляется, превращаясь в точку, сверкающую вдали. Затем она начнет приближаться, и в мгновение ока ветровое стекло твоей машины разлетится вдребезги. Ты сильный, поэтому я уверен, что смерти понадобится никак не меньше двух ударов, прежде чем она до тебя доберется.

В этот момент ты поймешь, где ты и что с тобой происходит. Лицо снова отступит, превратившись в точку у горизонта, и, набрав скорость, опять обрушится на тебя. Оно войдет внутрь тебя, и тогда ты узнаешь, было ли это лицо союзника или мое, когда я говорю, или твое собственное, когда ты пишешь. А до этого смерть – ничто. Ее нет. Так, маленькая точка, затерялась где-то на листках твоего блокнота. Но тем не менее она войдет в тебя с бешеной неуправляемой силой и заставит тебя рассмеяться. Ты станешь плоским и рассеешься по всей земле, по всему небу и за его пределами. И ты будешь похож на туман из мельчайших кристаллов, которые будут уплывать, уплывать и уплывать.

В такой интерпретации описание смерти выглядело захватывающим. Я ожидал услышать нечто иное и долго ничего не мог сказать.

– Смерть входит через живот, – продолжал дон Хуан. – Она проникает прямо через про-свет воли – наиболее уязвимую часть человеческого существа. Это – область, из которой излучается воля и через которую входит смерть. Мой союзник подводил меня ко второй стадии смерти, поэтому я знаю, как это бывает. Маг тренирует волю, открываясь смерти. Смерть одолевает его, но, когда он становится плоским и начинает рассеиваться, его безупречная воля берет верх и собирает человека снова, не дав кристаллическому туману рассеяться.

Дон Хуан сделал странный жест. Он растопырил пальцы наподобие двух вееров, подняв кисти на уровень локтей, развернул так, чтобы большие пальцы касались боков туловища, и потом медленно сложил вместе на уровне середины тела, чуть выше пупка.

В этом положении он ненадолго замер. Руки дрожали от напряжения. Потом он поднял их, коснувшись лба кончиками средних пальцев, и опустил в то же положение, на уровне живота.

В этом жесте было что-то устрашающее. Сила и красота, с которыми дон Хуан его выполнил, буквально околдовали меня.

– Воля – вот что собирает мага, – сказал он. – Но с возрастом маг слабеет, и неизбежно наступает миг, когда он теряет способность управлять волей. И тогда у него не остается ничего, что можно было бы противопоставить безмолвной силе смерти, и жизнь его, подобно жизни любого обычного человека, рассеивается, исчезая в пространстве.

Дон Хуан посмотрел на меня.

– Сходи в кусты, уже можно – скоро вечер, – сказал он.

Мне давно уже нужно было бы сходить, но я не решался, потому что чувствовал себя даже хуже, чем раньше. Однако союзник больше не внушал мне беспокойства.

Дон Хуан сказал, что не важно, как я себя чувствую, потому что я уже достаточно «отвердел». Он заверил меня, что я в прекрасной форме и могу сколько угодно спокойно разгуливать в кустах, если, конечно, не стану приближаться к воде.

– Вода – другое дело, – объяснил он. – Мне нужно еще разок устроить тебе «водную процедуру», так что сам лучше к воде не подходи.

Чуть позже дон Хуан попросил меня отвезти его в соседний городок. Я заметил, что поездка меня несколько отвлечет, а то я чувствую себя как-то неуверенно – меня ужасает мысль о том, что маг все время играет со смертью.

– Быть магом очень тяжело, – убедительно сказал он. – Я же говорил – *видеть* намного лучше, чем быть магом. *Видящий* всемогущ, по сравнению с ним маг – просто мальчишка.

– Что такое магия, дон Хуан?

Он долго смотрел на меня, едва заметно покачивая головой, а потом сказал:

– Магия – это приложение воли к ключевому звену. Маг отыскивает в том, на что он намерен повлиять, ключевое звено и воздействует на него своей волей. Чтобы быть магом, не обязательно *видеть*. Нужно только уметь манипулировать волей.

Я попросил объяснить, что он понимает под ключевым звеном. Он немного подумал и ответил:

– Ну, например, я знаю, чем является твоя машина.

– Вроде бы – машиной, – сказал я.

– Нет. Я имею в виду, что твоя машина – это свечи зажигания. Я рассматриваю свечи как ключевое звено явления, именуемого машиной. Подействовав на них своей волей, я могу сделать так, что твоя машина не будет работать.

Дон Хуан сел в машину. Сделав мне знак последовать его примеру, он поудобнее устроился на переднем сиденье.

– Теперь смотри, – сказал он. – Я – ворона. Поэтому прежде всего должен распушить перья.

Он встряхнул всем телом. Движение напоминало мне купающегося в луже воробья. Он опустил голову, как птица, которая пьет воду.

– Вот так, – сказал он и засмеялся.

Смех был очень странный, он обладал каким-то непонятным гипнотическим действием. Я вспомнил, что слышал этот смех много раз. Но раньше не замечал, чтобы он гипнотизировал, может быть, потому, что при мне дон Хуан впервые смеялся так долго.

– Потом ворона расслабляет шею, – сказал дон Хуан, вращая шеей и потирая щеки о плечи. – Потом смотрит на мир. Сначала – одним глазом, потом – вторым.

Он закрутил головой, поочередно «взглядывая на мир» то одним, то другим глазом. Тон его смеха стал выше. У меня появилось дурацкое ощущение, что он вот-вот прямо на моих глазах превратится в ворону. Я хотел смехом отогнать это наваждение, но был почти парализован. Я самым натуральным образом чувствовал, что меня как бы обволакивает какая-то сила. Но я не был испуган и не ощущал ни головокружения, ни сонливости. По-моему, никакие из моих способностей затронуты не были.

– Ну все, теперь заводи, – сказал дон Хуан.

Я включил стартер и автоматически нажал на газ. Стартер завизжал, но двигатель не запускался. Смех дон Хуана был похож на мягкое ритмичное карканье. Я снова попытался завести мотор, потом еще и еще. Минут десять я крутил стартер. Безрезультатно. А дон Хуан все каркал. Тогда я плюнул на это дело и уселся неподвижно.

Дон Хуан внимательно меня разглядывал, и я знал, что своим смехом он вогнал меня в некое подобие гипнотического транса. Я вполне отдавал себе отчет в происходящем, но в то же время не был самим собой. Все время, пока я тщетно пытался завести машину, состояние мое было смесью покорности и немоты. Складывалось такое впечатление, что дон Хуан делал что-то не только с машиной, но и со мной тоже. Когда он прекратил каркать, я решил, что уже все, решительно крутанул ключ и нажал на газ. Я был уверен, что весь фокус заключается в том, что дон Хуан загипнотизировал меня своим карканьем, заставив поверить в то, что мотор не заводится. Краем глаза я видел, что он с интересом наблюдает за тем, как я с остервенением жму на педаль газа.

Дон Хуан мягко похлопал меня по плечу и сказал, что ярость делает меня «тверже», так что, может быть, ему даже не придется вечером меня купать. Чем больше я буду себя накручивать, тем скорее окончательно оправлюсь от встречи с союзником.

– Не смущайся, – продолжал дон Хуан. – Дай еще газу! Жми, жми сильнее!

Я услышал обычные раскаты его гомерического хохота, почувствовал, что смешон, и издал дурацкий блеющий смешок.

Через некоторое время дон Хуан сказал, что отпустил машину.

И мотор завелся!

Глава 14

28 сентября 1969

Я стоял перед домом дона Хуана и не решался войти – что-то жуткое было и в самом доме, и в окружающем его пейзаже. Мне вдруг показалось, что дон Хуан прячется где-то поблизости и наблюдает за мной. Я позвал его, а потом, набравшись решимости, вошел в дом. Дона Хуана там не было. Я поставил две сумки с продуктами на кучу дров и сел. Все вроде как обычно, я десятки раз приезжал, когда его не было дома. Но впервые за все годы знакомства с доном Хуаном мне было страшно одному в его доме. Я чувствовал присутствие чего-то, словно здесь, рядом со мной был кто-то еще, кто-то невидимый. Я вспомнил, что однажды, несколько лет назад, уже испытывал подобное чувство, смутное ощущение, что нечто неизвестное бродит вокруг меня, когда я один. Я вскочил на ноги и пулей вылетел из дома.

Приехал я в этот раз для того, чтобы сказать дону Хуану, что накапливающийся эффект установки *видеть* стал сказываться на моем состоянии. Мне все чаще становилось не по себе, я почти постоянно ощущал беспричинное смутное беспокойство, уставал, не утомляясь. Ощущение, которое я испытывал, сидя только что в доме дона Хуана, разбудило во мне воспоминания о том, как впервые у меня появился подобный страх.

Все началось несколько лет назад, когда дон Хуан втянул меня в очень странное противостояние с женщиной-колдуньей, которую он называл «Ла Каталина». 23 ноября 1961 года я приехал к дону Хуану. Он сидел дома с вывихом голеностопного сустава. Мне он объяснил, что это дело рук его врага – ведьмы, которая могла обернуться черным дроздом. Она уже неоднократно делала попытки его убить.

– Я покажу ее тебе, как только смогу ходить, – сказал дон Хуан. – Ты должен знать, кто это.

– А зачем ей тебя убивать?

Он нервно пожал плечами и ничего не сказал.

Когда я приехал через десять дней, он уже был в полном порядке. Он покрутил ступней, демонстрируя мне совсем здоровую ногу, и сказал, что все так быстро прошло благодаря хитроумной жесткой повязке, которую он сам себе сделал.

– Хорошо, что ты приехал, – сказал он. – Сегодня я хочу предложить тебе небольшое путешествие.

Он сел в машину рядом со мной, и мы отправились в безлюдный район. Дон Хуан указывал дорогу. Когда мы приехали и остановились, дон Хуан поудобнее устроился на сиденье, вытянув ноги и откинувшись на спинку, словно собирался вздремнуть. Мне он велел расслабиться и сохранять спокойствие, потому что вечер – очень опасное время для того дела, которым мы заняты, и до наступления темноты нам нужно сидеть как можно тише и незаметнее.

– Чем это мы таким заняты? – поинтересовался я.

– Мы приехали, чтобы отметить Ла Каталину, – ответил он.

Когда совсем стемнело, мы потихоньку вышли из машины и очень медленно и бесшумно углубились в чапараль.

С того места, где мы остановились, были видны черные силуэты холмов, возвышавшихся по обе стороны. Мы находились на дне довольно широкого каньона с плоским дном. Дон Хуан подробно объяснил мне, что нужно делать, чтобы сливаться с чапаралем, и научил сидеть, как он выразился, «в готовности». Нужно было сесть, подогнув левую ногу под правое бедро и поставить ступню полностью согнутой правой ноги на землю, подняв колено вертикально вверх. Дон Хуан сказал, что подогнутая нога должна выполнять роль пружины, которая подбросит тело, когда потребует мгновенно встать. Потом он велел мне сесть лицом на запад, потому что в том направлении находился дом Ла Каталины. Сам он сел рядом, справа от меня,

и шепотом сказал, чтобы я сфокусировал взгляд на земле перед собой и выслеживал, вернее, выжидал волну ветра, от которой зашевелятся кусты. Когда ветер коснется низких кустов над самой поверхностью земли, на которых сосредоточен мой взгляд, я должен мгновенно вскинуть голову вверх. Там я увижу колдунью «во всем блеске ее зловещего великолепия». Он именно так и выразился, слово в слово. Когда я попросил объяснить, что он имеет в виду, дон Хуан сказал, что, увидев шевеление кустов и взглянув вверх, я сам все пойму. «Маг в полете», сказал он, это нечто невообразимое, не поддающееся никакому описанию.

Дул довольно устойчивый ветерок, и «шевеление» кустов обнаружилось не раз и не два. Я то и дело вскидывал голову в полной готовности узреть что-нибудь жуткое и трансцендентальное, однако в небе было пусто. Каждый раз, когда порыв ветра раскачивал кусты, дон Хуан стоя яростно ударял ногой по земле, осматривался и взмахивал руками, как крыльями. Сила его движений была необычайной.

После нескольких неудачных попыток увидеть «колдунью в полете» я понял, что никакого трансцендентального явления не предвидится. Но дон Хуан так истово «демонстрировал силу», что я безропотно проторчал там всю ночь.

На рассвете дон Хуан присел рядом со мной. Казалось, он почти в изнеможении и едва двигается. Он прилег на спину и пробормотал, что ему не удалось «пронзить эту женщину». Он повторил эти слова несколько раз, и с каждым разом в них звучало все более глубокое отчаяние. Я с легкостью поддался его настроению.

Потом в течение нескольких месяцев дон Хуан ни словом не упоминал ни об этом событии, ни о самой колдунье. Я решил, что он либо забыл об этом, либо разобрался со своими проблемами сам. Но, приехав однажды, я застал его, что называется, «на взводе». От его обычного спокойствия не осталось и следа, когда он начал рассказывать мне, как прошлой ночью «черный дрозд» стоял прямо перед ним, почти его касаясь, и он даже не сразу проснулся. Искусство колдуньи было настолько изощренным, что он вообще не почувствовал ее присутствия. Ему просто повезло – проснись он на мгновение позже, и он уже не успел бы вступить в чудовищную битву за свою жизнь. Он говорил взволнованно, почти с пафосом. Меня охватило странное беспокойство.

Мрачным драматическим тоном он еще раз подтвердил, что не в состоянии остановить Ла Каталину, и следующий ее визит к нему станет последним, потому что этот день будет его последним днем на земле. Еще немного – и я бы разрыдался. Дон Хуан заметил мое состояние и засмеялся, как мне показалось, храбро. Похлопав меня по спине, он сказал, что, впрочем, еще не все потеряно. У него осталась еще одна карта, последняя козырная карта в этой смертельной игре.

– Воин живет стратегически, – сказал он, – и никогда не берет на себя груз, который не в силах нести.

Улыбка дон Хуана разогнала роковые тучи. Я почувствовал неожиданный подъем, и мы оба засмеялись.

– Знаешь, из всего, что есть на свете, только ты – моя козырная карта, – отрывисто сказал он, глядя мне прямо в глаза.

– Что?

– Ты и есть моя козырная карта в схватке с этой ведьмой.

Я не понял, что он имел в виду, и он объяснил. Оказывается, у меня был реальный шанс ее «пронзить», потому что она меня не знала. Для этого я должен был действовать так, как скажет дон Хуан.

– Что значит «пронзить»?

– Убить ее тебе не под силу, пронзить, как протыкают воздушный шар, – вполне. Если тебе удастся это сделать, она оставит меня в покое. Но сейчас об этом не думай. Когда придет время, я скажу тебе, что делать.

Прошли месяцы. Я и думать забыл об этом разговоре и потому был весьма удивлен, когда, приехав к нему в очередной раз, увидел, что он выскочил из дома и, не дав мне вылезти из машины, быстро и встревоженно зашептал:

– Немедленно уезжай. Слушай внимательно: купи ружье или достань где-нибудь, главное – чтобы оно не было твоим, понял? Достань любое ружье, кроме своего, и сразу же вези его сюда.

– Зачем тебе ружье?

– Езжай.

Возвратился я уже с ружьем. На новое у меня не хватило денег, поэтому я одолжил у одного из приятелей его старую двустволку. Дон Хуан даже не взглянул на ружье. Со смехом он объяснил, что черный дрозд сидел на крыше его дома и нужно было сделать так, чтобы он меня не увидел.

– Когда я увидел на крыше колдунью, принявшую образ этой черной птицы, то подумал, что ее можно пронзить из ружья, которое ты мог бы достать, – выразительно сказал дон Хуан. – Поскольку мне не хочется, чтобы с тобой что-то случилось, я велел тебе достать где-нибудь чужое ружье или купить новое. Видишь ли, после того, как ты выполнишь задачу, ружье должно быть уничтожено.

– Какую задачу?

– Ты должен попытаться пронзить эту женщину из ружья.

Дон Хуан заставил меня протереть все ружье листьями какого-то специфически пахнущего растения. Сам он протер два патрона и собственноручно вложил их в стволы. Потом дон Хуан велел мне спрятаться в кустах напротив двери его дома и ждать. Как только черный дрозд сядет на крышу, нужно тщательно в него прицелиться и выстрелить из обоих стволов. Конечно, вряд ли дробь сможет причинить колдунье какой-нибудь вред, ее скорее пронзит эффект удивления. Если я буду собран и силен, то мое действие достигнет цели и она отстанет от дон Хуана. Таким образом, как прицел, так и мое намерение поразить ее должны быть безупречны.

– В момент выстрела ты должен закричать. Вернее, издать боевой клич – мощный, пронзительный, – сказал дон Хуан.

Затем из охапок тростника и дров он соорудил кучу, метрах в трех-четыре от рамады, и велел мне лечь на нее спиной. Положение оказалось достаточно удобным – как в кресле. Я полулежал, и крыша была мне очень хорошо видна.

Дон Хуан сказал, что еще есть время – так рано ведьмы не летают, и мы успеем подготовиться. Потом он закроется в доме, чтобы привлечь ее и спровоцировать нападение. Мне он велел сесть поудобнее и полностью расслабиться, так, чтобы я мог выстрелить, не пошевелившись перед этим. Он заставил меня пару раз прицелиться, из чего сделал вывод, что я поднимаю и навожу ружье слишком медленно и неуклюже. Ломом он проковырял в земле две глубокие дырки, в которые вставил две рогатины, а на них положил длинную жердь, крепко привязав ее веревкой. Положив ружье стволами на эту конструкцию, я мог без усилий держать его непрерывно нацеленным на крышу.

Дон Хуан взглянул на небо и сказал, что пора занимать позицию в доме. Он встал и спокойно ушел в дом, напоследок напомнив мне, что дело предстоит нешуточное и птицу надо уложить с первого же выстрела.

Через несколько минут сумерки сгустились, и стало совсем темно. Казалось, темнота специально выжидала, когда я останусь один. Я пытался сфокусировать взгляд на крыше, которая темным силуэтом вырисовывалась на фоне неба. Вначале горизонт был довольно светлым, но потом небо окончательно потемнело, и я с трудом различал дом вообще. Несколько часов я сидел, неотрывно глядя на крышу, но ничего не заметил. Пару раз пролетали совы, но их невозможно было спутать с черным дроздом из-за большого размаха крыльев. Вдруг я четко различил темный силуэт небольшой птицы, которая села на крышу. Черный дрозд! Сердце

бешено заколотилось, в ушах зазвенело, я прицелился в темноту и нажал на оба спусковых крючка. Грохнул выстрел. Приклад сильно толкнул меня в плечо, и одновременно раздался пронзительный человеческий вопль. Он был громким и жутким и донесся, как мне показалось, с крыши. Я был в полном замешательстве, и вдруг вспомнил, что дон Хуан велел мне кричать во время выстрела. Я забыл это сделать. Я собрался было перезарядить ружье, но тут из дома выскочил дон Хуан с керосиновой лампой. Он явно очень нервничал.

– Похоже, ты попал, – сказал он. – Мы сейчас найдем мертвую птицу.

Он приволок лестницу и заставил меня взобраться на рамаду. Но там я ничего не нашел. Тогда он сам забрался наверх, но тоже безрезультатно.

– Наверное, птицу разнесло на куски, – сказал дон Хуан. – Тогда мы найдем хотя бы перо.

Мы начали искать. Сначала вокруг рамады, потом вокруг всего дома. Так мы и бродили с керосиновой лампой по двору до самого утра. Когда рассвело, мы еще раз все обследовали. Около одиннадцати дон Хуан сказал, что дальше искать бессмысленно. Он сел с удрученным видом, как-то глуповато улыбнулся и произнес:

– Ничего не вышло. Тебе не удалось ее остановить. Теперь моя жизнь не стоит и ломаного гроша. Она наверняка разозлилась и жаждет мести. Но тебе ничего не грозит, эта женщина не знает тебя.

Я направился к машине, чтобы уехать домой, и, обернувшись на ходу, сказал:

– Ружье ломать?

– Зачем? Оно ничего не сделало, можешь вернуть его своему приятелю.

В его глазах таилось глубокое отчаяние. Я был настолько тронут, что, едва удерживаясь от рыданий, спросил:

– Я хоть что-нибудь могу для тебя сделать?

– Ничего, – ответил дон Хуан.

Мы помолчали. Я хотел уехать сейчас же. Мне было не по себе, щемящая тоска буквально съедала меня.

– Ты и вправду хотел бы мне помочь? – спросил дон Хуан как-то по-детски.

Я еще раз сказал, что всецело в его распоряжении, потому что очень к нему привязан и готов на все ради того, чтобы ему помочь.

Дон Хуан улыбнулся и снова спросил, искренне ли я все это говорю. Я страстно подтвердил, что просто жажду ему помочь.

– Ну что ж, если ты действительно искренен... Есть еще один шанс.

Похоже, дон Хуан был доволен. Он широко улыбнулся и несколько раз хлопнул в ладоши. Этим жестом он имел обыкновение выражать удовлетворение. Перемена его настроения была настолько разительной, что я поддался. Подавленность и тоска мгновенно улетучились. Жизнь снова была прекрасна. Дон Хуан сел на землю, я – рядом с ним. Он посмотрел на меня долгим изучающим взглядом и сказал, что я – единственный человек, который может помочь ему в сложившейся ситуации. Он говорил очень спокойно и с расстановкой. По его словам выходило, что шанс есть, но для того, чтобы реализовать его, мне предстоит выполнить какое-то сложное, очень специфическое и опасное действие.

– Я дам тебе оружие, которое ее может пронзить. – Из своей сумки он вытащил что-то продолговатое и протянул мне. Я сначала взял эту вещь, а потом глянул на нее и чуть не выронил.

– Это – дикий вепрь, – продолжал дон Хуан. – С его помощью ты сможешь ее пронзить.

Предмет, который я держал в руке, оказался засушенной передней ногой дикого кабана. Шкура на ней была мерзкой на ощупь, от прикосновения к щетине передергивало. Копыто было раздвоенным, и его половинки торчали вперед, как будто кабан вытягивал ногу. Вид у этой штуки был, что и говорить, ужасный. Меня чуть не стошнило. Он быстро забрал ее у меня.

– Тебе придется воткнуть дикого вепря ведьме в живот, – сказал дон Хуан.

– Что? – слабеющим голосом переспросил я.

– Ты должен взять веоря в левую руку и пырнуть им ведьму. Она – колдунья, поэтому веоря войдет в ее живот, и никто, кроме другого мага, не увидит, что он там торчит. Это не обычная схватка, а выяснение отношений между магами. Опасность заключается в том, что, если ты промахнешься, она может уложить тебя на месте одним ударом. Или тебя пристрелят либо зарежут ее родственники или компаньоны. Однако ты можешь выпутаться из этой истории без последствий. Если у тебя получится, она будет так маяться с этим веорем в своем теле, что ей станет не до меня.

Меня снова охватила гнетущая тоска. Я был глубоко привязан к дону Хуану. Я им восхищался. Я научился считать его образ жизни и его знания высшими достижениями. А тут вдруг – такая дикая, жуткая просьба. Но с другой стороны, как можно позволить умереть такому выдающемуся человеку? С другой стороны – ведь он сам говорит, что от меня требуется сознательно рисковать своей жизнью... Я настолько углубился в анализ своих истинных мотивов, что не заметил, что дон Хуан поднялся на ноги и стоит надо мной, пока, наконец, он не сказал со снисходительной улыбкой, похлопав меня по плечу:

– Когда почувствуешь, что действительно готов мне помочь, – возвращайся. Но не раньше. Если ты вернешься, я буду знать, что делать. Теперь – иди. Если ты не захочешь вернуться, я все пойму.

Я автоматически поднялся, сел в машину и уехал. Дон Хуан определенно снял меня с крючка. Я мог уехать и никогда больше не возвращаться, но мысль об этом почему-то не успокаивала. Я проехал еще немного, потом резко развернулся и поехал обратно.

Дон Хуан сидел под раматой и, похоже, совсем не удивился, увидев меня.

– Садись, – сказал он. – Смотри, как красивы облака на западе. Скоро стемнеет. Сиди спокойно, и пусть сумерки наполняют тебя. Сейчас делай что хочешь, но когда я скажу, посмотришь на эти яркие облака и попросишь у сумерек силы и спокойствия.

Часа два я просидел лицом к облакам на западе. Дон Хуан ушел в дом и сидел внутри. Когда начало темнеть, он вышел и сказал:

– Вставай. Не закрывай глаза. Смотри прямо на облака. Подними руки, растопырив пальцы, и беги на месте.

Я последовал его инструкциям – встал, поднял над головой руки с растопыренными пальцами и побежал на месте. Дон Хуан зашел сбоку и стал корректировать движения. Ногу дикого веоря он сунул мне в левую руку, велел придерживать ее большим пальцем, прижимая к ладони. Потом он слегка опустил мои руки, установив их в таком положении, чтобы пальцы были направлены на запад, прямо к облакам – оранжевым, серым и почти черным. Все пальцы он тщательно выпрямил и велел ни в коем случае их не сгибать. Скрюченные пальцы – это не просьба о силе и спокойствии, а угроза. Кроме того, дон Хуан подправил и сам бег, чтобы он был ровным и спокойным, словно я и в самом деле, вытянув руки, бегу навстречу сумеркам.

В ту ночь я так и не смог заснуть. Было так, будто сумерки привели меня в бешенство, вместо того чтобы успокоить.

– В моей жизни еще так много всего, что ждет своего решения, – сказал я. – Так много неразрешенных задач...

Дон Хуан мягко усмехнулся и сказал:

– Ничто в мире не ожидает своего решения. Нет ничего законченного, но нет и ничего нерешенного. Спи.

Слова дона Хуана странным образом меня успокоили.

На следующее утро, где-то около десяти, дон Хуан накормил меня, и мы двинулись в путь. Он прошептал, что добраться до ведьмы было бы неплохо в полдень, а если удастся – то и еще пораньше. Идеальное время для нападения – самые первые часы дня, потому что утром

маги всегда наименее сильны и наименее внимательны. Но ведьма в таком состоянии ни за что не выйдет из дому, а в своем доме она хорошо защищена.

Я ничего не спрашивал. Дон Хуан сказал, чтобы я выехал на шоссе, а потом в определенном месте велел съехать на обочину и остановиться.

– Здесь мы будем ждать, – сказал он.

Я взглянул на часы. Было пять минут одиннадцатого. Меня одолевала сонливость, мысли бесцельно блуждали, внимание рассеялось. Вдруг дон Хуан выпрямился и толкнул меня. Я подскочил на сиденье.

– Вот она! – сказал он.

По краю распаханного поля в направлении шоссе шла женщина. На руке у нее висела корзина. Только сейчас я заметил, что мы остановились у перекрестка. Две узкие грунтовые дороги тянулись по обеим сторонам трассы, и еще одна, пошире, пересекала ее. Те, кто пользовался этой дорогой, должны были переходить мощеное полотно трассы. Когда женщина была еще на грунтовой дороге, дон Хуан велел мне выйти из машины.

– Вперед! – твердо скомандовал он.

Я подчинился. Женщина уже почти поднялась на шоссе. Я побежал, чтобы перехватить ее. Она была совсем близко, я почти касался ее одежды. Выдернув из-за пазухи кабанью ногу, я ткнул ею женщине в живот. Я не почувствовал никакого сопротивления тупому предмету, который держал в руке. В воздухе промелькнула тень, как будто кто-то взмахнул портьерой. Я повернул голову направо и увидел, что женщина стоит метрах в пятнадцати-двадцати от меня на другой стороне трассы. Ла Каталина выглядела очень молодо, у нее было красивое смуглое лицо и крепкое сильное тело. Она стояла и преспокойно улыбалась мне, слегка прищурившись от ветра и сверкая крупными белоснежными зубами. На правой руке по-прежнему висела корзина.

На мгновение я впал в какое-то оцепенение. Повернулся к дону Хуану. Он звал меня, отчаянно размахивая руками. Заметив, что трое или четверо мужчин уже спешат в моем направлении, я побежал к машине, прыгнул в нее, и мы уехали.

Я попытался спросить у дона Хуана, что произошло, но не смог – уши буквально лопались от внутреннего давления. Мне казалось, что меня вот-вот разорвет на куски. Дон Хуан казался довольным. Он засмеялся, как будто мое поражение ничуть его не обескуражило.

Мои ладони словно приросли к рулевому колесу, я не мог пошевелить пальцами, они как будто насквозь промерзли. Руки до плеч буквально окаменели, то же самое творилось и с ногами. Я самым натуральным образом не мог снять ногу с педали газа.

Дон Хуан похлопал меня по спине и велел расслабиться. Мало-помалу давление в ушах ослабло.

– Что там происходило? – наконец смог я выдавить из себя вопрос.

Он по-детски хихикнул, но ничего не ответил. Потом он спросил, заметил ли я, каким образом эта женщина ушла от удара. Он был в восхищении от ее реакции и быстроты. Слова дона Хуана показались мне довольно неуместными, я перестал понимать, что происходит. Он хвалил колдунью. Он сказал, что она воистину безжалостный враг и сила ее безупречна.

Я спросил:

– На тебя что, нисколько не подействовала моя неудача?

Перемена в его настроении сильно меня удивила. Я даже чувствовал некоторую досаду. Он определенно чему-то радовался.

Дон Хуан велел мне остановиться. Я поставил машину на обочине. Он положил мне руку на плечо, проникновенно заглянул в глаза и без обиняков заявил:

– Все, что я сегодня с тобой проделал, было хитростью. Таково *правило* – человек знания должен заманить своего ученика в ловушку. Сегодня я поймал тебя, хитростью поставив перед лицом жестокой необходимости учиться.

Я был ошарашен. Я не мог собраться с мыслями. Дон Хуан тем временем объяснил, что вся история с ведьмой – ловушка. Эта женщина никогда не представляла для него реальной угрозы. Его задачей было заставить меня столкнуться с ней, когда я буду находиться в особом состоянии отрешенности и силы. Я вошел именно в это состояние, пытаясь ее «пронзить». Он похвалил мою решимость и назвал ее *действием силы*, которое продемонстрировало колдунье, что я способен на мощные энергетические выплески и проявления *силы*. Дон Хуан сказал, что, хотя я этого и не осознаю, единственное, чего я достиг, – это покрасовался перед ней.

– Ты не в силах даже пальцем до нее дотронуться, – сказал он, – но когти ты ей показал. Теперь она знает, что ты не боишься и бросаешь ей вызов. Я выбрал эту женщину для своей хитрости потому, что она безжалостна, сильна и ничего не забывает. Мужчины обычно слишком заняты делами, отвлекающими их от безжалостной вражды.

Я ужасно разозлился и сказал, что это низко – играть самыми глубокими чувствами и преданностью людей.

Дон Хуан хохотал до слез. В эти мгновения я его ненавидел. Так и хотелось съездить ему по физиономии и укатить восвояси. Но в его смехе обнаружился странный ритм, который почти парализовал меня.

– Ну-ну, зачем же так злиться? – спросил дон Хуан успокаивающим тоном.

Потом он сказал, что ни одно из его действий не было фарсом и что он сам когда-то точно так же рисковал жизнью. Это было очень давно. Его бенефактор хитростью втянул его в суровую переделку, то же самое дон Хуан сегодня проделал со мной. Но бенефактор дона Хуана был человеком жестоким и не возился с ним так, как он со мной. Еще дон Хуан довольно резко добавил, что Ла Каталина действительно пробовала на нем свою силу, пытаясь сжить со свету.

– Но теперь ей известно, что ее фокусы для меня – детские игрушки. И она возненавидит за это *тебя*. Со мной ей не под силу ничего сделать, зато на тебе она попытается выместить все. Сейчас она, однако, не знает, чего ты в действительности стоишь, поэтому будет вести разведку, понемногу тебя испытывая. Так что выбора нет. Ты должен учиться, хочешь ты этого или нет, иначе окажешься в лапах этой дамы. А она шутить не любит.

И дон Хуан напомнил мне, как она перемахнула через дорогу.

– Не злись, пожалуйста, – сказал он. – То, что я сделал, не было обычной хитростью. Таково *правило*.

Действительно, прыжок этой леди через шоссе был явлением умопомрачительным. Причем я видел это своими собственными глазами – в мгновение ока она перелетела на другую сторону довольно широкой трассы. Дется от этого факта было некуда. Начиная с этого момента вся история с ведьмой крепко засела в моей памяти, и понемногу у меня накопились доказательства того, что она и впрямь меня преследует. В итоге все это вылилось в то, что под давлением трансцендентального страха я удрал от дона Хуана, бросив ученичество.

* * *

Через несколько часов, сразу после полудня, я вернулся к дому дона Хуана. Тот явно уже поджидал меня. Когда я вышел из машины, он подошел и начал с любопытством меня разглядывать. Обойдя вокруг меня пару раз и не дав мне раскрыть рта, он спросил:

– Откуда нервозность?

Я объяснил, что утром меня что-то испугало и я уехал, так как чувствовал невидимое присутствие. Что-то бродило вокруг, как это бывало и в прошлом. Дон Хуан сел и, казалось, погрузился в свои мысли. Лицо его было необычайно серьезно. Он вроде бы даже устал. Я сел рядом и стал разбирать свои записи.

После длительной паузы лицо его просветлело, и он улыбнулся.

– Утром к тебе приходил дух источника. Это его ты почувствовал. Но я же предупреждал тебя, что нужно быть готовым к неожиданным встречам с силами. Мне казалось, ты понял.

– Я понял.

– Тогда почему боишься?

Я не мог ответить.

– Дух источника стоит на твоём пути. Он уже коснулся тебя в воде. И, уверяю тебя, коснется еще. И если ты не будешь готов к этой встрече, тебе настанет конец.

Слова дона Хуана весьма меня обеспокоили, однако ощущение было довольно странным: я был встревожен, но не напуган. Слепой страх, который охватывал меня раньше, теперь уже не возникал, что бы ни происходило. Я спросил:

– Что же делать?

– Ты очень легко все забываешь, – сказал он. – Мы не по своей воле становимся на путь знания – нас на него загоняют и постоянно прищипывают. На этом пути нам постоянно приходится с чем-то бороться, чего-то избегать, быть к чему-то готовыми. И это что-то всегда непостижимо, всегда мощнее нас, всегда нас превосходит. Ты встретишься с непостижимыми силами. Сейчас это – дух источника, потом будет твой собственный *союзник*. Несколько лет назад тебя прищипывала Ла Каталина, но она всего лишь колдунья, – это фокус для новичков.

В мире действительно множество устрашающих вещей, а мы – беспомощные создания, окруженные непостижимыми и неумолимыми силами. Обычный человек по невежеству своему полагает, что их можно объяснить или изменить. На самом деле он не знает, как это сделать, однако надеется, что человечество рано или поздно сумеет объяснить их. Маг, с другой стороны, думает не об объяснениях и не о переменах. Вместо этого он использует эти непостижимые силы для того, чтобы *изменить направление*, приспособившись к направлению их действия. В этом заключается его хитрость. В магии нет ничего особенного, достаточно лишь эту хитрость узнать. Маг ничем не лучше обычного человека. Магия не избавляет его от проблем. В действительности она ему даже мешает, потому что усложняет жизнь и делает ее опасной. Открываясь знанию, маг становится уязвимее обычного человека. С одной стороны, его ненавидят и боятся люди. Естественно, они стараются всяческими способами сократить ему жизнь. С другой – непостижимые и неумолимые силы. Они окружают нас, и нам никуда от них не деться уже только по той причине, что мы живем в этом мире. Для мага они представляют собой даже более серьезную опасность, чем люди. Если мага пронзит человек, ему больно, по-настоящему больно. Но это ничто по сравнению с тем, что бывает, если его заденет *союзник*. Открываясь знанию, маг попадает в лапы сил. Единственное средство, позволяющее ему уравновесить себя и сдерживать их напор, – это *воля*. Поэтому он должен воспринимать и действовать как воин. Я еще раз повторяю: только воин выживет на пути знания. В образе жизни воина кроется сила. Именно эта сила позволяет ему жить лучшей жизнью.

Я обязан научить тебя *видеть*. Не потому, что мне этого хочется, а потому, что ты избран, на тебя мне указал *Мескалито*. Однако научить тебя действовать и чувствовать, как подобает воину, – лично мое стремление, потому что я уверен, что быть воином – это наиболее подходящий способ жить. Поэтому я постарался показать тебе те силы, с которыми сталкивается маг. Только под их ужасающим воздействием человек может стать воином. Если бы ты научился *видеть*, не став предварительно воином, это ослабило бы тебя ложным стремлением и желанием отступить. Тело твое разрушилось бы, потому что тебе стало бы все равно. Так что сделать тебя воином – мое собственное намерение. Тогда ты не сломаешься.

Ты неоднократно повторял, что всегда готов к смерти. Я считаю, что чувствовать себя всегда готовым к смерти не обязательно. Это бесполезное индальгирование в собственной слабости. Воин должен быть готов только к битве. Ты говорил, что родители искалечили твой дух. Я думаю, что дух человека не так-то легко искалечить. По крайней мере, теми действиями, которые ты считаешь калечащими дух. Но можно сделать человека мягким и хлипким,

приучить его потакать себе, жалеть себя, поддаваться прозябанию. И, должен отметить, в этом твои родители, безусловно, преуспели.

Дух воина не привязан ни к индальгированию, ни к жалобам, как не привязан он ни к победам, ни к поражениям. Единственная привязанность воина – битва, и каждая битва, которую он ведет, – его последняя битва на этой земле. Поэтому исход ее для него практически не имеет значения. В этой последней битве воин позволяет своему духу течь свободно и ясно. И когда он ведет эту битву, он знает, что воля его безупречна. И поэтому он смеется.

Я перестал писать и поднял глаза. Дон Хуан смотрел на меня. Он покачал головой и улыбнулся:

– Ты что, и правда все это записываешь? Хенаро говорит, что не может серьезно вести себя с тобой, потому что ты все время пишешь. Он прав – ну как можно быть серьезным, если все время пишешь?

Он опять улыбнулся, а я попытался защищаться.

– Да ладно, брось, это не важно, – сказал он. – Я полагаю, что если ты когда-нибудь научишься *видеть*, то сделаешь это каким-то собственным невообразимым способом.

Он встал и взглянул на небо. Было около полудня. Он сказал, что пора отправляться в горы на охоту.

– На кого?

– На особого зверя – скажем, на оленя, или на дикого кабана, а может, и на горного льва.

Он помолчал и добавил:

– Или даже на орла.

Я встал и пошел за ним к машине. Он сказал, что в этот раз мы будем только наблюдать, чтобы обнаружить, на кого следует охотиться. Он уже почти влез в машину, как вдруг остановился, как бы что-то неожиданно вспомнив, улыбнулся и сказал, что охоту придется отложить. Сначала мне следует изучить кое-что, без чего наша охота невозможна.

Мы вернулись и снова уселись под рамадой. Я хотел о многом его расспросить, но он не позволил, сразу же начав говорить.

– Теперь мы подобрались к последнему, что ты должен знать о воине. Воин отбирает то, что составляет его мир. Ты знаешь, что с тобой случилось в тот день, когда ты видел *союзника* и мне дважды пришлось тебя купать?

– Нет.

– Ты растерял свои щиты.

– Какие щиты? О чем ты?

– Я сказал, что воин отбирает то, что составляет его мир, отбирает осознанно, потому что каждая вещь, которую он отбирает, становится его щитом, защищающим от нападения сил, тех сил, которые он старается использовать. Щиты, например, используются воином для защиты от собственного *союзника*.

Обычный средний человек точно так же, как и воин, живет в окружении тех же непостижимых сил. Но он им недоступен, так как защищен особыми щитами другого типа.

Он замолчал и вопросительно взглянул на меня. Я не понимал, что он имеет в виду.

– Что это за щиты?

– Все, что люди делают.

– А что они делают?

– Ты посмотри вокруг. Все обычные люди непрерывно чем-то заняты, они делают то, что они делают. Это – их щиты. Когда маг встречается с какой-то из непостижимых и неутомимых сил, его просвет открывается. Маг становится в большей степени подвержен смерти, чем обычно. Я говорил тебе, что смерть входит в нас через этот просвет. Поэтому тот, у кого он открыт, должен быть готов в любой момент заполнить его своей *волей*. Конечно, если он – воин. Но ты пока что не воин. А если человек не является воином, то ему не остается ничего

другого, как только использовать житейские проблемы для отвлечения сознания от устрашающих встреч с непостижимыми и неумолимыми силами. Тем самым человек закрывает свой просвет. В тот день, когда ты увидел *союзника*, ты разозлился на меня. Своим экспериментом с твоим автомобилем я специально сделал так, чтобы ты пришел в ярость. Купал я тебя для того, чтобы ты основательно замерз. Ты купался в одежде и замерз еще сильнее. Закрыв твой просвет, холод и ярость стали в тот день твоей защитой. Однако использовать подобного рода «житейские щиты» так же эффективно, как их использует обычный человек, ты уже не способен – слишком много знаешь о силах. Поэтому ты сейчас вплотную приблизился к тому, чтобы чувствовать и действовать как воин. Твои старые щиты разбиты.

– И что мне следует делать?

– Действовать, как подобает воину. Отбирать частицы твоего мира. Ты больше не можешь обращаться с вещами как попало. Я говорю тебе это самым серьезным образом. Теперь ты впервые не в безопасности при твоём старом образе жизни.

– Что ты имеешь в виду под отбором частиц моего мира?

– Воин встречает эти необъяснимые и непреклонные силы, потому что он намеренно ищет их. Поэтому он всегда готов ко встрече с ними. Ты, например, никогда не готов к ней. Фактически, если силы явятся к тебе, они захватят тебя врасплох. Испуг откроет твой просвет, и твоя жизнь беспрепятственно ускользнет через него. Первое, что ты должен сделать, – это быть готовым. Думай, что *союзник* собирается выскочить перед твоими глазами в любую минуту. Ты должен быть готов к этому. Встреча с *союзником* – не воскресный пикник. Воин принимает на себя ответственность по защите своей жизни. Поэтому, если какая-либо из этих сил стучится к тебе и открывает твой просвет, ты должен намеренно бороться за то, чтобы закрыть его самому. Для этой цели ты должен иметь избранный ряд вещей, который дает тебе спокойствие и удовольствие. Вещей, которые ты можешь намеренно использовать для того, чтобы убрать свои мысли от испуга, закрыть свой просвет и сделать себя цельным.

– Что это за вещи?

– Несколько лет назад я говорил тебе, что в своей повседневной жизни воин выбирает себе путь сердца. Именно это отличает его от обычного человека. Воин знает, что он на пути сердца, когда един с этим путем, когда переживает огромное спокойствие и удовлетворение, идя по нему. Вещи, которые выбирает воин, чтобы сделать свои щиты, – это частицы пути сердца.

– Но ты сказал, что я не воин, как же я могу выбрать путь сердца?

– Это твоя поворотная точка. Можно сказать, что раньше у тебя не было реальной необходимости жить как воин. Теперь иначе. Теперь ты должен окружить себя частицами пути сердца и отказаться от остального. Или же ты погибнешь при следующей встрече. Я могу добавить, что ты больше можешь не просить о встрече. Теперь *союзник* может прийти к тебе во сне, во время твоего разговора с друзьями или когда ты пишешь.

– Я уже годами искренне старался жить в соответствии с твоими поучениями. Очевидно, я делал это недостаточно хорошо. Как я теперь могу делать это лучше?

– Ты слишком много думаешь и разговариваешь. Ты должен прекратить разговор с самим собой.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты слишком много разговариваешь с самим собой. Ты в этом не исключение. Каждый из нас делает это. Мы ведем внутренний диалог. Подумай об этом. Что ты делаешь, когда остаешься один?

– Я разговариваю сам с собой.

– О чем ты разговариваешь с собой?

– Я не знаю. Я полагаю, о чем угодно.

– Я скажу тебе, о чем мы разговариваем сами с собой. Мы разговариваем о нашем мире. Фактически, мы создаем наш мир нашим внутренним диалогом.

– Как мы это делаем?

– Когда мы перестаем разговаривать с собой, мир такой, каким он должен быть. Мы обновляем его, мы наделяем его жизнью, мы поддерживаем его своим внутренним диалогом. И не только это. Мы также выбираем свои пути в соответствии с тем, что мы говорим себе. Так мы повторяем тот же самый выбор еще и еще, до тех пор, пока не умрем. Потому что мы продолжаем все тот же внутренний диалог.

Воин осознает это и стремится остановить этот диалог. Это последнее, что ты должен знать, если хочешь жить как воин.

– Как я могу перестать говорить сам с собой?

– Прежде всего, ты должен использовать уши, чтобы снять часть нагрузки с глаз. Мы с самого рождения использовали свои глаза для того, чтобы судить о мире. Мы говорим с другими и с собой главным образом о том, что мы видим. Воин сознает это и прислушивается к звукам мира.

Я отложил свои записи. Дон Хуан засмеялся и сказал, что он не собирался навязывать мне результат. Что прислушивание к звукам мира должно быть гармоничным и терпеливым.

– Воин сознает, что мир изменится, как только он перестанет говорить сам с собой, – сказал он. – Он должен быть готов к этому необычному толчку.

– Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

– Мир такой-то и такой-то потому, что мы сказали себе, что он такой-то и такой-то. Если мы перестанем говорить себе, что он такой, то он перестанет быть таким. Я не думаю, что ты в этот момент готов к такому внезапному удару, поэтому ты должен перестать создавать мир.

– Я действительно не понимаю тебя!

– Твоя беда в том, что ты смешиваешь мир с тем, что делают люди. Но ты не одинок в этом – каждый из нас делает это. Вещи, которые делают люди, являются щитами против сил, которые нас окружают. То, что мы делаем как люди, дает нам удобство и чувство безопасности. То, что делают люди, по праву очень важно, но только как щит. Мы никогда не знаем, что все, что мы делаем как люди, – это только щиты, и мы позволяем им господствовать и попираť нашу жизнь. Фактически, я должен сказать, что для человечества то, что делают люди, более важно и значимо, чем сам мир.

– Что ты называешь миром?

– Мир – это все, что заключено здесь, – сказал он и топнул ногой по земле. – Жизнь, смерть, *союзники* и все остальное, что окружает нас. Мир необъятен. Мы никогда не сможем понять его. Мы никогда не разгадаем его тайну. Поэтому мы должны принимать его таким, как он есть, – чудесной загадкой. Обычный человек не делает этого. Мир никогда не является загадкой для него, и когда он приближается к старости, он убеждается, что у него нет больше ничего, для чего стоит жить. Старик не исчерпал мира. Он исчерпал только то, что делают люди. В своем глубоком замешательстве он верит, что мир не имеет больше загадок для него. Вот ужасная цена, которую приходится платить за наши щиты. Воин осознает эту путаницу и учится относиться к вещам правильно. Вещи, которые делают люди, ни при каких условиях не могут быть более важными, чем мир. И, таким образом, воин относится к миру как к бесконечной тайне, а к тому, что делают люди, – как к бесконечной глупости.

Глава 15

Я начал упражняться в «слушании звуков мира». Дон Хуан велел мне практиковать это в течение двух месяцев. Слушать и не смотреть было мучительно трудно, но куда более тяжелым делом оказалась борьба с внутренним диалогом. Тем не менее к концу второго месяца я научился его останавливать, правда, на очень короткие промежутки времени, а также обращать внимание на звуки.

Я приехал к дону Хуану 9 ноября 1969 года.

– Прямо сейчас и отправимся в дорогу, – сказал он.

Я немного отдохнул, и мы поехали на восток – к горам. Оставив машину на попечение одного из его друзей, жившего неподалеку, мы пешком отправились в горы. Дон Хуан положил в рюкзак галеты и несколько сладких булочек для меня, так чтобы еды хватило на пару дней. Я спросил, не взять ли еще что-нибудь из продуктов, но он отрицательно покачал головой.

Всю первую половину дня мы шли. День выдался очень теплый. У нас была только одна фляжка воды, из которой пил в основном я. Дон Хуан дважды немного глотнул. Когда вода закончилась, он сказал, что здесь смело можно пить прямо из ручьев, постоянно попадавшихся на пути, и посмеялся над моими сомнениями, отбросить которые меня вскоре заставила жажда.

После полудня мы остановились в небольшой долине у подножия холмов, покрытых сочной зеленью. За ними, на востоке, на фоне облачного неба возвышались силуэты высоких гор.

– Ты можешь записывать все наши разговоры и все свои впечатления, но никогда не должен упоминать места, где мы сейчас находимся, – сказал дон Хуан.

Мы немного отдохнули, а потом он достал из-за пазухи сверток и показал мне свою трубку. Набив ее курительной смесью, он спичкой зажег сухую хворостинку, которую засунул в трубку. Трубку он протянул мне. Раскурить ее без уголька оказалось достаточно сложно, и нам пришлось не один раз поджигать палочки, прежде чем смесь разгорелась.

Когда я докурил, он сказал, что мы пришли сюда выяснить, на какую дичь мне предстоит охотиться. Очень внятно он три или четыре раза повторил, что главная моя задача – найти дыры. Дон Хуан так и говорил – «дыры», и даже особо выделял это слово. Он сказал, что в таких «дырах» маг может найти самые разные послания, указания и инструкции.

Я хотел спросить, что это за дыры, но дон Хуан, как бы предупредив мой вопрос, объяснил, что их невозможно описать, так как они относятся уже к области *видения*. Несколько раз он повторил, что все внимание нужно сосредоточить на звуках и постараться отыскать *дыры* между ними. Он сказал, что четыре раза сыграет на своем *ловце духов*. Моей задачей было воспользоваться этими жуткими звуками для того, чтобы добраться до приглашавшегося *союзника*. Если это мне удастся, я получу от него очень важное для меня послание. Дон Хуан сказал, что я должен быть в абсолютной готовности, поскольку неизвестно, как появится *союзник* на этот раз.

Я внимательно слушал, сидя возле каменного склона холма и прислонившись к нему спиной. Чувствовалось легкое онемение. Дон Хуан напомнил, что закрывать глаза нельзя. Начав прислушиваться, я смог различить пение птиц, шум ветра в листве, жужжание насекомых. Сосредоточиваясь на каждой из этих категорий звуков, я различил четыре типа птичьего пения. Можно было различить шум ветра, дующего с различной скоростью, большой и маленькой, и три типа шелеста листьев. Жужжание насекомых просто поражало. Их было так много, что я не мог их ни сосчитать, ни даже различить.

Я погрузился в странный мир звуков. Такого со мной еще никогда не было. Я начал медленно сползать вправо. Дон Хуан сделал было движение, чтобы не дать мне упасть, но я опередил его, выпрямившись самостоятельно. Дон Хуан передвинул меня, усадив так, чтобы спина

устойчиво покоилась во впадине скалы, вымел мелкие камни у меня из-под ног и аккуратно прислонил к скале мою голову.

Затем он велел смотреть на юго-восточные горы. Я зафиксировал взгляд на далеких горах, но он поправил меня, сказав, что нужно смотреть не на них и не фиксировать взгляд, а переводить его от точки к точке, как бы осматривая возвышающиеся напротив холмы и растительность на их склонах. Вновь и вновь он повторял, что внимание должно быть сосредоточено на слуховом восприятии.

Опять на первый план вышел мир звуков. Причем не то чтобы я намеренно их слушал, скорее они сами заставляли меня вслушиваться в них. Ветер шуршал листьями. Он взлетал высоко в самые кроны деревьев на холмах и обрушивался в долину, где мы сидели. Падая, он сначала пробегал по листве высоких деревьев. Они издавали интенсивный звук. Я бы сказал, что это был богатый, сочный и даже звенящий шорох. Потом звучали кусты – мелодично, завораживающе и в то же время требовательно. Он, казалось, мог заглушить все остальное. Мне он показался крайне неприятным. Звук был настолько близко от меня, что я почувствовал тревогу. И, наконец, ветер прокатывался по земле, издавая звук, мало похожий на шорох. Скорее это было что-то вроде свиста или даже низкого монотонного плоского жужжания. Вслушиваясь в шум ветра, я понял, что в нем одновременно смешиваются звуки всех трех типов. Было интересно, как мне удалось их разделить. Но тут я начал различать пение птиц и жужжание насекомых, словно в течение шума ветра в поле моего сознания ворвался мощный поток всех остальных звуков. Хотя, по логике вещей, эти звуки никуда не девались и тогда, когда я слышал один лишь ветер.

Пересчитать все птичьи посвисты и жужжания насекомых я не мог, однако был абсолютно уверен, что слышу каждый отдельный звук. Сочетание звуков было исключительно упорядоченным. Я действительно не мог бы найти более подходящего слова для описания характера всей звуковой гаммы, чем «упорядоченность». Звучание имело структуру: звуки возникали в строго определенной последовательности.

Затем я услышал ни на что не похожий продолжительный вой. От него меня бросило в дрожь. На какое-то время все другие звуки умолкли, и долина погрузилась в мертвое молчание. Когда эхо этого воя достигло внешних границ долины и растаяло, звуки появились вновь. Я снова уловил структуру и внимательно в нее вслушался. Спустя мгновение мне стало ясно, что имел в виду дон Хуан, говоря о дырах между звуками. В шумовой структуре звуки были отделены друг от друга паузами! Например, особые посвисты птиц следовали через строго определенные интервалы. То же самое можно было сказать обо всех без исключения воспринимаемых мною звуках. Шорох листьев служил чем-то вроде тягучего вязкого клея, придававшего всей структуре характер однородного шума. Но главным было то, что продолжительность каждого звука являлась как бы единицей в общей шумовой структуре.

Промежутки или паузы между звуками, когда я обращал на них внимание, оказывались дырами в них.

Снова раздался продолжительный вой *ловца духов* дона Хуана. Я не почувствовал толчка, но звуки опять смолкли, и я воспринял их перерыв как очень большую дыру. В это мгновение внимание сместилось от слуха к зрению. Я смотрел на гряды низких холмов, покрытых сочной зеленой растительностью. В силуэте гряды был разрыв, как раз в том месте, на которое я смотрел. Он воспринимался как дыра в одном из холмов. Это был промежуток между холмами, сквозь который мне был виден темно-серый цвет далеких гор. В течение короткого промежутка времени я не понимал, что это такое. Казалось, что просвет, на который я смотрю, – это «дыра» между звуками. Затем звуки появились вновь, но визуальное изображение дыры осталось. Спустя мгновение я с еще большей ясностью начал осознавать шумовую структуру и расстановку в ней пауз. Сознание обрело способность четко различать и выделять каждый отдельный звук из огромного их количества. Я мог проследить за возникновением и исчезно-

вением каждого звука, и все паузы, таким образом, воспринимались как вполне определенные дыры. В какой-то момент паузы как бы кристаллизовались, образовав в моем сознании некое подобие решетчатой структуры. Я не видел и не слышал. Я ощущал ее какой-то непонятной частью своего существа.

Дон Хуан опять заиграл на своей струне, и вновь звуки смолкли, образовав гигантскую звуковую дыру. Однако на этот раз пауза в шумовой структуре была как бы окаймлена дырой между холмами, на которую я смотрел. Эти две дыры наложились друг на друга. Эффект наложения сохранялся достаточно долго. Я успел «увидеть-услышать» совпадение их контуров. Снова восстановился шум, и структура пауз превратилась в гармоничную и почти визуальную воспринимаемую картину. Я увидел, как звук образует структуру и как структуры всех звуков накладываются на окружающий пейзаж. Это было похоже на совмещение дыр, которое я только что наблюдал. Мое восприятие принципиально отличалось от слухового и от зрительного, но сочетало в себе свойства обоих. Внимание почему-то было сосредоточено на огромной дыре в холмах. Я чувствовал, что одновременно вижу и слышу ее. В ней было что-то притягательное, даже соблазнительное. Она занимала все поле моего восприятия, и каждая отдельная звуковая структура, совмещенная с характеристикой пейзажа, каким-то образом определялась этой дырой и зависела от нее.

Еще раз я услышал жуткий вопль *ловца духов* дона Хуана.

Все остальные звуки смолкли, две большие дыры как бы начали светиться, и через мгновение я увидел вспаханное поле. *Союзник* стоял на том же месте, где я видел его впервые. Вся сцена выглядела очень четкой. *Союзника* я видел так хорошо, словно до него было метров сорок – сорок пять. Но лица видно не было – по-прежнему мешала шляпа. Потом он пошел ко мне, медленно поднимая голову. Вот уже почти все лицо *союзника* открылось мне, я был в ужасе и знал, что должен непременно его остановить. Странная волна прокатилась по телу, я почувствовал, как излучается *сила*. Я хотел повернуть голову в сторону, чтобы прервать видение, но не смог. В этот критический момент меня осенила одна мысль. Я понял, что имел в виду дон Хуан, говоря о пути сердца и о щитах на этом пути. В моей жизни было что-то, что я хотел сделать, что-то очень нужное и увлекательное, что могло наполнить меня всепроникающей радостью и покоем. Теперь я знал, что *союзнику* не под силу меня одолеть. Без всякого труда я повернул голову, прежде чем все его лицо открылось мне полностью.

И тогда вновь стали слышны все звуки, которые вдруг стали громкими и пронзительными, словно обозлились на меня. Утратив структурность, они превратились в аморфный сгусток острых воплей, причинявших мне боль. От их давления в ушах зазвенело. Ощущение было таким, будто голова вот-вот разорвется на куски. Я встал и закрыл ладонями уши.

Дон Хуан помог мне дойти до ручья, заставил раздеться, лечь и «вкатил» в него. Я лежал в почти высохшем русле, а он черпал моей шляпой воду и обливал меня.

Давление в ушах быстро упало. На «отмывку» меня ушло всего несколько минут. Осмотрев меня, дон Хуан одобритительно кивнул и сказал, что я сделался «твердым» почти сразу.

Я оделся, и он велел мне сесть на прежнее место. Я чувствовал необыкновенный подъем. Сознание работало ясно и четко.

Дона Хуана интересовали все подробности моего *видения*. Он сказал, что маги используют звуковые дыры для получения особой информации. Через эти дыры *союзник* мага показывает ему очень сложные взаимоотношения явлений мира. Подробнее говорить о дырах дон Хуан отказался. Попытку задавать вопросы на эту тему он немедленно пресек, сказав, что, пока у меня нет собственного *союзника*, такая информация мне только навредит.

– Для мага все наполнено смыслом, – сказал он. – В звуках, как и во всем окружающем, имеются дыры. Обычный человек не замечает их из-за низкой скорости восприятия. Поэтому он беззащитен перед жизнью. Черви, птицы, деревья, все существа могут рассказывать нам удивительные, невообразимые вещи. От нас требуется только скорость, достаточная, чтобы уло-

вить их послания. Мы можем ее добиться. В частности, дымок дает человеку такую скорость. Но для этого нам нужно состоять в хороших отношениях со всем миром. Именно поэтому мы должны беседовать с растениями, которые собираемся убить, и просить прощения за причиненный им вред. Это касается и животных, на которых мы охотимся. Мы всегда должны брать ровно столько, сколько нам нужно. Иначе убитые нами растения, животные и черви обернутся против нас и станут причиной наших болезней и несчастий. Понимая это, воин старается их успокоить. Поэтому, когда он заглядывает в дыры, и деревья, и птицы, и черви посылают ему нужные сообщения.

Но сейчас все это не так уж важно. Существенно лишь то, что ты видел *союзника*. Это и есть твоя дичь. Я говорил тебе, что мы отправляемся на охоту. На кого – я не знал, но предполагал, что на какого-то зверя. Я решил, что ты должен увидеть зверя, на которого мы будем охотиться. Я в свое время увидел вепря, и поэтому мой «ловец духов» – вепрь.

– Ты хочешь сказать, что он сделан из дикого кабана?

– Нет. В магии этого не бывает. Мой «ловец духов» не сделан из вепря, он *является* им.

– Почему мы пришли сюда охотиться?

– *Союзник* показывал тебе «ловца духов», которого вытащил из своей шляпы. Тебе нужен «ловец духов», только с ним ты сможешь его призвать.

– Что представляет из себя «ловец духов»?

– Это веревочка. С ее помощью я могу призывать *союзников*, в том числе – своего собственного, или духов источников, рек, гор. Мой «ловец духов» – вепрь, поэтому он и звучит подобно ему. С тобой я использовал его дважды, когда призывал духа источника тебе помочь. И он явился, так же как явился сегодня *союзник*. Но ты не видел его, потому что тебе не хватало скорости. Однако в тот день, когда ты лежал на камне в водном каньоне, ты знал, что дух почти одолел тебя, хотя и не видел его. Такого рода духи являются помощниками. Но управлять ими сложно, и в каком-то смысле они очень опасны. Чтобы справиться с ними, нужно иметь безупречную *волю*.

– На что они похожи?

– Каждый человек воспринимает их по-своему. Впрочем, как и *союзников*. Видишь, тебе, например, *союзник* является в образе человека, которого ты когда-то знал или всегда будешь стремиться узнать. Такова склонность твоей натуры. Тебе свойственна таинственность. В этом я на тебя не похож, поэтому *союзник* является мне в образе чего-то вполне определенного.

Духи источников соответствуют особым местам. С тем, которого я призывал тебе на помощь, я хорошо знаком лично. Он обитает в том каньоне. Когда я в тот раз его вызывал, ты был недостаточно силен, и он обошелся с тобой довольно сурово. Это не было его намерением – у них вообще не бывает намерений, – просто ты лежал там и был слаб, слабее, чем я предполагал. В другой раз, в оросительной канаве, он чуть не убил тебя. Это было, когда ты начал светиться зеленым светом. Он застал тебя врасплох, и ты едва не поддался. В таких случаях дух всегда возвращается за своей жертвой. Так что, я уверен, ты с ним еще встретишься. К сожалению, после использования дымка тебе нужна вода, чтобы снова стать «твердым». Это ставит тебя в трудное положение. Если ты не воспользуешься водой, то, вероятно, умрешь, а если воспользуешься, то тебя захватит дух.

– Но в других местах мне можно пользоваться водой?

– Это не имеет значения. Пока у тебя нет «ловца духов», дух источника, обитающий возле моего дома, может достать тебя где угодно. Поэтому *союзник* и показывал тебе «ловца духов». Он тебе необходим – вот что он имел в виду. Помнишь, он намотал его на руку и указал тебе на водный каньон? Сегодня он снова собирался показать тебе «ловца духов». Но ты прервал видение и поступил мудро – *союзник* двигался слишком быстро для твоей силы, и столкновение с ним имело бы для тебя очень серьезные последствия.

– Ну хорошо, а где же мне теперь взять «ловца духов»?

- Как я понял, *союзник* собирался тебе его дать.
- Каким образом?
- Откуда я знаю? Тебе придется сходить к нему. Он уже сказал, где его искать.
- Где же?
- На тех холмах, где ты видел дыру.
- Я что, должен найти самого *союзника*?
- Нет. Но он уже приветствует тебя. Дымок открыл тебе путь к нему. Позже ты встретишься с ним самим. Лицом к лицу. Но это случится только после того, когда ты хорошо с ним познакомишься.

Глава 16

Вечером 15 декабря 1969 года мы опять пришли в ту же долину. Пока мы пробирались сквозь кустарник, дон Хуан то и дело повторял, что направление и ориентиры имеют решающее значение в той задаче, которую мне предстоит выполнить.

– Ты должен определить верное направление сразу после того, как поднимешься на вершину холма, – сказал он. – И тут же повернуться лицом к этому направлению. – Он указал на юго-восток. – Запомни, это – твое направление, особенно когда у тебя трудности.

Мы остановились у подножия холмов, в которых была дыра. Дон Хуан указал мне, где сесть. Сам он сел рядом и подробно меня проинструктировал. Он сказал, что, как только я достигну вершины холма, я должен вытянуть перед собой правую руку, повернув ее ладонью к земле и растопырив прямые пальцы. Большой палец, однако, должен быть прижат к ладони. Потом нужно повернуть голову на север и согнуть руку перед грудью так, чтобы кисть тоже указывала на север, и танцевать, поставив левую ступню позади правой и ударяя ее носком по земле. Дон Хуан сказал, что, когда в левой ноге появится ощущение поднимающегося тепла, нужно медленно взмахнуть рукой с севера на юг и обратно.

– Над какой-то точкой ладонь почувствует тепло. Направление на эту точку и будет направлением, в котором следует повернуться лицом, а сама эта точка обозначает место, на которое тебе необходимо сесть, – объяснил он. – Восточное и юго-восточное направления означают, что результат будет исключительно удачным. Север означает, что тебе изрядно достанется, но есть шанс повернуть ход событий в свою пользу. Юг – плохо, он означает тяжелую борьбу.

В первый раз тебе придется сделать взмаха три-четыре. Впоследствии, когда движение будет как следует отработано, ты с первого взмаха сможешь определить – будет рука нагреваться или нет.

Найдя место, над которым нагревается рука, сядешь на него. Это – твоя первая точка. Если окажется, что ты сидишь лицом на север или на юг, хорошенько подумай, достаточно ли ты силен, чтобы продолжать. Если сомневаешься в себе – вставай и уходи, потому что при отсутствии уверенности продолжать бессмысленно. Если решишь остаться – расчисти место для костра в полутора метрах от себя. Это место должно находиться от тебя строго в том направлении, куда обращено твое лицо. Потом собери весь хворост между первой точкой и расчищенным местом и разведи на нем огонь. Место для костра – твоя вторая точка. Сидя в первой точке, смотри на огонь, то есть – на вторую.

Если, сделав четыре взмаха, ты не почувствуешь тепла, медленно махни с севера на юг, а потом повернись кругом и махни на запад. Если рука начнет нагреваться в любой точке западного сектора – бросай все и беги со всех ног вниз, в долину, и что бы ты ни слышал и ни чувствовал сзади, не оборачивайся. Как только достигнешь ровного места – падай, независимо от того, насколько ты напуган. Ни в коем случае не продолжай бежать – падай сразу же, сними куртку, скомкай ее и прижми к животу. Подтяни ноги к себе и лежи, свернувшись калачиком, лицом вниз. Руками крепко обхвати ноги, ладонями закрой глаза. Так лежи до утра. Если ты точно выполнишь мои указания, все будет хорошо и никто вреда тебе не причинит.

Если же ты вдруг почувствуешь, что не успеваешь добежать до ровного места, – падай сразу же. Тогда тебе придется очень туго. На тебя нападут. Но если ты будешь лежать тихо и спокойно, не шевелясь и не оглядываясь, то и в этой переделке останешься цел.

Если рука не начнет нагреваться и в западном секторе – тоже беги что есть духу, но на восток. Беги, пока хватит дыхания. Когда почувствуешь, что дальше бежать не в силах, остановись и в этой точке повтори все с самого начала. Ты должен бежать на восток, останавлива-

ясь и выполняя весь набор манипуляций, до тех пор, пока не найдешь место, в котором рука будет нагреваться.

Дон Хуан заставил меня несколько раз повторить все его инструкции, пока я их досконально не запомнил. После этого мы долго сидели молча. Пару раз я порывался заговорить, но он повелительным жестом приказывал молчать.

Темнело. Дон Хуан все так же молча встал и начал взбираться на холм. Я последовал за ним.

Наверху я сделал все так, как он сказал. Дон Хуан стоял рядом и внимательно следил за мной. Я специально делал все очень медленно и аккуратно, пытаюсь почувствовать малейшее изменение температуры. Но ничего не ощущал. Было уже довольно темно, но я все же мог бежать на восток, не цепляясь за низкий кустарник. Совсем запыхавшись, я остановился. Далеко отбежать от первого места не удалось – я очень устал и чувствовал огромное напряжение. Предплечья и голени болели.

Я вновь повторил все движения. Безрезультатно. Тогда я опять побежал на восток. Так повторялось дважды. На третий раз, когда я махал рукой, ладонь сильно нагрелась над точкой, лежавшей к востоку от меня. Меня поразило, насколько ощутимым было изменение температуры. Я сел, подождал дон Хуана и сказал ему, что почувствовал тепло. Он велел продолжать и развести костер. Сам он сел слева в метре от меня.

Языки огня танцевали, рисуя странные фантастические силуэты. Иногда пламя вдруг становилось радужным, иногда – голубоватым, а иногда – ослепительно белым. Я объяснил себе такое необычное поведение огня особым химическим составом хвороста, который собрал для костра. У огня было еще одно странное свойство – в центре пламени время от времени мелькали вспышки. И каждый раз, когда я подкладывал хворост, в огне что-то вспыхивало, как будто взрывался теннисный мяч.

Я пристально смотрел на огонь, считая, что именно это имел в виду дон Хуан. У меня закружилась голова. Дон Хуан дал мне свою тыквенную флягу и велел выпить воды. Вода расслабила и приятно освежила меня.

Дон Хуан наклонился ко мне и прошептал, что не нужно так пристально смотреть на огонь. Я должен просто смотреть в этом направлении. После часа наблюдения я сильно замерз и почувствовал сырость. Неожиданно, когда я собрался наклониться, чтобы в очередной раз собрать хворост, что-то напоминающее мотылька метнулось справа налево между мной и огнем. Я немедленно выпрямился и взглянул на дон Хуана. Тот движением подбородка велел мне смотреть в сторону огня. Через мгновение эта же тень мелькнула в обратном направлении.

Дон Хуан поспешно вскочил и начал засыпать костер землей, пока полностью не сбил пламя. Он делал все очень быстро. Я успел только подвинуться, чтобы помочь ему, как огня уже не было. Он затоптал тлеющие ветки и чуть ли не силой потащил меня вниз, а потом – прочь из долины. Он шел очень быстро, не оборачиваясь и не позволяя мне говорить.

Через несколько часов мы добрались до места стоянки машины. Я спросил, что это было. Дон Хуан только мотнул головой, и мы молча уехали.

Как только мы подъехали к дому, он сразу же вошел внутрь, жестом запретив мне разговаривать.

Дон Хуан сидел во дворе за домом и, похоже, ожидал, когда я проснусь. Как только я вышел из дома, он заговорил. Он сказал, что тень, которую я видел прошлой ночью, была духом, силой, обитающей в том месте. Он сказал, что это существо совершенно бесполезно и безвредно.

– Оно просто существует в том месте, но не владеет секретами *силы*, так что оставаться там было бессмысленно. Ты бы всю ночь так и просидел, глядя, как перед глазами мельтешит тень. Однако есть существа, которые могут поделиться секретом *силы*. Если, конечно, тебе повезет с ними встретиться.

Мы позавтракали и молча сидели перед домом. Неожиданно дон Хуан заговорил:

– Существует три типа существ. Существа первого типа совершенно бесполезны, они ничего не могут дать, потому что ничего не имеют. Существа второго типа – устрашающие, эти способны только пугать. И третьего – владеющие дарами. Вчерашнее существо относилось к первому типу, оно безмолвно, у него ничего нет, это – всего лишь тень. Правда, в большинстве случаев с безмолвными силами связаны существа второго типа – отвратительные духи, которые вечно болтаются в местах, где обитают безмолвные. Поэтому я и решил, что оттуда нужно поскорее убраться. Эти мерзкие существа обычно увязываются за людьми, забираются в их дом и делают жизнь невыносимой. Я знаю несколько случаев, когда людям приходилось из-за них покидать свои жилища.

Впрочем, всегда находятся люди, полагающие, что из существ этого типа можно извлечь какую-то выгоду, но само по себе то, что в доме живет дух, еще ничего не значит.

Его можно приманивать, за ним можно следить, но он способен только на то, чтобы выкинуть какой-нибудь жуткий фокус, получить же что-либо путное от него невозможно. Был такой случай: люди даже установили дежурство и несколько месяцев караулили одно из таких пакостных существ, которое забралось к ним в дом. В конце концов вмешались соседи и вытащили их из дома, иначе все это закончилось бы плохо. Они и так уже едва не валились с ног от истощения и усталости. Поэтому единственно мудрое решение при встрече с духом второго типа – не трогать его.

Я спросил, как заманивают духов. Дон Хуан ответил, что сначала люди пытаются найти наиболее вероятные места появления духа, а потом раскладывают на его пути оружие, в надежде, что дух до него дотронется. Духи любят оружие и прочие военные принадлежности. Любой предмет, которого коснулся дух, непременно становится *предметом силы*. Однако существа отвратительного типа никогда ничего не трогают, а только производят иллюзию шума.

Я спросил, каким образом такие духи могут пугать людей. Он ответил, что чаще всего они появляются в образе темной тени человеческой формы, которая бродит по дому, производя жуткий стук или бормоча разными голосами. Бывают еще темные тени, неожиданно выскакивающие из углов.

Дон Хуан сказал, что духи третьего типа – это и есть настоящие *союзники*. Они одаривают тайнами. Обитают они в безлюдных, труднодоступных местах. Тому, кто хочет встретиться с таким существом, приходится далеко путешествовать и ходить в одиночку. Находясь в одиночестве в подобном месте, человек должен выполнить все необходимые действия. Если, сидя перед огнем, он увидит промелькнувшую тень, ему следует сразу же уходить. Однако в случае других проявлений, таких, например, как сильный ветер, который задувает огонь и не дает его зажечь не менее четырех раз подряд, или падение ветки, отломавшейся от ближайшего дерева, – необходимо остаться. Нужно только убедиться в том, что это действительно отломилась ветка.

Также необходимо обращать внимание на перекатывающиеся камни, мелкие камешки, падающие в костер, а также любой устойчивый непрерывный шум. Нужно идти в том направлении, где произошло подобное явление, до тех пор, пока дух не явится сам.

Существа третьего типа испытывают война и действуют при этом по-разному. Скажем, *союзник* может вырасти перед человеком как из-под земли, приняв невообразимо жуткий вид, может схватить в темноте сзади и, не давая пошевелиться, продержаться несколько часов. Может опрокинуть на него дерево. Дон Хуан сказал, что силы эти по-настоящему опасны. И хотя они сами не могут убить человека, им вполне под силу до смерти его испугать, сделать так, чтобы что-то тяжелое рухнуло ему на голову, или, выскочив перед самым его носом, заставить от неожиданности оступиться и сорваться с обрыва.

Он сказал, что, если мне придется когда-нибудь столкнуться с таким существом при неблагоприятных обстоятельствах, ни в коем случае нельзя бороться, потому что тогда я наверняка погибну. У того, кто начинает сопротивляться, *союзник* отнимает душу. Поэтому нужно броситься на землю и терпеть до утра.

– Встречаясь с *союзником* – владельцем тайн, – говорил дон Хуан, – нужно собрать в кулак все свое мужество и схватить его прежде, чем он схватит тебя, или начать его преследовать раньше, чем он погонится за тобой. Преследование должно быть неотступным. Затем будет схватка. Нужно бороться с духом до тех пор, пока не удастся прижать его к земле, а добившись этого, держать, пока он не отдаст тебе свою силу.

Я спросил его, насколько материальны эти силы, если их можно потрогать. У меня слово «дух» всегда ассоциировалось с понятием чего-то эфемерного.

– Так не называй их духами, – ответил он. – Называй *союзником* или непостижимыми силами.

Какое-то время он молчал, потом лег на спину и положил руки под голову.

Я настаивал на том, чтобы он вернулся к теме о степени материальности *союзников*.

– Проклятье, конечно, они материальные, – сказал он, помолчав. – Когда с ними борешься, они даже становятся твердыми. Эти существа рассчитывают на испуг человека, поэтому если борешься с одним из них как подобает воину, они быстро теряют напряжение, а ты становишься сильным. Их энергию можно самым натуральным образом поглощать.

– Какого рода это «напряжение»?

– Сила, мощь, энергия. Когда к ним прикасаешься, они вибрируют, словно собираются тебя разорвать. Но это только видимость. Напряжение иссякает, если ты их продолжаешь держать.

– А что происходит, когда они теряют напряжение? Растворяются в воздухе?

– Нет. Они просто теряют силу, сохраняя тем не менее материальность. Но это ощущение, когда их держишь, невозможно передать словами. Оно ни на что не похоже.

Вечером я рассказал дон Хуану, что, скорее всего, тогда ночью я видел ночную бабочку. Он засмеялся и терпеливо объяснил, что мотыльки порхают только возле ламп. Лампы не обжигают крыльев. Огонь сжигает их сразу, как только мотыльки к нему подлетают. Кроме того, тень заслоняла собой весь костер, то есть была явно велика для мотылька. Тут я вспомнил, что тень и в самом деле на какое-то мгновение полностью закрыла костер. Однако все произошло так быстро, что я не успел обратить на это внимания. Затем он напомнил, что вспышки были очень большими и улетали влево, хотя ветра не было вообще. Это была правда, та ночь была на удивление тихой.

Я упустил из виду еще один момент – зеленоватое свечение в пламени. Я заметил его, когда дон Хуан велел мне смотреть на огонь после первого явления тени. Он напомнил мне об этом. Кроме того, ему не нравилось, что я называю эту штуку тенью. Он сказал, что она скорее напоминала пузырь.

Спустя два дня, 17 декабря 1969 года, дон Хуан как бы между прочим заметил, что я знаю все необходимые детали и приемы, чтобы пойти в холмы самостоятельно и добыть предмет силы – *ловца духов*. Он велел мне отправиться в одиночку, уверяя, что его общество мне только помешает.

Но когда я уже был готов отправиться, он, похоже, передумал и сказал:

– Пожалуй, ты еще не достаточно силен. Я пойду с тобой, но останусь внизу.

Когда мы пришли в небольшую долину, где я видел *союзника*, дон Хуан издала внимательно изучил впадину между холмами, которую я воспринимал как дыру, и сказал, что нужно идти дальше, в горы. *Союзник* обитал в самой дальней точке местности, которая просматривалась сквозь «дыру».

Я посмотрел на *дыру*, но смог различить только голубоватый массив далеких гор. Дон Хуан повел меня на юго-восток, и после долгого перехода мы пришли к месту, которое находилось, по его словам, «достаточно глубоко во владениях *союзников*».

Был уже вечер. Мы присели на камни. Я устал и проголодался, потому что за весь день съел только несколько кукурузных лепешек. Неожиданно дон Хуан встал, посмотрел на небо и велел мне немедленно отправляться в «своем направлении», предварительно запомнив место, где мы остановились. Он сказал, что будет ждать меня здесь, хотя бы на это потребовалась вечность.

– Добывание *ловца духов* может затянуться? – встревоженно спросил я.

– Кто знает... – ответил он с загадочной улыбкой.

Я пошел на юго-восток, несколько раз оглянувшись на дона Хуана. Он очень медленно шел в противоположном направлении. Я взобрался на вершину крутого холма и еще раз оглянулся. До дона Хуана было метров двести. Он не оборачивался. Я сбежал вниз, в чашеобразное углубление между холмами, и вдруг почувствовал одиночество. Я присел и задумался над тем, что, собственно, я здесь делаю. Ищу *ловца духов*? Какая нелепость! Я бегом вернулся на тот холм, с которого в последний раз видел дона Хуана, но его нигде не было. Я побежал вниз в том направлении, где его видел. Хотелось все бросить и уехать домой. Я очень устал и чувствовал себя ужасно глупо.

– Дон Хуан! – кричал я. – Дон Хуан!

Но его и след простыл. Я взбежал на вершину другого холма. Дона Хуана не было. Так я бегал довольно долго, но дон Хуан как сквозь землю провалился. Тогда я пошел к тому месту, где мы расстались. На миг у меня появилась иррациональная уверенность, что дон Хуан сидит там и потешается над моей непоследовательностью.

– Какого черта я здесь делаю? – громко спросил я.

Но потом понял, что мне остается только одно – продолжать. Я на самом деле не знал, как вернуться к машине. Дон Хуан так часто менял направление, что общей ориентации по сторонам света было явно недостаточно. Я боялся заблудиться в горах.

Я сел на землю и впервые в жизни испытал странное ощущение – вернуться к исходной точке, откуда все начиналось, не было никакой возможности. Дон Хуан говорил, что я всегда хочу иметь точку отсчета, которую можно было бы назвать началом, хотя на самом деле начала никогда и нигде не существует. Там, в горах, я понял, что он имел в виду – точкой отсчета всегда был я сам, дона Хуана как бы не было вообще, и когда я смотрел на него в последний раз, он был тем, чем являлся на самом деле, – мимолетным видением, таявшим среди холмов.

Я услышал мягкий шелест листьев, и меня окутал странный аромат. Ветер ощущался, как давление на глаза, своего рода осторожное жужжание. Солнце почти коснулось плотных облаков над горизонтом, похожих на ленту густо-оранжевого цвета, и исчезло за покрывалом низких туч. Спустя мгновение оно появилось над ними – малиновый шар, плывущий в тумане. Казалось, что солнце борется, стараясь добраться до клочка голубого неба, но тучи не дают ему на это времени. Потом оранжевая лента облаков и горы поглотили его окончательно.

Я лег на спину. Мир вокруг меня был настолько неподвижным и безмятежным и в то же время настолько чужим, что я почувствовал какую-то подавленность. Плакать не хотелось, но слезы потекли сами собой. Несколько часов я лежал, не в силах подняться. Подо мной были твердые камни, и в том месте, где я лежал, не было почти никакой растительности, хотя повсюду вокруг росли кусты и сочная трава. Я видел кроны высоких деревьев на холмах к юго-востоку от меня.

Темнело. Неожиданно я почувствовал себя почти счастливым. Полумрак был мне как-то ближе, чем безжалостный дневной свет. Темнота защищает, и в ней всегда присутствует какая-то поучительность.

Я встал, взобрался на вершину небольшого холма и начал повторять движения, которым научил меня дон Хуан. Мне пришлось семь раз бегать на восток, прежде чем я почувствовал изменение температуры. Соорудив костер, я стал внимательно наблюдать, как советовал дон Хуан, обращая внимание на каждую деталь. Проходили часы. Мне стало холодно, чувствовалась усталость. Я подбросил в костер большую охапку хвороста и придвинулся к огню. Слишком напряженное бодрствование измотало меня, я начал клевать носом. Дважды я засыпал, просыпаясь только тогда, когда голова сваливалась набок. Так хотелось спать, что я больше не мог смотреть на огонь. Я выпил воды и побрызгал себе на лицо, чтобы взбодриться. Это помогло, но ненадолго. Я сделался угрюмо-раздражительным. Вся эта затея стала казаться мне идиотизмом, и я впал в состояние подавленности и какой-то иррациональной прострации. Я хотел есть, устал и вообще был раздражен собой. В конце концов я прекратил бороться со сном, подбросил в огонь побольше хвороста и лег спать. В тот момент поиски *союзника с ловцом духов* казались мне чем-то совершенно дурацким и абсолютно ненужным. Так хотелось спать, что не было сил даже думать. Я уснул.

Меня разбудил громкий треск. Я лежал на правом боку, и мне почудилось, что звук раздался прямо над моим левым ухом. Мгновенно проснувшись, я сел. В левом ухе звенело, я даже немного оглох, настолько громким и близким был звук.

Судя по количеству несгоревшего хвороста, спал я недолго. Больше не было никаких звуков, но я держался настороже и сидел, подбрасывая сучья в огонь.

Я думал, что меня, видимо, разбудил выстрел. Наверное, кто-то прятался неподалеку, собираясь меня застрелить. Мысль эта была мучительной, и меня захлестнула волна вполне рационального страха. Я был уверен, что эта земля является чьей-то собственностью и что владелец может принять меня за вора и убить. Или, может быть, кто-то хочет меня убить, чтобы ограбить, не зная, что у меня ничего нет. Какое-то время я был очень обеспокоен за свою безопасность. Шея и плечи напряглись. Я поднял и опустил голову. Шейные позвонки хрустнули. Я по-прежнему смотрел на огонь, но в нем не было ничего необычного. Шума тоже не было слышно.

Через некоторое время я немного расслабился и решил, что это, должно быть, проделки дона Хуана. Очень скоро я пришел к глубокому убеждению, что так оно и есть, и даже засмеялся от этой мысли. Затем на меня обрушилась лавина рациональных соображений и выводов, на этот раз приятных. Дон Хуан догадался, что мое отношение ко всей этой затее изменится и я не захочу оставаться в горах. Не исключено, что он, спрятавшись в укромной пещерке или в кустах, видел, как я носился по холмам, пытаюсь его отыскать. Потом он следил за мной, а когда я уснул – подошел и сломал сухую ветку над самым моим ухом. Я подбросил в огонь еще хвороста и начал как бы невзначай поглядывать по сторонам в надежде заметить дона Хуана, хотя и знал, что если уж он прячется, то отыскать его в принципе невозможно.

Все было спокойно – сверчки, ветер в листве деревьев на склонах холмов вокруг, потрескивание хвороста в огне... Летали искры, но они были самыми обыкновенными.

Вдруг я услышал громкий треск сломанной ветки. Он донесся слева. Затаив дыхание, я прислушался. Через мгновение сломалась еще одна ветка, но уже справа.

Потом послышался слабый далекий треск ломающихся веток, словно кто-то шагал по ним, приближаясь ко мне. Моя реакция была какой-то замедленной, я не знал – слушать дальше или вставать. Пока я раздумывал, треск ломающихся веток стал доноситься отовсюду. Звуки окружили меня настолько быстро, что я едва успел вскочить на ноги и затоптать костер.

Я помчался вниз. На бегу мелькнула мысль, что там, внизу, не было ровного места. Но я продолжал бежать, вытянув руки перед собой, чтобы защитить глаза от веток. Примерно на полпути к подножию холма я вдруг почувствовал присутствие чего-то за спиной. Это что-то почти касалось меня, но определенно не было веткой. Интуитивно я почувствовал, что *она* гонится за мной и явно *догоняет*. Я похолодел, внутри все сжалось. Я сорвал с себя куртку,

скомкал ее и рухнул на землю, подогнув ноги, прижав куртку к животу и зажав ладонями глаза, как учил дон Хуан. Какое-то время я лежал так, не шевелясь, а потом обнаружил, что вокруг меня – мертвая тишина. Не было слышно вообще никаких звуков. Меня охватила жуткая тревога. Брюшной пресс стал твердым от напряжения и судорожно подергивался. Послышался треск. Как будто очень далекий, но тем не менее чрезвычайно отчетливый. Потом еще – ближе. Пауза полной тишины, и – буквально взрыв над самой моей головой. Я непроизвольно подскочил от неожиданности и чуть было не опрокинулся набок. Звук был явно громким треском сломанной пополам толстой ветки. Он раздался так близко, что я услышал шелест листьев на ней, когда она сломалась.

Затем на меня обрушилась лавина звуков: кто-то с остервенением ломал толстые ветки повсюду вокруг меня. Но вместо того, чтобы испытать мистический ужас, я начал хохотать. Это было совершенно неуместно, однако мне показалось, что я понял, где собака зарыта. Ряд логических умозаключений подкрепил мою уверенность. Я даже воодушевился. Разумеется, это был дон Хуан! Я был почти уверен, что вот-вот поймаю этого хитрющего старика за руку. Он бродит вокруг, ломает ветки и, зная, что я не осмелюсь поднять голову, делает все, что хочет. Я вычислил, что он должен быть один, потому что у него не было времени сходить за помощниками. На этот раз мы зашли довольно далеко в горы и за несколько дней никого не встретили. Итак, если он прячется в одиночку, то, стало быть, способен производить довольно ограниченное количество звуков. Кроме того, между звуками должны быть более-менее продолжительные паузы, так что подряд может следовать не больше двух-трех тресков. Ну и наконец – разнообразие шумов тоже должно быть ограничено возможностями одного человека. Скрючившись на земле, я думал, что все испытание – наверняка игра и единственный способ выйти из него с честью – эмоциональная отрешенность. Мне это даже нравилось. Я поймал себя на том, что усмехаюсь при мысли, что могу предвидеть следующий ход дона Хуана, и попытался представить себе, что стал бы делать на его месте.

Из моих интеллектуальных упражнений меня вытряхнуло громкое чмокание. Я внимательно слушал. Вот звук повторился, причем совсем рядом. Словно какой-то зверь хлопнул по воде лапой. Еще раз, и снова совсем близко. Звук раздражал меня, потому что напоминал девочку-подростка, которая с упоением чавкает жевательной резинкой. Мне стало интересно, как дону Хуану удастся издавать такой звук, но тут звук раздался справа. Сначала послышался одиночный всплеск, а потом – целый каскад чмокающих звуков, словно что-то прошлепало по грязи. Я чуть ли не кожей чувствовал это раздражающее чмокание. На какое-то время все стихло, а потом звуки раздались опять, на этот раз – слева, очень близко – метрах в трех, не больше. Теперь было похоже на то, что кто-то толстый и тяжелый в резиновых сапогах бежит трусцой по глубокой грязи. Я был удивлен и даже восхищен богатством звука и не представлял себе, каким образом его можно было произвести с помощью элементарных приспособлений. Вот протопали сзади, а потом начали топтать со всех сторон сразу. Казалось, вокруг меня кто-то с наслаждением топает, скачет и бежит по грязи.

У меня появились вполне закономерные сомнения. В самом деле, если это – дон Хуан, то он должен носиться вокруг меня кругами с абсолютно немислимой скоростью. Иначе было бы невозможно производить такое количество звуков и с такой частотой. Но даже дон Хуан не способен развить такую скорость, да и вообще, наверное, никто. Я начал было прикидывать, кого он мог подключить к этому делу, но тут интенсивность звуков возросла до такой степени, что поглотила все мое внимание. Я даже думать не мог, но это был не испуг. Меня, скорее, ошеломило странное качество звуков. Они вибрировали! Это были какие-то колебания, направленные на мой живот. Или, может быть, я воспринимал вибрацию звуков нижней частью живота.

Стоило мне это осознать, как от всей моей объективности и равнодушия не осталось и следа. Звуки нападали на мой живот! А что, если это – не дон Хуан? Меня охватила паника. Я напряг живот и посильнее прижал к нему куртку.

Частота и интенсивность звуков резко возросли, словно они почувляли мою неуверенность. Вибрация стала настолько сильной, что я почувствовал – сейчас меня вырвет. Отчаянно борясь с тошнотой, я несколько раз глубоко вздохнул и запел свои пейотные песни. Меня вырвало, и чмокание сразу же прекратилось. Стали слышны стрекот сверчков, шум ветра и далекий отрывистый лай койотов. Внезапный перерыв позволил мне немного перевести дух и разобраться в своем состоянии. Еще совсем недавно я был в отличном расположении духа, чувствовал уверенность и отрешенность. Однако вполне очевидно, что в своих попытках оценить ситуацию я потерпел досадную неудачу. Даже если бы у дон Хуана были помощники, им все равно было бы не под силу произвести звуки такой интенсивности, чтобы они могли подействовать на мой живот. Для этого нужна специальная аппаратура, которая им явно не по средствам и о которой, скорее всего, они не имеют ни малейшего понятия. То, что со мной происходило, явно не было игрой, и объяснение типа «очередная хитрость дон Хуана» оказывалось неадекватным и грубым.

Меня скрутила судорога. Появилось непреодолимое желание выпрямиться и вытянуть ноги. Я решил переползти вправо, чтобы отодвинуть лицо от того места, где меня вырвало. Но стоило мне пошевелиться, как над самым моим левым ухом раздался очень мягкий скрип. Я застыл на месте. Скрип повторился с другой стороны. Звук был одиночным. Мне показалось, что он похож на скрип плохо смазанной двери. Я выждал, но было тихо. Тогда я решил снова попытаться. Но стоило мне шевельнуть головой, как я чуть не вскочил от неожиданности – на меня обрушился целый каскад скрипов. Они то напоминали скрип дверей, то были похожи на писк крыс или морских свинок, не были ни громкими, ни интенсивными, но в них присутствовала какая-то мягкость и предательская вкрадчивость. Каждый наплыв этих звуков вызывал у меня приступ тошноты. Наконец они начали постепенно утихать. Поток сделался менее плотным и постепенно перешел в одиночные поскрипывания.

Вдруг над кустами послышались взмахи крыльев огромной птицы. Казалось, она кружится надо мной... Количество скрипов снова начало возрастать. То же самое произошло и со взмахами крыльев. Через некоторое время целая стая гигантских птиц махала мягкими крыльями у меня над головой. Потом и те и другие звуки как бы слились, образовав мощную обволакивающую волну. Я ощутил, как гигантское пульсирующее нечто окутало меня со всех сторон, подхватило и, волнообразно подбрасывая, понесло. Скрипы и хлопанье были гладкими и длинно прокатывались сквозь меня – я ощущал их всем телом. Хлопанье крыльев стаи птиц как бы тянуло меня снизу вверх, а писк полчищ крыс пытался снизу повернуть меня вокруг оси, чтобы перекинуть на спину.

У меня уже не было никаких сомнений в том, что из-за своей дурацкой глупости я навлек на себя нечто совершенно ужасное. Я сжал зубы и, глубоко дыша, начал петь свои пейотные песни.

Так продолжалось довольно долго. Я сопротивлялся изо всех сил. Потом снова настало неожиданное «безмолвие». Так я теперь воспринимал тишину, нарушаемую лишь естественными звуками – стрекотом сверчков и шумом ветра. Период тишины оказался для меня более вредным, чем «звуковая атака», – я взялся обдумывать свое положение и запаниковал. Я знал, что погиб, – у меня не было ни знаний, ни выносливости, ни сил, чтобы отразить то, что на меня обрушилось. Скрючившись над собственной блевотиной, совершенно беспомощный, я решил, что настал мой конец, и заплакал. Хотелось подумать о прожитой жизни, но я не знал, с чего начать. Ничто из того, чем я занимался в жизни, не достойно этого последнего решающего момента, так что мне не о чем было думать. Осознание этого было очень острым. Да, я сильно изменился с тех пор, как в последний раз испытал настоящий страх. Теперь я был пуст. Пуст

в гораздо большей степени, чем тогда. Личных чувств, которые я готов был унести с собой, было намного меньше.

Как поступил бы воин, попав в мое положение? Я задавал себе этот вопрос и приходил к различным заключениям. С моим животом в области пупка происходило что-то очень важное, в этой части моего тела находился ключ к чему-то, я только не мог понять – к чему. В звуках было что-то сверхъестественное – они целились в мой живот, и шутки дона Хуана были тут ни при чем.

Брюшной пресс все время оставался напряженным, хотя судорог больше не было. Я продолжал петь и глубоко дышать. По телу потекло успокаивающее тепло. Я понял, что если хочу выжить, то должен продолжать действовать так, как учил дон Хуан. В уме я повторил все его инструкции. Я точно помнил, где зашло солнце и как расположены относительно этой точки вершина холма, на которой я сидел, и место, где, скрючившись, лежал сейчас. Прикинув положение своего тела в пространстве и сориентировавшись по сторонам света, я начал переползать так, чтобы в итоге повернуться головой в «своем направлении», то есть на юго-восток. Сначала я медленно, дюйм за дюймом, повернул влево ступни, подвернув их под лодыжки. Затем, отталкиваясь ими, начал передвигать все свое тело. Но стоило ему немного переместиться в горизонтальной плоскости, как до моей шеи что-то дотронулось. Прикосновение было особенным, я физически ощутил его открытой задней частью шеи. Это произошло настолько быстро, что я невольно вскрикнул и замер. Напрягая мышцы живота и глубоко дыша, я снова запел пейотные песни. Через секунду прикосновение повторилось. Это был мягкий удар или, скорее, толчок. Я съезился. Шея была открыта, и защитить ее не было возможности. Меня снова хлопнули по ней каким-то мягким, почти шелковистым предметом, на ощупь напоминавшим гигантскую кроличью лапу. Еще раз эта штука прикоснулась ко мне, а потом она начала хлопать меня по шее из стороны в сторону. Ощущение было таким, словно стадо безмолвных, гладких и невесомых кенгуру скачет через меня, отталкиваясь от шеи ногами. Каждый раз, когда лапы касались моей шеи, я даже слышал глухой мягкий звук. Ощущение не было болезненным, но все равно оно сводило с ума. Я знал, что если ничего не сделаю, то свихнусь, вскочу и побегу. Поэтому снова начал переползать, чтобы развернуть тело головой на юго-восток. Хлопанье по шее усилилось и участилось. В конце концов оно достигло такого бешеного темпа, что я не выдержал и рывком развернулся. Я понятия не имел, что за этим последует, а просто пытался защититься от неотвратимого и необратимого буйного помешательства.

Как только я развернулся, похлопывание по шее прекратилось. После долгой мучительной паузы я услышал треск ломающихся в отдалении веток. Шумы больше не приближались. Казалось, они сосредоточились в определенном месте, расположенном довольно далеко от меня. Через некоторое время хруст веток слился с громким шелестом громадного количества листьев, словно сильный ветер пронесся по всему холму. Казалось, все кусты вокруг меня затрепетали. Шелестящий звук и треск веток вызывали чувство, что весь холм был в огне. Мое тело было твердым, как камень. Я сильно вспотел. Мне становилось все теплее и теплее. Я был совершенно уверен, что холм горит. Я не вскочил и не побежал только потому, что так оцепенел, что был практически парализован и даже не мог открыть глаза. В тот момент для меня имело значение только одно – вскочить и убежать от огня. В животе были ужасные спазмы, которые начали отрезать для меня поглощение воздуха. Мне стало трудно дышать. После долгой борьбы я восстановил дыхание и заметил, что шелест утих; лишь время от времени доносилось одиночное потрескивание. Звуки ломающихся веток становились все более и более отдаленными и редкими, пока совершенно не прекратились.

Мне удалось открыть глаза. Сквозь полуприкрытые веки я взглянул на землю перед собой. Светало. Долгое время я ждал, не двигаясь, затем начал выпрямляться. Я перевернулся на спину. На востоке над холмами взошло солнце.

Только через несколько часов я смог наконец выпрямить ноги, встать и потащиться вниз по склону. Я пошел к месту, где меня оставил дон Хуан. До него было, по моим соображениям, километра два, не больше. К полудню я добрался до опушки леса, но пройти оставалось еще не меньше, чем полкилометра.

Я остановился. Не было, наверное, на свете силы, которая могла бы заставить меня идти дальше. Ноги подкашивались. Я думал о горных львах и попытался взобраться на дерево, но руки не могли удержать вес тела. Я прислонился к скале и примирился с мыслью умереть здесь. Я был убежден, что стану пищей для горных львов или других хищников. У меня не было сил даже бросить камень. Я не был голоден и не хотел пить. Вскоре я нашел маленький ручеек и выпил немного воды, но вода не помогла мне восстановить силы. Так я и сидел там, совершенно беспомощный, и чувствовал себя скорее подавленным, чем испуганным. Я настолько устал, что не заботился больше о своей судьбе и заснул.

Я проснулся от какой-то тряски. Надо мной склонился дон Хуан. Он помог мне сесть и дал воды и жидкой каши. Засмеявшись, он сказал, что я выгляжу жалко. Я попытался рассказать ему о случившемся, но он знаком велел мне замолчать и сказал, что я прошел то место, которое должен был вчера запомнить, – оно находилось отсюда примерно в сотне метров. Потом наполовину повел, наполовину понес меня вниз, сказав, что отведет к реке и выкупает в ней. По дороге он заткнул мне уши какими-то листьями, которые были у него в сумке, а затем завязал мне глаза, положив по листу на каждый глаз и примотав кусочками ткани. Заставив меня снять одежду, он велел мне закрыть руками глаза и уши, чтобы быть уверенным, что я ничего не смогу видеть и слышать.

Дон Хуан растер все мое тело листьями, а затем погрузил меня в реку. Река была большая и глубокая – я стоял в воде вертикально, но дна не доставал. Дон Хуан поддерживал меня за правый локоть. Сначала я не ощущал, что вода холодная, но постепенно начал замерзать, и в конце концов холод сделался невыносимым. Дон Хуан вытащил меня и обтер какими-то листьями, имевшими специфический запах. Он одел меня и повел прочь. Мы шли довольно долго, прежде чем он снял с моих глаз повязку и вытащил листья из ушей. Он спросил, хватит ли у меня сил дойти до машины. Произошла странная вещь – я чувствовал себя очень сильным. Я даже взбежал на крутой холм, чтобы доказать это.

По пути к машине я множество раз спотыкался, а он смеялся. Я заметил, что его смех действует на меня укрепляюще, и чем больше он смеялся, тем лучше я себя чувствовал.

На следующий день я рассказал дону Хуану последовательность событий, начиная с того момента, когда он оставил меня. Он все время смеялся, особенно когда я сказал, что думал, что это была одна из его хитростей.

– Ты всегда думаешь, что над тобой шутят, – сказал он. – Ты слишком веришь себе. Ты действуешь так, словно знаешь все ответы. Но ты не знаешь ничего, мой маленький друг, ничего.

В первый раз дон Хуан назвал меня «маленьким другом». Это застало меня врасплох. Он заметил это и улыбнулся. В его голосе было столько теплоты, что меня охватила глубокая печаль. Я сказал ему, что от природы беспечен и глуп и что я никогда не пойму его мира. Я чувствовал себя глубоко взволнованным. Но он был очень доволен и заявил, что я сделал все очень хорошо.

Я спросил его о значении моего переживания.

– Оно не имело значения, – ответил он. – Это могло случиться с кем угодно, особенно с человеком, просвет которого открыт, как у тебя. Любой воин, который когда-либо отправлялся на поиски союзников, мог бы многое рассказать тебе о том, что они вытворяют. Тебе еще повезло – с тобой обошлись довольно мягко. Однако просвет твой открыт, и именно это заставляет тебя так нервничать. Но невозможно сделаться воином за одну ночь. Так что поезжай домой и не возвращайся до тех пор, пока не придешь в себя и пока просвет твой не закроется.

Глава 17

Я не был в Мексике несколько месяцев. Все это время я работал над своими записями, и впервые за десять лет учение дона Хуана начало обретать для меня реальный смысл. Я почувствовал, что вынужденные длительные перерывы в обучении шли мне на пользу, давая возможность осмыслить свои находки и расположить их в порядке, соответствующем моему восприятию и интересам. Однако события, происшедшие за время последнего визита к дону Хуану, указали на преждевременность моего оптимизма в отношении понимания его системы знаний.

Последняя запись в моем блокноте датирована 16 октября 1970 года. События этого дня стали для меня поворотными. Они ознаменовали начало нового цикла обучения, который так сильно отличался от предыдущего, что на этом должна закончиться моя книга.

Когда я подъехал к дому дона Хуана, он сидел на обычном своем месте у двери под раматой. Я поставил машину в тени дерева, взял портфель и чемодан с продуктами, подошел к нему и громко поздоровался. И тут выяснилось, что он не один. Незнакомый мне человек сидел сзади за кучей дров и смотрел на меня. Дон Хуан приветливо помахал мне рукой, его гость – тоже. Судя по одежде, он был не индейцем, а мексиканцем с юго-запада: на нем были голубые джинсы, бежевая рубашка, стетсоновская шляпа и ковбойские сапоги.

Я заговорил с доном Хуаном и затем взглянул на мексиканца. Тот улыбнулся мне. Какое-то время я пристально смотрел на него.

– Наш маленький Карлос совсем не хочет со мной разговаривать, – сказал он дону Хуану. – Только не говори мне, что он сердится на меня!

Прежде чем я смог что-то сказать, они оба расхохотались. Только тогда я понял, что незнакомец был доном Хенаро.

– Ты не узнал меня, да? – спросил он, все еще смеясь.

Я вынужден был признаться, что его наряд сбил меня с толку.

– Что ты делаешь в этих краях, дон Хенаро?

– Он приехал насладиться горячим ветром, – сказал дон Хуан. – Не правда ли?

– Верно, – сказал дон Хенаро. – Ты не представляешь, что может сделать горячий ветер для тела такого старика, как я.

Я сел между ними.

– И что же он делает с твоим телом? – спросил я.

– Ветер рассказывает моему телу исключительные вещи, – ответил дон Хенаро.

Он повернулся к дону Хуану, и глаза его заблестели.

– Правда?

Дон Хуан утвердительно кивнул.

Я сказал им, что сезон горячих ветров Санта Ана был худшим временем года для меня, и поэтому очень странно, что дон Хенаро приезжал искать ветер, тогда как я убегал от него.

– Карлос не переносит жары, – сказал дон Хуан дону Хенаро. – Когда становится жарко, он задыхается, как ребенок.

– За... что?

– За... дышется.

– Боже мой! – сказал дон Хенаро, изображая беспокойство, и неопишимо смешным жестом выразил крайнее отчаяние.

Потом дон Хуан объяснил ему, что я так долго не приезжал из-за неприятного приключения с *союзниками*.

– О, так ты наконец встретил *союзника*! – воскликнул дон Хенаро.

– Кажется, да, – с напускной небрежностью ответил я.

Они расхохотались. Дон Хенаро два или три раза легонько похлопал меня по спине. Я расценил этот жест как выражение сочувствия. Задержав руку на моем плече, он посмотрел мне в глаза, и я почувствовал спокойную удовлетворенность. Но это длилось лишь мгновение, а потом дон Хенаро произвел со мной какую-то невообразимую манипуляцию, и на меня вдруг навалилась такая тяжесть, будто на плечи мне взвалили валун. Ощущение было таким, словно вес его руки увеличился в двести раз. В конце концов я не удержался и под этим грузом начал сгибаться вперед, пока не стукнулся головой о землю.

– Малютке Карлосу нужна помощь, – сказал дон Хенаро, бросив на дона Хуана заговорщицкий взгляд.

Я выпрямился и посмотрел на дона Хуана, но он глядел куда-то вдаль. Я с досадой подумал, что дон Хуан ведет себя так, словно не имеет ко мне никакого отношения. Дон Хенаро засмеялся. Похоже, что он ждал моей реакции.

Я попросил его еще разок положить руку мне на плечо, но он не захотел. Я потребовал, чтобы он хотя бы объяснил, что это было. Он усмехнулся. Я снова обратился к дону Хуану:

– Рука дона Хенаро была такой тяжелой, что у меня чуть не сломался позвоночник.

– Ничего по этому поводу не могу сказать, – произнес дон Хуан в своей комической манере. – Он никогда не клал руку мне на плечо.

И они оба расхохотались.

– Что ты со мной сделал, дон Хенаро? – спросил я.

– Положил руку тебе на плечо, только и всего, – ответил он простодушно.

– Положи еще раз.

Он отказался. Тут вмешался дон Хуан и попросил меня рассказать дону Хенаро о том, что со мной происходило в ту ночь в горах. Я решил, что от меня требуется подробный отчет, и принялся рассказывать с полной серьезностью. Но чем серьезнее я становился, тем сильнее они хохотали. Я даже пару раз остановился, но они просили продолжать. Когда я закончил, дон Хуан сказал:

– Теперь *союзник* непременно придет к тебе, независимо от твоего отношения к нему. Ты можешь сидеть без дела или думать о женщинах и вдруг – хлоп! – кто-то похлопает тебя по плечу. Обернешься – а сзади стоит *союзник*.

– Что я могу сделать, если такое произойдет?

– Э-э, минуточку, – сказал дон Хенаро. – Вопрос некорректен. Надо спрашивать не о том, что *ты* можешь делать, – ты не можешь сделать ничего, и это вполне очевидно, – а следует спросить: что может сделать воин?

Прищурившись, он смотрел на меня, склонив голову вправо и скривив рот.

Я посмотрел на дона Хуана, пытаюсь по его виду понять, шутит дон Хенаро или нет, но дон Хуан сидел с каменным выражением лица.

– Ладно, – сказал я. – Что делает в таком случае воин?

Дон Хенаро подмигнул и почмокал губами, как бы подбирая подходящее слово. Он неотрывно смотрел на меня, потирая подбородок.

– Воин делает в штаны, – произнес он с величественной невозмутимостью, доступной только индейцу.

Дон Хуан закрыл лицо руками, а дон Хенаро хлопнул ладонью по земле, и оба разразились хохотом.

– Страх – это сильное чувство, – сказал дон Хуан, отсмеявшись. – Когда воин не уверен в победе, он не раздумывая показывает *союзнику* спину. Воин не может, потакавая себе, помереть от страха и поэтому позволяет *союзнику* прийти только тогда, когда находится в хорошей форме.

Когда воин достаточно силен для схватки, он открывает свой просвет, выманивает *союзника*, хватает, прижимает к себе и неотрывно смотрит на него столько, сколько нужно, а потом

отводит глаза и отпускает *союзника* на все четыре стороны. Воин, дружок, он воин и есть. В любой ситуации он – мастер.

– Что будет, если долго смотреть на *союзника*? – спросил я.

Дон Хенаро посмотрел на меня и изобразил пронзительный взгляд.

– Кто знает? – сказал дон Хуан. – Может быть, Хенаро расскажет тебе, что было с ним...

– Может, и расскажу, – промолвил дон Хенаро и усмехнулся.

Дон Хенаро встал, потянулся, хрустнув суставами, и вытаращил глаза, так что они округлились и стали совершенно безумными.

– Хенаро собрался пустыню встряхнуть, – продекламировал он и направился в чапараль.

– Хенаро хочет тебе помочь, – сказал дон Хуан доверительным тоном. – Когда мы были у него, он сделал с тобой такую же шутку и ты почти *видел*.

Я подумал, что речь идет об уроке у водопада, но он, оказывается, имел в виду неземной грохот, который я слышал возле дома дон Хенаро.

– Кстати, что это было? – спросил я. – Мы тогда посмеялись, но ты так ничего и не объяснил.

– Но ты так ничего и не спросил.

– Я спрашивал.

– Нет, ты спрашивал о чем угодно, только не об этом.

Во взгляде дон Хуана было обвинение.

– Это – искусство Хенаро. Кроме него, никто на такое не способен. Ты тогда почти *видел*.

Я сказал, что мне и в голову не приходило, что между *видением* и этими странными звуками может быть какая-то связь.

– А почему бы нет? – спросил он решительно.

– Я думал, что *видение* связано с глазами, – настаивал я.

– Я никогда не говорил, что *видение* связано только с глазами, – сказал он, недоуменно покачивая головой.

– Как он это делает? – не отставал я.

– Он же говорил тебе, – резко ответил дон Хуан.

В этот момент раздался странный грохот.

Я подскочил, а дон Хуан рассмеялся. Звук был похож на грохочущую лавину. Слушая его, я осознал довольно смешной момент – большинство моих представлений о звуках почерпнуто из кинофильмов. Грохот, который я слышал, был похож на тот звук, которым в кино сопровождается мощная лавина, когда снег со всего склона горы обрушивается в долину.

Дон Хуан схватился за бока, словно они болели от хохота. Громоподобный раскат потряс землю. Как будто откуда-то свалился огромный валун. Звучало это так, словно валун катился прямо на меня. Я пришел в замешательство. Мышцы напряглись, все тело приготовилось к бегству.

Я взглянул на дон Хуана. Он смотрел на меня. И тут я услышал самый страшный удар в своей жизни. Сила звука была необычайной, словно огромный обломок скалы рухнул прямо на дом. Все задрожало, и в этот миг я испытал странное ощущение: в течение какого-то мгновения я действительно *видел* за домом огромный валун величиной с гору. Это не было изображением валуна, наложенным на пейзаж, окружавший дом. Не было это также и *видением* реального валуна. Скорее всего, это можно было описать как образ гигантского валуна, рожденный звуком. Я *видел* звук! Ощущение было настолько непостижимым, что я пришел в отчаяние и невыразимое замешательство. Я никогда не подозревал, что мои органы чувств способны воспринимать таким странным образом. Меня охватил иррациональный страх, и я рванулся бежать, но дон Хуан схватил меня за локоть и сказал, чтобы я никуда не убегал и не вертел головой, а смотрел в том направлении, куда ушел дон Хенаро.

Последовала еще целая серия звуков, как будто несколько камней кучей свалились, стуча друг о друга. Потом все стихло. Через несколько минут дон Хенаро вернулся и сел под рамадой. Он спросил, *видел* ли я. Я не знал, что отвечать. Я взглянул на дона Хуана. Тот смотрел на меня.

– Я думаю, да, – сказал он и усмехнулся.

Я хотел сказать, что понятия не имею, о чем идет речь. Я сильно расстроился и чуть ли не физически ощущал злость и крайнее неудобство.

– Думаю, что ему нужно побыть здесь одному, – сказал дон Хуан.

Они встали и прошли мимо меня.

– Карлос индугирует в своем замешательстве, – громко проговорил дон Хуан.

Несколько часов я оставался в одиночестве, занимаясь своими записями. Мне стало ясно, что ситуация была абсурдной с самого начала – с того момента, как я увидел дона Хенаро, сидевшего под рамадой. И чем больше я об этом думал, тем очевиднее становилось: дон Хуан передал дону Хенаро «бразды правления». Это наполнило меня зловещим предчувствием.

Они вернулись в сумерках и сели рядом со мной. Придвинувшись, дон Хенаро почти на меня навалился. Его тонкое хрупкое плечо коснулось меня, и возникло то же ощущение, что и тогда, когда он положил мне на плечо ладонь. Меня согнуло под весом сокрушительного груза, и я повалился на бедро дона Хуана. Он помог мне подняться и участливо спросил, не собирался ли я вздремнуть у него на коленях.

Дон Хенаро был удовлетворен. Глаза его сияли. Мне хотелось плакать. Было такое чувство, словно я зверь, которого посадили в клетку.

– Я тебя пугаю, да, Карлос? – спросил дон Хенаро с видом искренней озабоченности. – Ты похож на дикую лошадь.

– Расскажи ему какую-нибудь историю, – сказал дон Хуан. – Это единственное, от чего он успокаивается.

Они отодвинулись и сели напротив, с любопытством меня разглядывая. Глаза их мерцали в темноте, подобно темным озерам. Это не были человеческие глаза, они внушали суеверный ужас. Некоторое время мы смотрели друг на друга, потом я не выдержал и отвел взгляд. Я обнаружил, что их самих я не боюсь. Но глаза их пугали до такой степени, что меня начала бить дрожь. Я был в полном недоумении и чувствовал себя крайне неудобно.

После продолжительной паузы дон Хуан потребовал, чтобы дон Хенаро рассказал мне о том, что произошло, когда он пытался переглядеть своего *союзника*. Дон Хенаро сидел в полутора метрах от меня. Он ничего не сказал. Я взглянул на него. Мне показалось, что его глаза раз в пять больше, чем нормальные глаза обычного человека. Они сияли и неодолимо втягивали. То, что казалось светом его глаз, заливало все вокруг. Тело дона Хенаро как бы сжалось и было похоже на кошачье. Я заметил, что это кошкообразное тело шевельнулось, и испугался. Совершенно автоматически я принял «боевую позу», ритмично ударяя ладонью по лодыжке. Это случилось непроизвольно, словно всю жизнь я только тем и занимался, что отработывал технику магической защиты. Опомнившись, я почувствовал неловкость и взглянул на дона Хуана. Его глаза были добрыми, они успокаивали. Он громко засмеялся. Дон Хенаро издал звук, похожий на мурлыканье, встал и ушел в дом.

Дон Хуан объяснил, что Хенаро очень силен и не любит заниматься пустяками. Глазами он меня только дразнил. И снова выяснилось, что я знаю гораздо больше, чем мне кажется. Еще дон Хуан упомянул о том, что в сумерках маги очень опасны, а такие мастера, как Хенаро, могут творить невообразимые чудеса.

Несколько минут прошли в молчании. Мне стало лучше. Разговаривая с доном Хуаном, я расслабился, ко мне вернулась уверенность. Затем он сказал, что неплохо бы перекусить, потому что скоро мы отправимся на прогулку. Дон Хенаро собирается показать мне приемы маскировки.

Я спросил, что такое «приемы маскировки». Он ответил, что больше не будет мне ничего объяснять, так как объяснения только усиливают мою склонность к индугированию.

Мы вошли в дом. Дон Хенаро сидел в свете керосиновой лампы с набитым ртом и жевал.

После еды мы втроем направились в густой чапараль. Дон Хуан шел рядом со мной, дон Хенаро – немного впереди. Ночь была довольно светлой. Несмотря на плотную облачность, я все хорошо видел. В какой-то момент дон Хуан остановился и велел мне идти за доном Хенаро. Я заколебался. Легонько подтолкнув меня, он сказал, что все нормально, и добавил, что я всегда должен находиться в состоянии готовности и верить в собственные силы.

Я пошел за доном Хенаро. В течение двух часов я пытался его догнать, но, как ни старался, расстояние между нами не сокращалось. Его силуэт все время маячил впереди. Иногда он исчезал, словно отпрыгнув с тропы в сторону, но лишь затем, чтобы спустя мгновение вновь появиться все на том же расстоянии. Что же касается меня, то мне эта прогулка казалась бессмысленной, было непонятно, к чему это все вообще. За доном Хенаро я шел только потому, что не знал обратной дороги. Я не мог понять, что он делает, и думал, что мы идем к какому-то неизвестному мне месту в гуще чапарала, где дон Хенаро покажет мне приемы маскировки, о которых говорил дон Хуан. В какой-то момент я вдруг почувствовал, что дон Хенаро находится где-то позади меня. Я оглянулся и на некотором расстоянии заметил фигуру человека. Эффект был поразительный. Я изо всех сил вглядывался в темноту, пытаясь рассмотреть, кто там стоит. От него меня отделяло метров пятнадцать. Фигура почти сливалась с кустами, она словно бы пряталась среди теней. Логически рассуждая, я пришел к заключению, что это должен быть дон Хуан. Видимо, все это время он следовал за нами. В то же мгновение, когда я сделал этот вывод, человек исчез. Я больше не мог различить его среди кустов.

Я пошел туда, где он стоял, но никого не нашел. Дона Хенаро тоже нигде не было видно, и, поскольку я не знал дороги, пришлось сесть на землю и ждать. Через полчаса подошли дон Хуан и дон Хенаро и позвали меня по имени. Я встал и подошел к ним.

Возвращались мы в полном молчании. Мне это пошло на пользу, так как я был совершенно сбит с толку и чувствовал себя не в своей тарелке. Во мне проявилось что-то, о чем я не имел понятия, – я не формулировал мысли так, как привык это делать. Это обнаружилось, когда я сидел на тропинке. Садясь, я машинально глянул на часы. После этого мышление как бы выключилось, в сознании воцарилась полная неподвижность. Тем не менее состояние было как никогда бодрым, восприятие – ясным и четким. Это было безмыслие, сравнимое с полной беззаботностью. Казалось, что мир странно уравновешен, в нем ничего нельзя было добавить или убрать.

Когда мы пришли, дон Хенаро расстелил циновку и лег спать. Мне очень хотелось обсудить с доном Хуаном сегодняшние события, но он запретил мне разговаривать.

18 октября 1970

– Кажется, я понимаю, что Хенаро пытался со мной сделать прошлой ночью, – обратился я к дону Хуану.

Я сказал это, чтобы как-то его зацепить. Его упорное нежелание со мной разговаривать действовало на нервы.

Дон Хуан улыбнулся и покачал головой, как бы соглашаясь со мной. Но его глаза при этом насмешливо блестели.

– Что, думаешь нет? – выдавил я из себя.

– Ну почему же нет? Конечно, да! Ты действительно понял, что Хенаро все время шел сзади. Однако понимание – это совсем не то.

Его утверждение о том, что Хенаро все время шел сзади, меня поразило. Я попросил объяснить.

– Твое сознание настроено так, что рассматривает все только с одной стороны, – сказал он.

Он взял хворостину и начал двигать ею в воздухе. Он не рисовал в пространстве, а, скорее, делал движения, похожие на движения его пальцев, когда он выгребает мусор из кучи семян. Он как бы царапал и мягко колот воздух.

Дон Хуан повернулся и взглянул на меня, но я недоуменно пожал плечами. Он придвинулся поближе и повторил движения, нарисовав на земле восемь точек. Обведя первую из них кружком, он сказал:

– Ты здесь. Все мы здесь. Это – чувственное восприятие. Отсюда мы начинаем.

Он обвел кружком еще одну точку, расположенную непосредственно над первой. Затем он несколько раз прочертил линию, соединявшую первую точку со второй, как бы изображая устойчивую связь.

– Есть, однако, еще шесть точек, с которыми в принципе человек может иметь дело. Но в большинстве своем люди о них даже не подозревают.

Он ткнул хворостинкой в линию на земле, соединявшую первые две точки.

– Движение между этими двумя точками ты называешь пониманием. Это то, чем ты занят всю свою жизнь. И если ты скажешь, что понимаешь мое знание, то не сделаешь ничего нового.

Потом он соединил некоторые из восьми точек между собой. Получилась вытянутая трапециевидная фигура, в которой было восемь центров с неодинаковым числом лучей.

– Каждая из оставшихся шести точек – целый мир, подобно тому как сенсорное восприятие и понимание образуют для тебя два взаимосвязанных и взаимообусловленных мира.

– А почему их всего восемь? – осведомился я. – Почему не бесчисленное количество, как в окружности?

Я нарисовал на земле окружность. Дон Хуан улыбнулся.

– Мне известно только восемь точек, с которыми человек может иметь дело. Наверное, на большее люди не способны. Причем я говорю «иметь дело», а не «понимать». Чувствуешь разницу?

Он сказал это таким шутовским тоном, что я засмеялся. Намек на мою манеру настаивать на точном определении слов был весьма определенным.

– Твоя проблема в том, что ты непременно хочешь все понять, а это – невозможно. Сводя все к пониманию, ты ограничиваешь свои возможности как человеческого существа. Твой камень преткновения остается там же, где был всегда. Поэтому за все эти годы ты, по сути, так ничего и не сделал. Безусловно, тебя удалось вытряхнуть из тотальной дремоты, но этого можно было бы добиться и другими способами, при других обстоятельствах.

После небольшой паузы дон Хуан сказал мне, что нужно съездить к водному каньону. Когда мы сели в машину, дон Хенаро вышел из дома и забрался на заднее сиденье. Мы проехали часть пути, а потом пешком спустились в глубокое ущелье. Дон Хуан выбрал место для отдыха в тени большого дерева. Мы сели, и он сказал:

– Ты когда-то рассказывал, как вы с приятелем сидели и смотрели на высокий клен, с которого медленно падал лист. И твой приятель сказал, что никогда больше этот лист не упадет с этого дерева. Помнишь?

Я помнил. Он сказал:

– Мы – у подножия высокого дерева. Напротив еще деревья. Давайте посмотрим, как с верхушки вон того упадет лист.

Он кивнул головой, предлагая мне смотреть. На другой стороне каньона стояло высокое дерево. Листья на нем высохли и были желтовато-бежевыми. Еще одним кивком головы дон Хуан дал мне понять, что смотреть следует не отрываясь. Через несколько минут с самой верхушки дерева от ветки оторвался лист. Он медленно падал вниз, трижды ударившись о другие листья и ветки, прежде чем достиг земли.

– Ты видел?

– Да.

– Этот лист уже больше никогда не упадет с этого дерева, не так ли?

– Верно.

– С точки зрения твоего понимания это – неоспоримая истина. Но только с точки зрения понимания. Смотри.

Я машинально поднял глаза и увидел падающий лист. Он в точности повторил траекторию предыдущего. Казалось, я вижу телевизионный повтор. Проследив за волнообразным движением листа до того момента, как он коснулся земли, я привстал в надежде увидеть, сколько листьев лежит на месте его падения – один или два. Но густая трава не позволила разглядеть, куда он упал. Дон Хуан засмеялся и велел мне сесть.

– Смотри, – он кивнул головой на верхушку дерева, – опять падает, и снова – тот же самый.

Третий лист падал точно так же, как и первые два. Когда лист скрылся в траве, я уже знал, что сейчас дон Хуан опять покажет на верхушку дерева. Не дожидаясь указания, я поднял глаза. Лист падал. Я осознавал, что только в первый раз видел, как лист отрывается от ветки. Потом он только падал.

Я сказал об этом дону Хуану и попросил объяснить:

– Я не понимаю, каким образом ты заставляешь меня видеть повтор того, что уже было. Что ты со мной делаешь?

Он засмеялся и не ответил. Я настаивал на том, что он должен рассказать мне, как это делается, поскольку с точки зрения моего разума такого не может быть. Он ответил:

– С точки зрения моего *разума* – тоже. Но он падает. Снова и снова...

Потом он обратился к дону Хенаро:

– Что, разве не так?

Дон Хенаро не отвечал, пристально глядя на меня.

– Но это невозможно! – произнес я.

– Ты прикован! – воскликнул дон Хуан. – Ты прикован к своему *разуму*. Один и тот же лист падает снова и снова с одного и того же дерева только для того, чтобы ты отказался от попыток *понять*.

Доверительным тоном он сказал мне, что с самого начала все складывалось как нельзя более удачно, однако, как всегда, в самом конце моя мания все испортила, и я словно ослеп.

– Понимать тут нечего. Понимание – это лишь крохотная частичка. Совсем крохотная.

Дон Хенаро встал. Они с доном Хуаном обменялись быстрыми взглядами. Потом дон Хуан устоял в землю перед собой. Дон Хенаро подошел ко мне, встал напротив и начал синхронно взмахивать обеими руками – вперед-назад, вперед-назад.

– Смотри, Карлос! – сказал он. – Смотри! Смотри!

Он издал странный резкий звук, словно что-то оборвалось. В то же мгновение в животе моем возникло ощущение пустоты. Это было ужасно мучительное чувство падения, не болезненное, но очень неприятное и изнурительное. Через несколько секунд оно исчезло. Остался только странный зуд в коленях. Но за эти секунды произошло еще одно непонятное явление – я увидел, что дон Хенаро стоит на вершине одной из высоких гор, до которых было никак не меньше полутора десятков километров. Это продолжалось не более десяти секунд и случилось настолько неожиданно, что я не смог разглядеть деталей. Это была то ли фигура в рост человека на вершине горы, то ли уменьшенное изображение дона Хенаро, наложенное на перспективу. Я даже толком не понял, он ли это вообще. Хотя, пока длилось это видение, я был совершенно уверен, что вижу именно дона Хенаро, стоящего на вершине горы. Но в то мгновение, когда я подумал, что невозможно увидеть человека с расстояния почти в двадцать километров, видение исчезло.

Я повернулся, чтобы посмотреть на дона Хенаро, но его не было.

Мое недоумение было невообразимым – вполне под стать происходящему. Я был совершенно сбит с толку.

Дон Хуан велел мне сесть на корточки и прижать колени к груди, а руки – к нижней части живота. Мы сидели молча, а потом он сказал:

– Я ничего не буду тебе объяснять. Чтобы стать магом, нужно действовать. Все остальное – ни к чему.

Он посоветовал мне немедленно уехать, потому что Хенаро, чего доброго, еще прикончит меня своими попытками мне помочь.

– Ты собираешься *изменить направление*, – сказал он, – и вот-вот разобьешь свои оковы.

Он сказал, что нечего было понимать в действиях его и Хенаро и что маги вполне способны совершать такие необыкновенные вещи.

– Хенаро и я действуем отсюда, – сказал он, указывая на один из центров в своей диафрагме. – А это – не центр понимания. И все же ты знаешь, что это такое.

Я хотел сказать, что понятия не имею, о чем он говорит, но он не дал мне на это времени, встал и сделал знак следовать за ним. Он пошел необыкновенно быстро, и я, пыхтя и потея, старался не отставать от него. Когда мы сели в машину, я огляделся в поисках дона Хенаро.

– Где он? – спросил я.

– Ты знаешь, где он, – резко ответил дон Хуан.

Прежде чем уехать, я посидел с ним, как делал это всегда. Мне непреодолимо хотелось попросить разъяснений. Как говорит дон Хуан, объяснение – это в действительности мое индальгирование.

– Где дон Хенаро? – осторожно спросил я.

– Сам знаешь, – сказал дон Хуан. – Ты терпишь неудачу за неудачей именно потому, что пытаешься понять. Прошлой ночью, например, ты с самого начала знал, что дон Хенаро позади тебя. Ты даже обернулся, чтобы его разглядеть.

– Да нет же, вовсе я этого не делал! – запротестовал я.

Я говорил совершенно искренне. Мое сознание отказывалось принимать такого рода воздействие, как «реальность». Но в то же время, после десяти лет обучения у дона Хуана, я не мог больше полагаться на свои привычные критерии «реальности». Однако все мои изыскания относительно природы реальности до сих пор оставались чисто интеллектуальными манипуляциями. Доказательством тому служили тупики, в которые своими действиями то и дело загоняли меня дон Хуан и дон Хенаро.

Дон Хуан взглянул на меня, и во взгляде его было столько печали, что я невольно заплакал. Слезы сами катились из глаз. Впервые в жизни я ощутил всю тяжесть и обременительность здравого смысла. На меня накатила какая-то неопикуемая мука. Я непроизвольно застонал и обнял его. Он быстро ударил меня костяшками пальцев по макушке. Я почувствовал, как вниз по позвоночнику пробежала волна. Это немного меня отрезвило.

– Ты слишком сильно себя жалеешь. И потекаешь своей слабости, – мягко сказал он.

Эпилог

Дон Хуан медленно ходил вокруг меня, как бы раздумывая, говорить или нет. Дважды он останавливался, но, казалось, передумывал. Наконец, он остановился и сказал:

– Вернешься ты или нет – совершенно не важно. Однако теперь ты должен жить как воин. Ты и раньше об этом знал. Но в твоём нынешнем положении ты уже обязан использовать нечто такое, на что раньше не обращал внимания. Но за это знание тебе пришлось бороться. Оно не свалилось на тебя с неба. И его не преподнесли тебе просто так. Тебе пришлось с силой добывать его из самого себя. Но все равно ты остался тем же, чем был, – светящимся существом. И так же, как и всякий человек, ты по-прежнему подвержен смерти. Когда-то я говорил тебе, что в светящемся яйце невозможно ничего изменить.

Он немного помолчал. Я знал, что он на меня смотрит, но избегал его взгляда.

– И в тебе действительно ничего не изменилось, – сказал он.